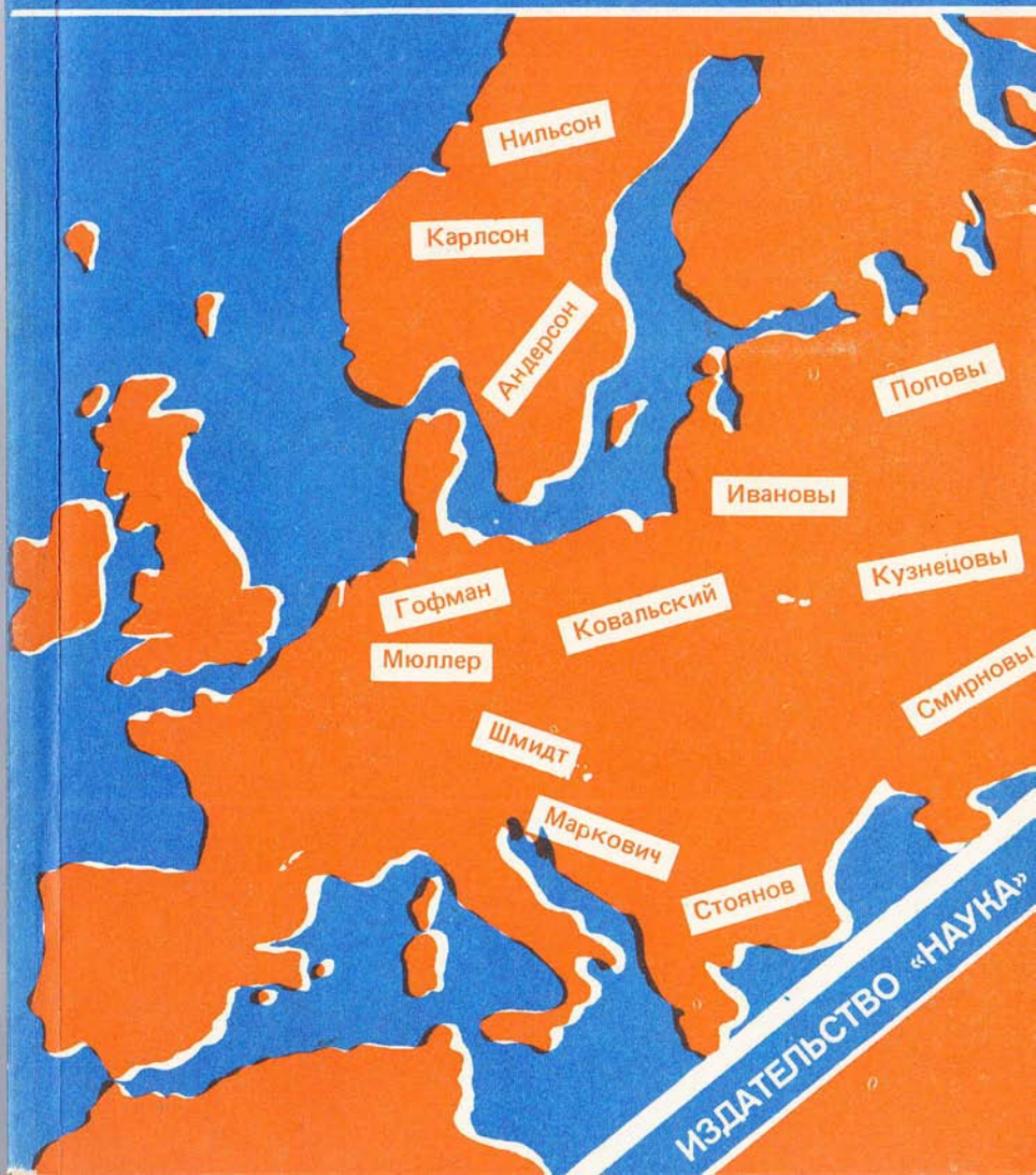

В. А. Никонов

ГЕОГРАФИЯ ФАМИЛИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Дружбы народов Институт этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

В. А. Никонов
ГЕОГРАФИЯ
ФАМИЛИЙ

Ответственный редактор

доктор географических наук С. И. БРУК

МОСКВА

НАУКА

1988

Рецензенты:

доктор исторических наук Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
доктор исторических наук Р. Ш. ДЖАРЫЛГАСИНОВА

Никонов В. А.
Н. 62 География фамилий.— М.: Наука, 1988.— 192 с.
ISBN 5—02—009945—7

Фамилии — это своего рода живая история страны. В Европе они появились впервые в Италии в X—XI вв., затем во Франции, Англии и в других странах. Фамилии у русских сформировались только в XVI в.

Какова история происхождения фамилий? Какие фамилии наиболее распространены? В каких районах чаще всего встречаются фамилии Иванов, Кузнецов, Попов, Смирнов? На эти и другие вопросы ответит данная книга.

Для этнографов, широкого круга читателей.

Н 050800000—300
042(02)—88 61—88—IV

ББК 81.3

ISBN 5—02—009945—7 © Издательство «Наука», 1988

Предлагаемая читателю книга является последней работой географа и этнографа, одного из крупнейших советских специалистов по ономастике (наука об изучении собственных имен различного типа — географических объектов, людей, животных, богов и т. д.) Владимира Андреевича Никонова. Когда монография находилась в печати, автор скончался (13 марта 1988 года).

Родился Владимир Андреевич 29 июля 1904 г. в Симбирске (ныне Ульяновск). Здесь в местной газете он начал свою трудовую деятельность, пройдя путь от репортера до редактора. В Ульяновске В. А. Никонов активно участвует в комсомольской работе, трудится на ниве просвещения.

В 1933 г. он переехал в Москву, где занялся литературной деятельностью: печатался в «Литературной газете», журналах «Знамя», «Красная новь», «Октябрь» и др. Более 300 статей и заметок В. А. Никонова опубликовано в энциклопедиях (Большой Советской, Малой литературной, Исторической, Географической).

В годы Великой Отечественной войны Владимир Андреевич служил в Волжской военной флотилии, выполнял ответственные задания командования, за что был отмечен правительственными наградами.

С 1950-х годов В. А. Никонов начинает заниматься ономастикой. Его труды посвящены самым разнообразным направлениям и проблемам этой науки: ареальному изучению ономастического материала, методам топонимических и антропонимических исследований, общим вопросам ономастической теории и т. д. Им написаны полу-

чившие широкую известность и признание монографии «Топонимика в историко-географической этнографии» (М., 1964), «Введение в топонимику» (М., 1965), «Краткий топонимический словарь». (М., 1966), «Имя и общество» (М., 1974), многочисленные статьи. Под руководством В. А. Никонова подготовлены и вышли в свет коллективные монографии, посвященные различным проблемам ономастики. Ряд его работ издан за рубежом.

В. А. Никонов был не только глубоким и всесторонним исследователем, но и крупным организатором науки. Он явился инициатором и руководителем первого Всесоюзного топонимического семинара и многих научных ономастических конференций: по ономастике Средней Азии, Кавказа, Поволжья, по топонимике Востока и др.

Доктор географических наук
С. И. БРУК

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЗАГАДКИ ФАМИЛИИ

Фамилия — наследственное имя семьи, первичной ячейки общества. В прошлом генеалогии (родословные) были достоянием только привилегированной горстки аристократов. А всей массе простого народа «предков не полагалось». Но как раз именно миллионы людей вправе гордиться своими предками, трудом которых создано богатство Родины.

Изучение фамилии ценно для науки. Оно позволяет полнее представить исторические события последних столетий, равно как и историю науки, литературы, искусства. Фамилии — своего рода живая история. Ошибочно думать, будто это относится только к фамилиям выдающихся людей — история трудовых семей ничуть не менее интересна. Фамилии рядовых людей позволяют, например, проследить маршруты больших и малых миграций. Вот один пример:

Единственная дореволюционная Всероссийская перепись (1897 г.) отметила в Среднем Притоболье за Уралом тысячи Меньшиковых и Достоваловых¹. Носители тех же фамилий встречались в Забайкалье². Конечно, повторение одной фамилии, даже частой, ничего не доказывает — она может встречаться где угодно. Иное дело — две относительно редкие фамилии, оказавшиеся вместе, несмотря на огромные расстояния. Очевидно, в Забайкалье носители этих фамилий пришли с Тобола. Мы находим те же фамилии в Приуралье, как раз на пути к Тоболу — в бывших Туринском и Оханском уездах. Следовательно, начало их пути на Восток надо искать на Европейском Севере России.

Работая над документами переписи в Архангельском архиве, я мечтал найти там Меньшиковых и Достоваловых, но тщетно. Обе фамилии неожиданно встретились в селениях бывш. Великодворской вол. Холмогорского у.³ Так наметился тысячекилометровый путь этих фамилий с низовьев Северной Двины за Байкал.

В переписных листах 1897 г. по Юргинской вол. Тобольской губ. (ныне Тюменская обл.) находим такие фамилии, как Горлатовы, Девочкины, Еськовы, Легостаевы, Минаковы, Молодых, Тепляковы, Черниковы, Чуевы, Шашковы, Шумаковы⁴, и тот же самый набор фамилий того же времени встречаем в Больше-Глушицкой вол. Самарской губ. (ныне Куйбышевская обл.)⁵. Ясно, что случайное совпадение стольких довольно редких фамилий невозможно, потому можно уверенно утверждать, что они «пришли» за Урал из Нижнего Заволжья.

Фамилии Анцуповы и Куценковы, известные в бывшем Ливенском у. Орловской губ., явно западного происхождения (судя по *ц* на месте *т*; белорус. Анцуп из Антип), позже обе они повторены в Светлом Яре на Нижней Волге близ Астрахани; Анцуповы встречаются и в Сибири. Недаром В. В. Покшищевский призывал ученых привлекать фамилии к изучению миграционных путей в Сибири⁶.

Важна информация, даваемая фамилиями, возникшими из топонимов (географических названий). Так, по всему Русскому Северу рассеяна фамилия Кокшаровых — это трагической судьбы маленького городка на р. Кокшеньге в Важской земле, уничтоженного в 1452 г. Если нанести на карту места распространения фамилий, образованных от названия одного города, и соединить их линиями с этим городом, получим розу лучей, указывающих зону его связей (такие выразительные картограммы по средневековым городам юго-западной Германии опубликовал А. Бах⁷).

Еще ценнее обратный способ исследования: показать, на какие края указывают фамилии жителей одной местности. В Иванищевской вол. Шадринского у. (юг Зауралья) в 1858 г. находим: Вологжанин — 273 человека, Мезенцев — 75 человек, Важенин — 70 человек, Кунгурцев — 23 человека, Устюженин — 16 человек⁸. Таким образом, даже не имея прямых документальных указаний, кто откуда прибыл, можем составить представление, с какой территории шло заселение этой волости — с севера Европейской России.

Многие фамилии напоминают об исчезнувших профессиях: Балакирщиков, Бердников, Бортников, Бронников, Воскобойников, Денщиков, Знахарев, Ирошников, Кожемякин, Коновалов, Копейщиков, Кречетников, Лучников, Мечников, Олейников, Решетников, Окладников, Пономарев, Ростовщиков, Рушников, Свечников, Скомо-

рохов, Сокольников, Солодовников, Стрельцов, Сырейщиков, Сыромятников, Толмачев, Трапезников, Хамовников, Целовальников, Шаповалов, Шерстобитов, Шорников, Щепетильников и множество других. Не раз отмечалось, что некоторые профессии исчезли бесследно и их названия остались неизвестными — об этом с горечью писал академик Б. А. Рыбаков⁹. Однако их можно найти в сокровищнице фамилий, надо только уметь их прочесть.

История труда и быта оставила след в фамилиях, лексические основы которых означали социальные отношения (Батраков, Баскаков, Половников), предметы одежды (Жаптев, Ноговицын), питания (Шангин, Сбитнев), обычаи и обряды (Ряженных, Панихидин). Многие фамилии рассказывают о былых суевериях: в семьях, где часто умирали дети, новорожденным, чтобы обмануть «нечистую силу», давали имена-обереги: Найден, Ненаш, Находка, отчества от которых стали впоследствии фамилиями — Найденов, Ненашев, Находкин. С именами-оберегами связаны фамилии Некрасов, Негодяев, Дураков (с фамилией Дураков в дер. Ереминка Тамбовской обл. студенты областного пединститута записали 18 семей) — это отчества от нецерковных имен Некрас, Негодяй, Дурак, которые были не ругательными, а защитными.

Такие фамилии, как Ожигбесов, Обернибесов, — драгоценные памятники народных воззрений далекого прошлого, народного творчества; они, как и прозвища, относятся к самым сжатым и выразительным жанрам фольклора.

Немало могут рассказать фамилии и об истории языка. Фамилия — слово и как слово оно составляет неотъемлемую часть языка и подчиняется его законам.

Во множестве фамилий отражена ярчайшая историческая черта России XVI—XIX вв.: всех непривилегированных именовать обязательно уничижительным формантом *-ка*. С болью и гневом писал об этом В. Г. Белинский: «Россия представляет собой ужасное зрелище страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Шешками, Палашками» («Письмо к Гоголю»). Фамилии от таких форм особенно многочисленны там, где большинство населения было крепостным. У народов Поволжья уничижительные формы имен держались вплоть до начала нашего столетия. Из всех фамилий с. Барановка Хвалынского у. Саратовской губ. 23% составляли Вашуркин, Иванкин, Матвейкин, Потешкин, Самаркин, Семкин, Тимошкин, Якимкин и др.

Фамилии доносят до нас множество забытых, никем не записанных слов и многие утраченные живой речью формы. Все знают фамилию Толстой, а в прилагательном *толстой* ударение переместилось. Мы теперь говорим *толстый*, только фамилия напоминает о старинной форме слова. Для нас непривычны встречаемые в письменных памятниках и краткие притяжательные прилагательные типа *волков* хвост, свист *змеин*. Формантами *-ов, -ин* образованы $\frac{9}{10}$ всех русских фамилий. Так, основа фамилии Яковлев — отчество от имени Яков. Откуда же *ль*? Оно рассказывает о былом законе языка: старославянские притяжательные прилагательные образованы суффиксом *-j* (сын володимирь, т. е. владимиров сын), а законы фонетики не разрешают присоединять его непосредственно к губному согласному, между ними возникло *л* (мягкое) — *святославль — святославов* (сын), Ярославль — притяжательное прилагательное *ярославов* (город).

Имена собственные, как и технические термины, составляют в системе лексики особую подсистему, в которой законы языка преломляются специфически, подобно лучу света при переходе из одной среды в другую. В ней возникают такие свои закономерности, которых нет в языке вне сферы имен собственных. Став фамилией (или иным именем собственным — личным именем, географическим названием и т. п.), слово начинает жить собственной, независимой от слова-предка жизнью, может и полностью утратить с ним связь. Поэтому нелегко бывает раскрыть этимологию фамилии, т. е. выяснить ее происхождение, найти то слово, от которого она произошла, понять способы и средства, какими она образована. Те свойства, которые делают фамилию ценным научным источником, как раз и создают немалые трудности для ее изучения. Фамилия не возникала из ничего. Раз есть Берснев, Каманин, Охрютин, значит, существовали слова *берсень, каманя, охрюга*, но они давно исчезли, оставив единственный след — фамилию. Но как бывает трудно по полустертому следу найти его источник!

Едва ли многие из отлично знающих современный русский язык сразу ответят, от каких слов произошли фамилии Лихарев, Маклаков, Откупщиков, Ряхин, Суслов, Швецов, Шлыков. Слова-основы этих фамилий умерли. В одних случаях исчезли обозначаемые ими реалии (перестали носить шлык, уничтожены маклаки и откупщики), в других — произошла замена слов (швеца теперь называют портным, а ряху — аккуратным, хотя

уцелел антоним *неряха*). Не каждый грамотный русский объяснит такие, казалось бы, простые фамилии, как Бобылев, Гончаров, Коновалов.

Особенно коварна обманчивая простота. Как будто нет ничего проще, чем объяснить фамилию Волокитин, но она не связана ни с волокитой — ухажером, ни с канцелярской волокитой. В старину *волокита* — работник, ведущий борону. Простой выглядит фамилия Дворников. Конечно, это дворников сын, но фамилия возникла, когда дворник был не уборщиком двора, как сегодня, а арендатором хозяйства, двора. Так же и Заказчиков — не от современного слова заказчик. В прошлом глагол *заказать* означал «запретить», т. е. заказчик — это надзиратель, надсмотрщик. Обманчива слышимая основа и в фамилии Бортников — она связана не с судоходством, а с пчеловодством: борть — улей в дупле. Молодежь не угадает, что Бабкин значит, собственно, «акушеркин». Двое выпускников филологического факультета уверенно назвали основой фамилии Карпов рыбу карп. Имя Карп, нередкое еще в начале нашего столетия, вышло из употребления и забыто; не всякий знает, что фамилия Гуров происходит от краткой формы *Гур* — канонического имени Гурий.

Подчас ошибаются даже профессионалы. Известная лингвистка М. А. Рыбникова «объяснила» фамилию *Рыбников*, как любителя пирога с рыбой¹⁰, в действительности же *рыбник* — сын рыборотловца. Знаток северных говоров И. А. Елизаровский ошибочно связал фамилию Паршуков с болезнью *паршой* (на самом деле это отчество от народной формы имен Парфен и Порфирий — Паршук), Харин — с вульгарным синонимом слова *лицо* (оно произошло из краткой формы *Харя* — Харитон); Черепанов связан не с черепом (*черепан* означало «гончар», а также «житель города Череповца»)¹¹.

Распространены фамилии Воронов и Воронин, в лучшем случае вам объяснят, что фамилии эти от двух разных основ, но причину древнего различия словообразовательных средств *-ов* и *-ин* еще никто не раскрыл до конца. Таковы же пары: Данилов — Данилин; Михайлов — Михайлин.

Кроме исторической лексикологии и исторического словообразования, при анализе фамилий необходимо знать историческую фонетику. Без нее не раскрыть происхождение таких фамилий, как Езерский и Есенин. Древнерусское инициальное *е* сменилось на *от* един → одил; елень → олень; езеро → озеро; есень — осень (основа фами-

лии Есенин по лексическому значению — в одном ряду с основами фамилий Зимянин, Весенин, т. е. предками их носителей были Зимяня, Весеня, Есеня). Фамилия Лучников происходит не от слова *луч*, она результат исторического смягчения *к* → *ч*; отчество означает «сын лучника», изготовителя стрелкового оружия — луков.

Но и совершенное знание истории русского языка недостаточно. Огромно количество фамилий, происшедших от диалектных слов. Основа фамилии Кочетов, надо думать, понятна если не всем, то большинству. А основы фамилий Бутримов, Дрогачев, Загоскин, Падерин известны не всюду (*бутрим* — ветлужское «угрюмый»; *дрогач* — рязанское «дергающийся, кривляющийся», *загоска* — олонцево «кукушка»; *падера* — северное и сибирское «пурга»). В Даревском р-не Кировской обл. обитают Шипулины, только словарь местных говоров объясняет, что *шпуля* означает «тихий, медленный»¹²; фамилия Ширманов записана в Горьком и Ульяновске, и именно на Среднем Поволжье известно слово *ширман* — «карман»¹³.

Нередки иноязычные фамилии в чисто русских семьях, например тюркские по происхождению Аксаков, Берсенева, Булатов, Карамзин, Мамаев и др. (часть их описал Н. А. Баскаков¹⁴, к сожалению, он ограничил себя генеалогическими памятниками, оставив в стороне массу народных фамилий, а с другой стороны — отнес к тюркским некоторые нетюркские); украинские — Кравцов, Мирошников, Тарасенков и др.; польские — Братынский, Малиновский, Милютин, Скуратов, Циолковский; немецкие — Фоввизин, Фурманов, Шнейдеров и др. Некоторые фамилии действительно обязаны своим происхождением далекому нерусскому предку, но и без этого тесное многовековое общение народов порождало заимствование слов.

Этимологию трудно объяснить, если не знать, какому языку принадлежит фамилия, а это не всегда можно определить. Эти трудности умножены частыми искажениями. Близость гласных *е*—*и* спугала фамилии Вишняков и Вешняков, у них совершенно разное происхождение: *вишняк* — вишневые заросли, *вешняк* в Беломорье — рыба, уходящий весной в море на промысел. В фамилии Страханцев еще можно узнать Астраханцева, в Леванидове — Леонидова, но труднее догадаться, что Облакатов — это Адвокатов, а Вахромеев, Охромеев, Фоломин восходят к Варфоломею, Стахеев — к Евстафию. Так же и в лю-

бом языке: французская фамилия Робеспьер — из Роберт + Пьер. Многие искажения происходили еще на до-фамильном уровне.

Искажениям способствуют переосмысления. Непонятное чужое или отмершее слово родного языка, сохраненное только в фамилии, пытались как-нибудь осмыслить (хотя бы частично) по сходству со значимым: бульвар → гульвар, поликлиника → полуклиника, полисадник → полусадик.

Так, фамилия Сенофоновых во владимирской деревне Егрево¹⁵ восходит к древнегреческому имени Ксенофонт, нередкие фамилии Селиванов, Селиверстов происходят от латинских имен Сильван, Сильвестр, т. е. «лесной», переосмысленных по созвучным привычным словам *селить*, *верста*. Обманывает написание фамилии Дорожкин — отчество от обиходной формы Дорошка (каноническое имя Дорофей), как Тимошка от Тимофей, Ерошка от Ерофей (из канонического Иерофей) и др. Имя воспринимали только на слух (2/3 населения страны были неграмотны), а по законам русского языка перед глухим согласным нельзя произнести согласного звонкого, т. е. сочетание *жк* произносимо, произносится *шк*. Писцы же, зная, что, например, произносится *лошка*, а писать полагается *ложка*, превратили Дорошку в Дорожку — написание и этимология ложны.

Обычно искажения фамилий в иноязычной среде, где неизвестно не только слово, от которого они образованы, но и нет никаких родственных слов. Фамилия в чужом языке одинока и незащищена. Немец Гаррах, при Петре I переехав в Петербург, стал Горох, а потомки его — Гороховы; потомки шотландца Гамильтона — Хомутовы. Переделаны на английский лад фамилии многих украинцев в Канаде: Антонышев превращен в Интонейши (англ. «интонация»), а Макогон (укр. макогон — человек, который гнал маковую водку, т. е. самогонщик) стал на шотландский манер Мак-Магон, т. е. «сын Могучего».

Напрасно думать, что искажения — в прошлом. Вот и недавние.

В документах с. Воскресенская Саловка Рузаевского р-на Мордовской АССР встречаем семью Зооболотниковы¹⁶, в действительности — это Заболотниковы, но болота осушены, а зоотехники в почете. На наших глазах раздвоилась фамилия Родионовы — стремительно множатся Радионовы, немало их «откололось» от Родионовых и «перекочевало» на Ра- (между Радин и Радченко). В сто-

личной телефонной книге 1978 г. Радионовых 26 (ч. 3, с. 846) при 675 Родионовых. Старинное имя Родион (из греч. *родон* — «роза») надолго выпадало из употребления, его забыли, а горе-грамотеи приняли *о* за окающее произношение и исправили на *а* — ведь слово *радио* общеизвестно. Для таких случаев, когда правильное принимают за ошибку, существует деликатный термин «гиперкоррекция» («сверхправильность»), чтобы не сказать честно безграмотность. Если же хотели привязать свою фамилию к слову *радио*, то причем здесь бессмысленное *-он* и притяжательное *-ов*?

Даже малые искажения, накопляясь, изменяют фамилию неузнаваемо. Самих посетителей фамилий Лохтиновых (Каменский р-н Пензенской обл.) удивляет, что ее зерно — древнегреческое имя Галактион — «молочный»; от того же имени распространенная фамилия Локтионов переосмыслена по созвучию со словом *локоть*; она часта в Рязани и Курске, встречается в Воронеже, Иванове, Калининe, Краснодаре, Липецке, Орле, Рыбинске, Саратове, Туле. Более редка фамилия Локшин (из краткой формы того же имени Локша). Сложен путь был у фамилии Юрченков. Греческое имя Георгиес («земледелец») пришло на Русь из Византии. Оно непонятно по значению да и непривычно фонетически — русское *р* впятеро реже предшествует согласному, чем следует за ним¹⁷. Имя звучало только в церкви, а в обиходе жили только его производные формы: народная — Егор и в «верхах» — Юрий (возможно, не без влияния варяжского имени Юрга). Нет русской фамилии Георгиев (нередка у болгар), зато Егоров в числе самых частых, кроме того, встречается еще Егоркин, Егоршин, Егорушкин, Егорышев, Егосин, Егоскин и т. д.; украинский формант *-енко*, означающая потомка (аналогично рус. «ребенок» и т. п.), образовал фамилию Юрченко, а доформил ее господствующий суффикс русских фамилий *-ов*.

Беззащитность имен собственных от искажений никто не отметил лучше К. С. Аксакова: «Ни одно слово не подвергается таким изменениям, неожиданным, негаданным, каким подвергается имя собственное. Лишь бы фонетика выдержала»¹⁸. Такова цена, которую фамилии (как и другие имена собственные) платят за свою автономность внутри языка.

Преодолеть все эти трудности — значит лишь подойти к анализу фамилий. Даже вскрыв их основу (а это не всегда возможно), мы еще не узнаем их значения. Ведь

Кузнецов не означает кузнеца, а выражает какое-то отношение называемого к кузнецу — сын кузнеца или, может быть, работник кузнеца. Разница существенна, семантика (значение, смысл) фамилии иная, чем ее основа.

Авторы многих работ пытались классифицировать фамилии, раскладывая их по полочкам: «от животных» (Баранов), «от птиц» (Уткин), «от растений» (Дубов) и т. д., пересказывая прозой стихотворную «Смешную фамилию» С. Михалкова:

В фамилиях различных лиц,
Порою нам знакомых,
Звучат названья рыб и птиц,
Зверей и насекомых:
Лисичкин, Раков, Индюков,
Селедкин, Мышкин, Телкин,
Мокрицын, Волков, Мотыльков,
Бобров и Перепелкин!

Поэт, конечно, не задавался целью научно анализировать фамилии, а исследователям надо бы задуматься над вопросом К. С. Аксакова, заданным более ста лет назад в его «Опыте русской грамматики»: от нарицательных *телега*, *ворона* нет и не может быть притяжательных прилагательных *телегин*, *воронин*. Откуда же взялись фамилии Телегин, Воронин? Ответить тогда не мог никто, даже автор. А суть в том, что Телегин, Воронин — безусловно не от слов *телега*, *ворона*, а от отчеств *телегин*, *воронин*, образованных из личных мужских имен Телега, Ворона, отвечающих на вопрос «чей сын» (т. е. как Ильин, Фомин),

Так, Зайцев не от слова *заяц*, между ними целая цепочка звеньев. Первоначальное значение фамилии — зайцев сын, не зайца, а Зайца. Имя Заяц было у русских частым до конца XVII в., десятки примеров приведены в словаре Н. М. Тупикова¹⁹. Следовательно, Зайцев ← зайцев ← Заяц ← заяц... и так далее к старинному *заяги*, что значит «прыгать, скакать». На одной научной конференции преподавательница русского языка чистосердечно посоветовала: «Как просто было: Зайцев — от зайца, Сорокин — от сороки, а теперь разбирайся!» Но подменять семантику фамилий семантикой ее дальних основ так же нелепо, как оценивать учеников по знаниям их предков. Лексические значения основ фамилий ценны для решения совсем иных задач, а выдавать их за семантику фамилий — серьезная и, увы, частая ошибка.

В Шуйском у. Владимирской губ. на 1 тыс. жителей приходилось 9 Морозовых, а в Холмогорском у. Архангельской губ. — только 0,3. Смешно думать, что климат Шуй в десятки раз холоднее, чем Холмогор. Предок Жуковых не ловил и не разводил жуков; увы, не каждый Мудрецов — мудр; Новгород — старейший русский город, а Большая Вишера меньше Малой Вишеры. Таков удел имен собственных.

Даже значение самой прямой, непосредственной основы иное, чем значение фамилии. Фамилии Зайцев, Волков, Собакин — не «от животных»; Сорокин, Мухин, Осетров, Соснин — не «от птиц, насекомых, рыб, растений», как и Кузнецов — не «по занятию», Иванов — не «от имени»!

Из сказанного, думается, ясно, что занятие фамилиями — не для любителей. Анализ каждой фамилии — научная задача, нелегкая, трудоемкая и, к сожалению, не всегда решаемая.

Изучает фамилии особая наука — антропонимика, ведению которой подлежат и другие виды собственных имен людей — индивидуальные, отчества, прозвища, клички, псевдонимы и проч. Вместе с антропонимиками все имена собственные (топонимы, т. е. географические названия, этнонимы — названия народов, космонимы — названия космических объектов, зоонимы — клички животных и др.) с изучающими их отраслями науки составляют ономастику.

Антропонимика как наука за рубежом сложилась в первой половине нашего столетия; отдельные более ранние работы еще и теперь полезны своим материалом и некоторыми наблюдениями. Сегодня литература по антропонимии огромна. основополагающи труды Альбера Дова (Франция), Адольфа Баха (ФРГ), Витольда Ташицкого (Польша); во многих странах мира изданы словари фамилий.

По русской антропонимии еще в начале столетия работали акад. А. И. Соболевский, Н. М. Тупиков, позже А. М. Селищев и его ученик В. К. Чичагов. Начало широкому исследованию русских фамилий в советское время положено в 1968 г. Первым Всесоюзным антропонимическим совещанием²⁰ и трудами О. Н. Трубачева по этимологии фамилий России²¹. Многочисленные работы по антропонимии вышли в Украинской, Белорусской, Латвийской, Молдавской, Эстонской союзных республиках.

Теперь фамилиями у нас занимаются очень многие, но за количественным ростом не поспевает качество, хуже всего дело обстоит с разработкой теоретических проблем ономастики.

Изучение фамилий продуктивно лишь при единстве языкознания, истории, этнографии. Этимология, не опирающаяся на этиологию, т. е. на сами условия, определяющие возникновение фамилии, лишена базы²². В свою очередь, этиология без этимологии, вооруженной доказательствами исторической фонетики, исторического словообразования, исторической лексики, — ничто.

Нередко по старинке ограничивают изучение фамилий выяснением их происхождения, отбрасывая всю последующую социальную судьбу, отнюдь не менее важную. Этимология — не единственная и даже не главная задача антропонимической науки.

За немногими исключениями ученые рассматривали отдельные, произвольно взятые фамилии или их группы. Но, исследуя массовые явления, можно найти немало примеров и за и против любого утверждения, поэтому необходим анализ в целом. Изучение фамилий — явление массовое, немыслимое без статистики, выясняющей соотношения разных (даже противоположных) тенденций и весомость каждого факта по отношению к целому. Без этого не отделить главное от мелочей, массовое от раритетов. Конечно, интересна и самая короткая фамилия москвички — Е, и пензенская — Душехватов, и ростовская Полторапавлов и т. п., но они интересны скорее коллекционеру, чем ученому. Магистраль науки — исследование массовых явлений.

Плохо обстоит дело со сбором фамилий, по большинству народов он даже не начат. Еще далеко и до полного списка русских фамилий, но главное не в этом. Несколько энтузиастов собирали их (М. К. Соков собрал десятки тысяч, несколько меньше — В. Ф. Юрченко и С. Л. Юровицкий), но без подсчета частотности и даже без указания места их бытования. Для науки от такого сбора пользы мало. И главное условие — подсчет необходим сплошной.

Мои подсчеты охватили миллионы человек по выборочным территориям. На каждой из выбранных территорий было охвачено все сельское население; для выводов надежнее материал, полученный из документов (листы переписей, похозяйственные книги колхозов, списки избирателей и др.). Но документы не указывают места уда-

рения и не передают произношения фамилии. А произношение и написание одной и той же фамилии не всегда совпадают. Например, в селениях под Ульяновском по московскому тракту произносят Качаф, Родаф, Шолаф, Шоломаф, а в документах они пишутся как Качаев, Радаев, Шалаев, Шаламаев. Наивен вопрос: «Как правильно?» Для исследования нужнее не документы.

Географический аспект изучения фамилий представлен в книгах А. Доза, А. Баха и других антропонимистов. Даже не новый словарь немецких фамилий А. Гайнтце, переработанный П. Гаскорби и издаваемый многократно²³, уже «привязал» многие фамилии к карте, а более поздние словари фамилий, такие, как итальянский Э. де-Феличе²⁴ и шотландский Г. Блэка²⁵, рассматривают большинство фамилий именно в их географическом распространении. У нас разработана география только украинских, белорусских, латышских фамилий. Замечательные карты в работах Ю. К. Редько, Н. В. Вирилло, В. Э. Сталтмане²⁶ убедительно показали, как огромны территориальные различия, отражающие историю народа и его языка. В небольшой заметке о грузинских фамилиях П. В. Бедошвили отметил основные границы между их типами²⁷. Географии русских фамилий коснулись только В. В. Палагина (сибирские)²⁸ и Г. Я. Сими́на (пинежские)²⁹, есть наблюдения и других двух-трех авторов.

Специальной работы по географии фамилий нет ни у нас, ни за рубежом. Предлагаемая книга как первая попытка, конечно, не заполнит эту брешь, многие проблемы географии фамилий она не охватит во всей полноте и цельности. Ведь сама методология этой молодой отрасли науки еще только в процессе становления. Вот наглядный пример: лишь совсем недавно, исследуя фамилии эстонских селений Среднего Поволжья, В. Ф. Барашков сделал вывод: чем позже христианизация, тем выше процент фамилий от канонических, церковных или календарных имен. Объяснить это явление легко: только на рубеже XVII—XVIII вв. церкви и правительству удалось запретить нецерковные имена. Применение предположительно критерия сулило заманчивые перспективы для исторических исследований. Мои подсчеты позволили проверить это на многих территориях. В центральнорусских областях он, видимо, мало эффективен из-за многослойности населения. Даже в Пензенской губ. (1917 г.) частота фамилий от канонических имен заметно возрастает с се-

веро-запада на юго-восток соответственно хронологии русского заселения: самая низкая — в Выборновской вол. (ныне Бадинский р-н), южнее — около трети³⁰, еще южнее, в Тархановской и Анучинской волостях, превышает 70%, а восточнее, в Завиваловской вол., еще выше. В Псковской и Новгородской областях фамилии от канонических имен охватывают абсолютное большинство населения*.

Подсчеты побуждают допустить, что частотность фамилий от канонических имен, возможно, обусловлена не временем христианизации, а тем, протекала ли в данной области массовая замена нецерковных имен раньше или позже внедрения фамилии. А для территории позднего заселения частотность фамилий от канонических имен вторична: она обусловлена датой переселения, определяющей, откуда вышли переселенцы. Картина очень пестра, метод пока спорен и ждет серьезного обсуждения, требующего знаний и опыта. Новопредложенный критерий успел частично найти место в этой книге, но сколько еще может открыться других путей изучения географии фамилий!

* * *

В предлагаемой книге больше вопросов, чем ответов, а ответы рождают новые вопросы. Это поиск, чем и обусловлено несходство глав по структуре; но и по замыслу автора каждая глава должна быть не похожа на другие, в основе одной — карта, другой — статистическая таблица, третьей — словарь. Их нельзя оторвать и отнести в приложение, так как именно они составляют содержание главы, текст же — лишь комментарий к ним. Настоящая книга — проба разных методов молодой отрасли знания.

* Во всех подсчетах — количество не фамилий, а их носителей.

¹ ЦГИАЛ. Ф. 1290. Оп. 6. Курганский округ. № 328, 331, 333, 334; Тобольский филиал архива Тюменской обл. Ф. 417. Оп. 1. Ялutorовский у. № 195—199.

² ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 6. № 377, 378.

³ Архив Архангельской обл. Ф. 6. Оп. 19. № 212, 213.

⁴ Тобольский филиал архива Тюменской обл. Ф. 417. Оп. 1. № 213.

⁵ Архив Куйбышевской обл. Ф. 171. Оп. 1. № 125.

⁶ *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири. Иркутск, 1965. С. 55.

⁷ *Vach A.* Deutsche Namenkunde: Die deutsche Personennamen. Heidelberg, 1952.

- ⁸ Архив Пермской обл. Ф. 111. Оп. 1. № 2564.
⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 693.
¹⁰ Рыбникова М. А. Книга о языке. М., 1925. С. 14.
¹¹ Елизаровский И. А. Лексика Белозерских актов XIV—XVII вв. Архангельск, 1958. С. 27.
¹² Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1908.
¹³ Бондалетов В. Д. Условный язык пензенских портных // Вопр. русской диалектологии. Куйбышев, 1965. С. 180.
¹⁴ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
¹⁵ Архив Владимирской обл. Ф. 433. Оп. 1. № 125.
¹⁶ Республиканский архив Мордовской АССР, Ф. Р-548. Оп. 2. № 230. Л. 20.
¹⁷ Никонов В. А. Позиции тюркского р // Вопр. алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1976. С. 56.
¹⁸ Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. III, ч. 2. Опыт русской грамматики. М., 1880. С. 58.
¹⁹ Тушиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
²⁰ Труды совещания изданы двумя томами: Антропонимика. М., 1970; Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970.
²¹ Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России // Этимология. М., 1968.
²² Nikonov V. A. L'etimologie? Non, l'etologie! // Revue Internationale d'Onomastique. P., 1960. N 3.
²³ Heintze A., Gascorbi P. Die deutsche Familiennamen. 6. Ausg. Halle, 1925.
²⁴ Felice E. Dizzionario dei cognomi italiani. 2 ed. Milano, 1979.
²⁵ Black G. F. Surnams of Scotland. N. Y., 1946.
²⁶ Редько Ю. К. Сучасні українські прізвища. Київ, 1966; Бирило Н. В. Белорусская антропонимия. Минск, 1969; Сталмане В. Э. Латышская антропонимия: Фамилии. М., 1981.
²⁷ Бедошвили Г. В. О грузинских фамилиях // Антропонимика. С. 193.
²⁸ Палагина В. В. К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI—XVII вв. // Вопр. рус. языка и его говоров. Томск, 1968; Она же. Русские антропонимы XVII в. как источник информации о диалектном составе населения // Вопр. изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.
²⁹ Смирнова Г. Я. Фамилия и прозвище // Ономастика. М., 1969; Она же. Бытовые варианты личных имен // Антропонимика.
³⁰ Барашков В. Ф. Фамилии с календарными именами в основе // Антропонимика. С. 110—114.

ФЛАГ СЕМЬИ

Привычное, обыкновенное кажется простым, естественным, не нуждающимся в объяснении. Сегодня у нас каждый получает фамилию при рождении, и большинство не может себе представить, что люди когда-то жили без

фамилий. А фамилии возникли поздно*; если мерить историческими масштабами, по-видимому, на севере Италии в X—XI вв.¹, экономически наиболее развитой области Европы. Выдвигали и более ранние даты (например, VIII в.), но они не выдержали проверки — их авторы приняли за фамилии внешние наименования — либо родовые, либо, напротив, ненаследственные. Поэтому тщательной проверки ждут высказывания о фамилиях VI в. у грузин и IV в. у армян — необходимы доказательства, что они переходили по наследству, но означали не род, а семью.

Из Ломбардии через Пьемонт фамилия «пришла» в соседний Прованс (юго-восток Франции) (до альбигойских войн был в авангарде экономического и культурного развития), постепенно распространилась по всей Франции, «перешагнула» за Рейн и Ламанш. В 1066 г. ее из Нормандии (на севере Франции) норманны, завоевав Англию, перенесли туда. Правда, П. Рини пишет, что фамилии появились там до норманнов, но «они не были наследственными»².

В Страсбурге уже к концу XIII в. все горожане имели фамилии; во Франкфурте-на-Майне в 1312 г. 66% бюргеров были бесфамильные, а в 1351 г. — только 34% — за 40 лет соотношение круто изменилось: $\frac{2}{3}$ уже имели фамилии³. С Рейна фамилии постепенно распространялись на север и восток. Но, как отметил Р. Фишер, «у немецких крестьян установление фамилий в XIV в. еще не завершилось», а по В. Флейшеру, оно продолжалось и в XIX в.⁴ Процесс становления фамилий в Англии, по П. Рини, закончился к 1400 г., но в Уэлсе «до Генриха VIII фамилий не было даже у дворян»⁵ — там, как и в Шотландии, фамилии продолжали формироваться в XVIII в. На рубеже XV—XVI вв. фамилии достигли Дании. В 1526 г. король приказал всем дворянам обзавестись фамилиями. Из Дании и Германии в том же столетии фамилии пришли к шведам.

* Слово familia (лат.) существовало за много веков до возникновения фамилий в современном смысле: оно обозначало общность, включавшую семью хозяев и их рабов и клиентов (зависимых). Позже в языках Западной Европы оно стало означать семью и в этом смысле воспринято русским языком при Петре I (1703 г.); в дальнейшем постепенно слово приняло иное значение: не семья, а ее именование; впрочем, еще в начале нашего столетия это слово часто употребляли в значении «семья» с торжественной и иронической окраской.

В небольшой Венгрии на распространение фамилий потребовалось пять столетий — с XIV по XVIII в.⁶ В Польше документы XIV в. по городам фиксируют наименования, внешне полностью соответствующие фамилиям, но в действительности еще не фамилии. В списке студентов Краковского университета только 10% родителей имели именованья, воспринимаемые теперь как фамилии, но были ли они наследственны — неизвестно. Ст. Роспонд датирует появление фамилий у шляхты (дворян) рубежом XV—XVI вв., а у остального населения — только XVIII в.⁷ В исследовании, рассматривающем фамилию как явление правовое, С. Гжибовский установил, что «фамилия как развившееся правовое установление шляхетское датируется последней четвертью XVI в.»⁸ Собрав крестьянские фамилии одной из местностей XVII—XVIII вв., польская антропологистка М. Каминьская подчеркнула, что «сельские фамилии XVII—XVIII вв. еще не были фамилиями. В XVIII в. процесс становления крестьянских фамилий только лишь начался»⁹. Ее коллега М. Карплукувна констатировала: «...что до фамилий крестьян, то известно немного. Вероятно, крестьяне не имели наследственных фамилий до конца XVIII в.»¹⁰ В Чехии, по мнению Й. Свободы, «о фамилиях можно говорить только с издания указа Иосифа» (1780 г.), хотя «уже из XIV и XV вв. можно привести примеры перехода именованья на следующее поколение»¹¹.

В России становление фамилий началось поздно и растянулось на четыре столетия. И. А. Соболевский напрасно признавал фамилиями родовые именованья бояр с XIV в.¹² Как и княжеские титулы (Шуйские, Курбские и др.), они еще не были фамилиями, хотя те и другие послужили моделями для последующих фамилий, а некоторые из них действительно стали фамилиями. Характерен такой пример в боярской среде: в первой половине XIV в. боярин Андрей Иванович Кобыла имел трех сыновей: старший — Семен Жеребец, правнук которого записан как Игнатий Жеребец-Кобылин, родоначальник Жеребцовых; второй сын — Александр Елка Кобылин — от него пошла Кобылины; третий, младший сын — Федор Кошка, родоначальник Кошкиных, от которых вели родословную Романовы, будущая царская и императорская династия. Дробления боярских родов и в XVI в. продолжали формировать именованья отделяющихся ветвей.

Н. П. Лихачев предположил, что особенно часто отпочковывались роды, не имеющие старинных родословных. Например, Монастыревы всего за четыре поколения выделили три ветви с новыми именованьями — Блиновы, Циплетевы, Бурухины¹³. Знатные же роды, кичась древностью своих родословий и стремясь обособиться от боковых ветвей, присоединяли вторую фамилию: Самарины стали Квашнины-Самарины, появились Вельяминовы-Зерновы, Дмитриевы-Мамоновы.

Настоящие фамилии у русских сформировались только с XVI в. Внедрение их в России XVI—XVII вв. стимулировано укреплением нового социального слоя, становящегося правящим, — помещичьего. На рубеже XVII—XVIII вв., когда дворянство уже господствовало и экономически и политически (в 1678 г. 57% всех крестьянских дворов в Московском государстве принадлежали помещикам), Петр I смог потребовать фамилии от всех дворян. Большинство дворянских фамилий образованы из отчеств (от имен дочерковых или церковных), реже — по названиям владений (в подражание боярам или польской шляхте, связь с которой была теснейшей). Крайне неудачна формулировка В. К. Чичагова в его книге «История русских имен, отчеств и фамилий»: «Процесс образования фамилий в русском литературном языке к началу XVIII в. закончился»¹⁴. К этому времени закончилась выработка новой формы именованья, но она охватила меньшинство русских (дворяне, часть купцов и государственных крестьян), основная масса русских к этой дате фамилий еще не имела.

Пестроту официальных именованья до фамилий можно показать по писцовой книге Ярославля 1671 г.¹⁵ В ней переписаны 3081 мужчина, элементов именованья больше десяти. Основные: личное имя, как правило, в уничижительной форме, с суффиксом *-ка* (трое указаны без имени); занятие; место прежнего жительства; отчество от канонического (т. е. церковного) или иного имени отца в форме притяжательного имени прилагательного; имя отца в форме родительного падежа; занятие отца — также в одной из этих двух форм; для духовенства — по названию церкви; единичные — по имени матери, по яркой физической примете. Сочетания этих обозначений образуют множество комбинаций, из них в писцовой книге использованы 33, все они с подсчетом частоты каждой приведены в моей книге «Имя и общество»¹⁶. Здесь достаточно ограничиться несколькими: терешка васильев

сын пирожник, фёдка андреев сын гнида, васка сапожник, ивашка вологжанин, пронка нерехчанинов (т. е. отец его из Нерехты), богородицкий поп, горбун нищий. Фамилий еще нет (дворяне описи не подлежали), но видны источники, из которых позднее возникнут фамилии.

У купцов единичные фамилии известны еще с XVI в., но только у крупнейших, например у Строгановых, их так и звали «именитое купечество». Перепись 1722 г. даже по богатейшей Кадашовской слободе Москвы показала 12% бесфамильных купцов¹⁷, по другим частям Москвы — еще больше. В XVIII в. доля бесфамильных не убывала, так как купечество пополняли выходцы из ремесленников и крестьян. По ревизии 1816 г. (ревизиями называли переписи всего податного населения), в первых 11 слободах Москвы из 2292 купеческих семей 571 записано без фамилий, т. е. почти 25%. В документах переписи постоянны записи: «прозвищем Сорокованова позволено именоваться 1812 года июля 5 дня»; «фамилиею Серебряков позволено именоваться 1814 года генваря 17 дня». Нередко к имени и отчеству другим почерком позже приписано: «получил фамилию Шапошников 1816 года июля 10 дня»¹⁸.

Когда фамилии стали отчетливой категорией, социальное признание, последующее формирование их протекало уже не стихийно, а осознанно, по сложившимся типам и моделям фамилий, но употребление их специфично. Вот несколько видов русских фамилий, созданных так. У аристократов России конца XVIII в. вошло в обычай дарить своим внебрачным детям, так сказать, кусок собственной фамилии: Пнин из Репнин, Лицын из Голицын, Умянцев из Румянцев и т. п. Тогда же, но в огромном масштабе начата фабрикация фамилий духовенству, расцветшая в следующем столетии. Ведь негоже духовному пастырю именоваться Собакин или Свиньин. Установили строгий порядок: в духовную семинарию, готовящую священников, перед выпуском приезжал епархиальный архиерей и раздавал фамилии по своему усмотрению, чаще всего — по названию церкви, в которой служил отец семинариста: Архангельский, Троицкий, Вознесенский, Никольский, Богородицкий и проч., включая неуклюжие Крестовоздвиженский, Всехскорбященский, Духосошественский (все — от церковных праздников), или из названия села, в котором церковь расположена. Так, в Казанской епархии оказались священники с фамилиями от мусульманских имен; другие получили фамилию как бы

украшающую (по драгоценным камням — Алмазов, Аметистов; по цветам — Гиацинтов, Розанов; по птицам — Лебедев, Голубев). Архиерей, имея классическое образование, черпал фамилии из древнегреческого и латинского языков. Так возникли Беневоленские (или русская калька — Добровольские), из античной истории и мифологии (появилось множество священников, названных в честь языческих деятелей — Гераклитов, Диогенов — и даже языческих божеств — Минервин, Палладин, Купидонов и т. п.). За нелучшее поведение даны фамилии Геростратов, Авессаломов. Семинаристы сложили остроумную формулу получаемых ими фамилий:

По церквам, по цветам,
По камням, по скотам,
И яко восхоцет его преосвященство.

Духовенство было многочисленным и плодовитым, его потомки составили заметную часть населения (в частности, так называемые разночинцы, многие из которых вошли в ряды интеллигенции). Поэтому фамилии этого происхождения нередки и сегодня.

Постепенно фамилии распространялись на ремесленников и другой городской люд. В документах картина была пестрой: можно встретить их у горожан уже в середине XVI в., немало все еще было бесфамильных горожан в середине XIX в., например в ревизской сказке (книга переписи) мещан города Шацка 1858 г.¹⁹

У государственных крестьян, особенно на Севере, где не было крепостного права, фамилии возможно появились еще в XVII в. — известны Артемьевы и Хлызовы в Яранском у.²⁰, но все-таки такие примеры единичны. Тщательно изучив источники с Северной Двины, Г. Я. Сими́на решительно утверждает: «Письменно памятники Пинежья свидетельствуют, что фамилии там сложились в XVIII в.»²¹ как второе отчество (из второго, нецерковного, имени отца).

Крепостным крестьянам фамилия не полагалась. На вопрос: «Чьи вы?» — отвечали: «Мы оболенские», «Мы репьевы», т. е. крепостные Оболенских, Репьевых. Уличные фамилии существовали у многих, но нигде не записанные, они как стихийно возникали, так и стихийно изменялись и исчезали. Нередко семья носила сразу несколько разных уличных фамилий.

Историков и неисториков неизменно обманывает трехчленное русское крестьянское именование середины

XIX в., которое им кажется фамилией. Безусловно нет! Это второе отчество или скользящее дедичество. Стандартный пример: в 1834 г. в с. Троицкий Сунгур Сызранского у. Симбирской губ. числится государственный крестьянин Иван Захаров Маркелов²². Все принимают Маркелов за фамилию. Но в переписи 1897 г. его сын записан как Степан Иванов Захаров²³. Маркелов — это еще не фамилия, а скользящее дедичество.

Нелегко обнаружить момент возникновения крестьянской фамилии. В противоположность аристократическим генеалогиям, по которым произведены сотни исследований, крестьянских родословных не сберегали, и теперь лишь немногие из них можно восстановить. Для этого необходимо, чтобы уцелели достаточно полные материалы нескольких переписей по одной и той же местности, но и в этом случае трудно установить тождество семьи. Все же удалось проследить несколько семей почти за два столетия; в немногих случаях посчастливилось найти исток фамилии. В д. Раевка Звенигородского у. Московской губ. записаны в 1840 г. Осип, Антон, Трофим, Филипп Назаровы с женами и детьми, им дополнительно проставлена фамилия Гавриловы; в ревизии 1834 г. они еще бесфамильны. В 1816 г. был еще жив их отец Назар Яковлев, его отец Яков Иванов родился в 1746 г. от Ивана Гаврилова (отчество!), которому в 1747 г. показано 30 лет²⁴. Следовательно, фамилия возникла у правнуков Гаврилы во второй половине XVIII в. и жила, не признанная документами, до 1840 г.

Как шатки были внедокументальные фамилии, показывает такой пример, отнюдь не исключительный. Всероссийская перепись 1897 г. застала в с. Монастырский Сунгур Сызранского у. Симбирской губ. Алексея Григорьевича Севастьянова и Степана Дмитриевича Тудакова²⁵. Поиск истоков их фамилий обнаружил по ревизским сказкам 1816, 1834, 1858 гг. такие неожиданные зигзаги: Севастьян Петров Тудаков был рожден в 1776 г., его сын — Григорий Севастьянов, сын которого и стал Алексеем Григорьевичем Севастьяновым: у Ивана Федорова Осьминина (рожденного в XVIII в.) сын — Дмитрий Иванов, сын которого Степан Дмитриевич Тудаков. Вот какая произошла удивительная рокировка: каким-то образом прямой потомок Тудакова превратился в Севастьянова, а Осминин — в Тудакова. Настолько зыбки были фамилии. Заведующая Костромским архивом закса А. С. Амберова сообщила, что одна ветвь семьи ее пред-

ков в с. Шувалово Костромской губ. получила фамилию Ивановы по деду, а другая по бабушке — Маринины. Происходило широкое «отпочкование» крестьянских фамилий, напоминающее сходный процесс у бояр XVI—XVII вв., — явление, характерное для процесса становления фамилий как категории именованья.

Падение в 1861 г. крепостного права принудило в числе прочих реформ «офамилить» население страны. На дореформенные канцелярии, знаменитые полной неспособностью разобраться в делах, обрушилась непомерная задача — дать фамилии десяткам миллионов «освобожденных». Конечно, решали ее «спустя рукава». Способов было три.

1. Превращали в фамилию отчество или дедичество. В ведомости рекрутов, призванных в армию по Покровскому у. Владимирской губ. в 1889 г., все записаны еще без фамилий — Петр Федоров, Андрей Александров, а рядом в деле лежит список признанных годными — это те же лица, но они уже «в строю», все с фамилиями, тут же образованными из отчеств: Федоров Петр Федоров, Александров Андрей Александров²⁶.

2. Во многих местностях всем подряд записывали фамилию бывшего владельца, особенно в вотчинах крупнейших магнатов. Так целыми селами и получали фамилии Репьев, Пушкарев. У тульских и орловских колхозников можно встретить аристократические фамилии Трубецкой, Оболенский, Нарышкин.

3. Если оказывалась под рукой одна из уличных фамилий, записывали ее (подчас искаженно, на слух), иногда придумывали наспех.

У многих крестьянских семей фамилии оставались неустойчивыми, в документах очень часто двуфамильность: перепись 1897 г. зарегистрировала в с. Борла Сентилеевского у. Симбирской губ. Силантьевых, они же Мавровы; Красниковых, они же Труновы; Калашниковых — Афанасьевы; Кулаковых — Карповы и т. д. Таких семей насчитывается 15; есть даже трехфамильные — Липатовы, они же Авакумовы, они же Харитоновы²⁷. В метрической книге церкви с. Труслейка Карсунского у. Симбирской губ. за 1908 г. почти каждый крестьянин записан с двумя фамилиями: Баканов, он же Герасимов; Степапин, он же Баканов; Платонов, он же Нехорошев; Андревнин, он же Савельев, и т. д.²⁸ В исповедальных ведомостях, например сел Богданино и Ближняя Борисовка Калужской губ., за 1913 г. нередко встречаются двухфамильные²⁹. Кар-

тина та же, что и полстолетием раньше в купеческих семьях Ельца и Шацка и др. Наличие параллельной неофициальной фамилии у польских крестьян отметила М. Каминьска³⁰.

Царскому правительству так и не удалось добиться, чтобы фамилии охватили всех. Возникали и новые категории бесфамильных.

1. Велико было число «незаконнорожденных» — внебрачных и подкидышей. Один пример: Херсонская губернская земская управа 13 марта 1913 г. жаловалась в высшие инстанции, что не в силах содержать 1700 подкидышей, с фамилией их пристроить («в качестве детской рабочей силы») очень трудно, а бесфамильных вовсе «немыслимо»³¹. А сколько их было по всем 108 областям и губерниям!

2. Невозможно сосчитать количество беглых и прочих, скрывавших свою фамилию. В полиции их обозначали «непомнящий родства» (отсюда многочисленные сибирские носители фамилий Непомнящий, Непомнящих, Бесфамильных).

3. Перепись 1897 г. застала немало бесфамильных и среди крестьян. Например, в Меленковском у. Владимирской губ. на многих листах десятки крестьян записаны с пометой «без фамилии» (Архив Владимирской обл. Ф. 433. Оп. 2. Д. 37). Чрезвычайно часта двухфамильность, т. е., в сущности, неустойчивость фамилии. В 1910 г. в с. Семеновское Белевского у. Тульской губ. жили Демкины, они же Ионовы; Тарасовы, они же Меркуловы, и т. п. (Архив Тульской обл. Ф. 4. Оп. 3. Д. 478). В 1914 г. в с. Адоевщина Хвалынского у. Саратовской губ. читаем: Кулаковы, они же Парфеновы, Корсаковы — Лексины, Кузьмины — Святцевы, Тихоновы — Карповы и проч. (Архив Саратовского загса, метрические книги).

4. Не знали фамилий целые народы — всей северной Сибири и Дальнего Востока. А. В. Смоляк рассказывает, как нанайцам, 8-тысячному народу рыбаков и охотников в низовьях Амура, трижды записывали фамилии: в 1897 г. (нанайцы были неграмотны, и им не было никакого дела до того, как их записали), перед первой мировой войной (с тем же результатом), в 1926 г. (все они по-прежнему к этому году оказались без фамилий)³². У крупнейших народов Средней Азии до 30-х годов нашего столетия фамилии имело только меньшинство.

В каждой стране становление фамилий проходило

многие этапы, причем разными путями и в разное время. Каждый из этих этапов по отдельности известен в антропонимической литературе, но пока еще нет работы, в которой они были бы сведены воедино.

1. Распространение фамилий, разумеется, не охватывало сразу всю территорию страны. Оно зависело от уровня социально-экономического развития; фамилии появляются раньше в районах наиболее развитых или теснее связанных с теми странами, где она установилась прежде.

2. Фамилия социальна. Она возникает в определенных социальных слоях, обслуживая их интересы. Более того, в сословном строе она стала сословной привилегией и правящие слои сопротивлялись ее распространению в народных «низах». Только создание крупных централизованных государств со сложным полицейским, налоговым, административным и прочими аппаратами принудило «офамилить» все население. Однако и тогда привилегированные слои тормозили это. В Японии до так называемой революции Мэйдзи (1867 г.) право носить фамилии принадлежало только господствующим сословиям. В России большинство помещиков имело фамилии к началу XVIII в., а миллионы их крепостных и в середине XIX в. оставались бесфамильными.

3. В одном социальном слое не все семьи сразу приобретали фамилию. В среде московского купечества еще при Иване Грозном некоторые уже носили фамилию, но и через 250 лет далеко не все московские купцы их имели. По переписи 1816 г., в Кадашевской слободе 381 купеческая семья была с фамилиями, а 84 — без фамилий, в Семеновской слободе у 269 семей были фамилии, у 110 — не было³³.

4. Фиксация фамилии в документах очень отстает от ее появления. Например, упомянутая фамилия Гаврилов в д. Раевка Звенигородского у., впервые документированная в 1840 г., — та же семья в предыдущих переписях записана без фамилии. Откуда же фамилия? Только за 100 лет до того, в документе 1747 г., обнаружен 30-летний Иван Гаврилов — это отчество стало «уличной» фамилией, которая 100 лет переходила из поколения в поколение, недопускаемая в официальные документы³⁴.

5. Законодательные акты, делающие фамилию обязательной, всюду поздние: в Баварии — 1677 г., в Австрии — 1776 г., в Пруссии — 1794 г.³⁵; во Франции только Кодекс Наполеона объявил фамилию обязательной, т. е.

первое проникновение фамилии в документы — это одно дело, а государственное установление обязательности фамилий — это другое.

Вся эта сложность делает трудносопоставимыми даты становления фамилий: по одной стране можно установить десяток дат — и каждая будет верной, но только в определенном «контексте» всего процесса.

Но главная трудность даже не в этом. Именование становилось фамилией постепенно. Становление фамилий означает не создание новых форм, а изменение функций существующих именованных (отчество, прозвищ и др.). Таков основной путь возникновения фамилий. В перспективе времени трудно заметить, когда отчество, прозвище или иное именование превратилось в фамилию. Обычно это совершалось незаметно и для носителей имени, и для окружающих. Но еще легче принять теперь за фамилию давнее именование, еще не бывшее фамилией, — ошибка, нередкая даже в научных работах, а вне их слишком частая. Учитель из Крыма прислал в Академию наук возмущенное письмо, гневно требуя наказать за клевету авторов, печатающих, будто у русских в древности не было фамилий: «а как же Илья Муромец, Алеша Попович?» Увы, он не одинок: у речного вокзала в Горьком, столице волжского пароходства, на огромном стенде объявлены приход и отправление теплоходов И. Муромец, А. Невский. Дошло до того, что на печатных страницах встречаем А. Македонский, А. Навои. Ленинградская вечерняя газета с грустью пошутила, что, пожалуй, увидим «памятник П. Первому».

Чтобы отличать фамилию от иных видов именованных, необходимо четкое и единое определение ее. В большинстве работ о возникновении фамилий отсутствует само определение фамилии. Может быть, из-за трудности отличить ее от прозвища, от отчества и других антропонимических именованных? Кажущееся совершенно ясным часто оказывается самым коварным. Возможность высказывания: «это были уже фамилии, но еще не наследственные» — показывает, что в понимании «что такое фамилия?» нет ни четкости, ни единства. У разных исследователей, как и в разных источниках, один термин может иметь разные значения и, наоборот, одно явление может обозначать разные термины (например, в России до XIX в. фамилию в современном смысле слова обозначали термином *прозвище*, а слово *фамилия* значило «семья»). Это еще полбеда, а беда — не замечать этого,

При произвольном понимании спорных терминов вообще никакая наука не возможна.

Справедливо наблюдение М. Каминьской, что нет видимых признаков, которые позволили бы различать, где имеем дело с фамилией, а где с прозвищем³⁶. Но тут же исследовательница предлагает такой критерий: «Различаются они, однако, тем, что слово, служащее фамилией, утратило свое первоначальное значение, напротив, в прозвище по большей части это значение еще ощутимо». Это неверно и для фамилий и для прозвищ, не говоря уж о том, что степень этимологической «прозрачности» весьма зыбка и неопределенна; если взять только бесспорные, каждый приведет множество «прозрачных» фамилий (Кузнецов, Орлов, Иванов), но пусть он вспомнит прозвища своих одноклассников или учителей и попробует «объяснить» какого-нибудь Тюляя или Бака.

Может быть, признавать именование фамилией только с момента официального санкционирования? В сущности, к такому пониманию клонит содержательное и ценное исследование С. Гжибовского. Но это как раз переносит на прошлое отношения современные. Исторически закон (писанный и неписанный) не создавал фамилии, он лишь закреплял за ней юридическую силу. Закон утверждал сложившуюся антропонимическую ситуацию, а не формировал ее.

В основу различения фамилий от прозвища кладут ее устойчивость. «Прозвища не были застывшими, как современные фамилии»³⁷. Признак устойчивости приближает к решению, но это определение не годится. Прозвище нередко сопровождало человека всю жизнь, не став фамилией. Например, четыре фамилии женщины, трижды выходявшей замуж, не превращаются в прозвища.

При разработке Кодекса законов о браке и семье СССР возникла необходимость научно определить термин *фамилия*. Главное управление загса СССР обратилось к группе ономастики Института этнографии АН СССР. В результате обсуждения принято определение фамилии: наследственное имя семьи, устойчивое не менее как в трех поколениях.

* * *

Итак, установление фамилий прокатилось по Европе. Хотя этот процесс занял тысячелетие, но на некоторых этапах его темпы были высоки — за одно столетие фамилия успела из Италии пересечь всю Францию, проникнуть

в Англию и Германию. При этом, раз проникнув в страну, фамилия уже не утрачивала завоеванных позиций, а расширяла сферу своего распространения.

Какая же сила вела фамилии из страны в страну? Заимствование? Были и заимствования (в Англию фамилии принесены норманнами). Но не они главная причина триумфального шествия фамилий. Само заимствование только тогда прививается быстро и прочно, когда уже назрела потребность в нем. Перенести зерно — мало; чтобы оно росло в новом месте, нужны определенные почвы и климат. Феодалы Франции словно с нетерпением ждали прихода фамилии — так стремительно они за нее ухватились, едва она появилась в соседней Италии. При одинаковых условиях одна и та же потребность может породить одинаковые явления даже и независимо, без заимствования. Если же нет глубокой потребности, то и заимствование либо не произойдет, либо оно останется чужеродной модой для маленькой кучки людей, не став достоянием народа.

Причин торжества фамилии предложено немало. Указывают на увеличение населения, приводя, например, данные по Англии за период становления фамилий: с 1066 по 1400 г. ее население увеличилось с 2 млн до 4 млн человек. Но разве именно при 2 млн фамилии становятся необходимыми? В Швейцарии было далеко до этой цифры, когда там распространились фамилии, а население Египта на протяжении столетий превышало эту цифру во много раз, но фамилий не имело.

Ст. Роспонд перечислил следующие причины появления фамилий в Силезии: далеко зашедшая унификация личных имен вследствие сокращений (из многих различных имен получалась одинаковая форма Раш и т. п.), затем сгущение населенности, развитие городов, торговые связи, смешение местных жителей с приезжими³⁸. Эти и другие условия, действительно, могли способствовать всеобщему распространению фамилий, но затруднительно доказать, почему вместо несложного увеличения набора индивидуальных имен предпочли вводить именованья нового типа. Развитие городов? Но фамилии начинались с земледельцев. И почему средневековые города с 20—30 тыс. жителей нуждались в фамилиях острее, чем крупные города древности? И наконец, если потребность в фамилии порождается ростом населения, то почему же фамилия распространялась сначала как раз не в массах, а в среде немногочисленной верхушки?

Было бы непростительным упрощением искать прямую, непосредственную зависимость фамилии от экономического базиса. Эта зависимость многоступенчата и осложнена различными силами (в том числе и перечисленными Ст. Роспондом).

Фамилия обозначала семью. База фамилии — семья. Решающая причина внедрения фамилий — изменение веса семьи в обществе. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» показал, как индивидуальная семья становилась хозяйственной единицей общества. При развитии феодальном строе семья в эксплуататорских классах — хранительница и приумножительница земли, капитала, власти. Капиталистическое развитие, ведя к ослаблению цехов и сельских общин, меняло социальную роль семьи и у них. Государственная машина абсолютизма включила семью в свою систему как низшую социальную ячейку для нужд управления, налогового обложения, воинской повинности.

В. И. Ленин высмеял и назвал ребяческим вздором доктрину Н. К. Михайловского, будто «сначала была семья, эта ячейка всякого общества», и подчеркнул именно историчность роли семьи. «Раздробленные мелкие семьи сделали господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»³⁹ (Ленин В. И. Собр. соч. Т. 1. С. 153).

Нельзя игнорировать и тормозящую силу традиций, в разной степени задерживающих рост новых именованных. Все это создавало в каждом случае конкретную ситуацию, замедляя или ускоряя процесс, в принципе единый.

* * *

Неудержимый процесс, расширяющий и усиливающий все связи между народами, максимально ускорен в нашем столетии. К исходу XIX в. империализм поделил планету. Международная торговля, политические и культурные взаимоотношения и войны стали глобальными. Не осталось ни одной страны, живущей обособленно, наглухо отрезанной от всего мира. Формирование мирового хозяйства и всех видов контактов между народами во всемирном масштабе продиктовало и всемирный контакт именованных. Став обязательной формой во всех самых развитых странах, фамилия стала распространяться на

колониальные и зависимые страны. Дальнейшее ее распространение в период между мировыми войнами при крахе безраздельного владычества империализма протекало несколькими путями.

1. Во многих государствах обязательная фамилия введена государственным законом: в Турции — декретами Мустафы Кемали 1926 и 1934 гг., в те же годы — в Иране, в 50-х годах этому последовал Египет, в 1959 г. — Тунис.

2. В других странах путь становления фамилий противоположен, ее по собственной инициативе принимают отдельные семьи (преимущественно из передовой интеллигенции), например в Индии, где происходит одновременный процесс: нежелание одних принимать фамилии и возрастание числа семей, имеющих фамилии.

3. В фамилию превращены наличные другие антропимические категории без каких-либо видимых их изменений (подобно превращению некогда в фамилию русских кратких форм отчества *иванов*, *кузнецов*). Так, в Китае стали фамилиями прежние *ши* — непрочные наследственные имена семей, их сменяли через несколько поколений. Закрепив их, на них перенесли старинный термин *син* — наследственные имена в последнем тысячелетии до нашей эры, которые еще не были фамилиями (они обозначали не семью, не были и родовыми, хотя носители каждого *син*, рассеянные по всему Китаю, не могли вступать в брак⁴⁰. Как и фамилии японцев, современные китайские *син* (из закрепленных *ши*) заняли первую позицию в составе полного именованья, состоящего обычно из двух членов: Сунь Ятсен.

Подсчетов — охвачено ли фамилиями большинство человечества — нет. Но бесспорно, что фамилия стала главным видом наименований во всемирном масштабе (без какого-либо официального международного решения) и ее дальнейшее распространение будет продолжаться.

¹ *Dauzat A.* Les noms de famille de France. 2 ed. P., 1949. P. 40.

² *Reyney P. H.* The Origin of English Surnames. L., 1967. P. 3000.

³ Zeitschrift für Slawistik. I. H. 1. S. 151.

⁴ *Fleischer B.*, 1970. S. 87.

⁵ *Reyney P. H.* The Origin of English Surnames. L., 1967. P. 317.

⁶ *Kálmán B.* L'origine et l'évolution des noms de famille hongrois // Analele Stiintifice ale Universitatii Al. I. Cuza. Sec. III.

⁷ *Rospond St.* Słownik nazwisk śląskich // Onomastica. 1955. T. 1. P. 200.

⁸ *Grzybowski S.* Nazwisko i jego stałość w dawnym prawie polskim // Ibid. 1957. T. 3, z. 2. P. 499.

⁹ *Kamińska M.* Nazwiska i przezwiska ludności wieśniczej w Łowickiem // Ibid. 1958. T. 4, z. 1. P. 80.

¹⁰ *Karplukówna M.* Z badań nad polskim naznictwem osobowym XV i XVI wieku // Ibid. 1957. T. 3, z. 2. P. 387.

¹¹ *Svoboda J.* Staročeská osobná jména a naše příjmení. Pr., 1964. S. 187.

¹² *Соболевский А. И.* Заметки о собственных именах в великорусских былинах // Живая старина. СПб., 1890. Вып. 2. С. 94.

¹³ *Литачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 423.

¹⁴ *Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959. С. 124.

¹⁵ Тр. Ярославской Архивной комиссии. Ярославль, 1913. Т. VI. Вып. 3/4. С. 491–584.

¹⁶ *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974. С. 163.

¹⁷ ЦГАДА. Ф. 350. Оп. 3. № 1916.

¹⁸ Архив Москвы. Ф. 51. Оп. 8. № 149, 150.

¹⁹ Архив Тамбовской обл. Ф. 12. Оп. 83. № 54.

²⁰ *Воскобойников Н. П.* Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых-Хлызовых // Археограф. сб. за 1968 г. М., 1968. С. 384.

²¹ *Симина Г. Я.* Фамилия и прозвище // Ономастика. М., 1969. С. 30.

²² Архив Ульяновской обл. Ф. 156. Оп. 2. № 289.

²³ Там же. Ф. 597. Оп. 1. № 52.

²⁴ ЦГАДА. Ф. 1291 — Яковлевы. № 81 и 217.

²⁵ Архив Ульяновской обл. Ф. 597. Оп. 1. № 52.

²⁶ Архив Владимирской обл. Ф. 650. Оп. 1. № 29.

²⁷ Архив Ульяновской обл. Ф. 597. Оп. 1. № 61.

²⁸ Архив Ульяновского загса.

²⁹ Архив Калужской обл. Ф. 33. Оп. 2. № 2126.

³⁰ *Kamińska M.* Nazwiska i przezwiska ludności wieśniczej w Łowickiem // Onomastica. 1958. T. 4, z. 1. P. 80.

³¹ Поселенные списки мещан и крестьян. Херсон, 1915. С. 186.

³² *Смоляк А. В.* Личные имена нанайцев // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. С. 169.

³³ Архив Москвы. Ф. 51. Оп. 8. № 149–150.

³⁴ ЦГАДА. Ф. 1291. № 81, 217, 220.

³⁵ *Schwarz E.* Deutsche Namenforschung. I. Gottingen, 1949.

³⁶ *Kamińska M.* Nazwiska i przezwiska ludności wieśniczej w Łowickiem // Onomastica. 1958. T. 4, z. 1. P. 80.

³⁷ *Beněš J.* O českých příjmeních. Pr., 1962. S. 6.

³⁸ *Rospond S.* Nazwiska ślązakow. Opole, 1960. P. 200.

³⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 1. С. 153.

⁴⁰ *Крюков М. В.* О социологическом аспекте изучения китайской антропонимии // Ономастика. С. 35–45.

ГЕОГРАФИЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Если спросить, какая фамилия у русских всего чаще встречается, пожмут плечами: «Да кто ж ее знает?» Некоторые ответят полувопросом: «Может быть, Ивановы?» Действительно, в одной Москве 90 тыс. человек носят эту фамилию и никакая другая не может с ней соперни-

чать. Но как «во глубине России»? Выполненные автором подсчеты * показали, что Ивановы по частоте занимали в Тульской губ. 23-е место, в Пензенской — 135-е; из 90 тыс. крестьян Шенкурского у. Архангельской губ. ее носили только 38 человек.

Какие же фамилии преобладали? По-разному в разных регионах, в этом вся суть. На Севере безраздельно преобладала фамилия Попов. В 6 центральных уездах Архангельской губ. ее носили 2% сельского населения¹ — показатель очень высокий, учитывая чрезвычайный «разброс» фамилий (в противоположность жесткой концентрации имен индивидуальных). А в небольшой Сюземской вол. Поповы составили даже 20%. В телефонном справочнике Архангельска ни одна другая фамилия даже отдаленно не конкурирует с этой. Основой отчества, позже закрепленного в фамилию, могло быть не нарицательное *поп*, а имя собственное Поц, т. е. прозвище, а не должность. Только как предположение можно допустить причиной выборности духовенства на Севере: там вплоть до XVIII в. священников не назначали свыше, а избирали сами жители из своей среды.

Широкая миграция за Вятку, Пермь и Урал, в Сибирь, начиная с XVII в., особенно в XVIII—XIX вв., далеко раздвинула зону распространения фамилии Попов: она появилась на востоке Вологодской обл. (Великий Устюг со смежными районами), на северо-востоке Костромской (Вохма и соседние районы), на севере Пермской обл. и в самой Перми, распространилась за Урал.

* По фондам 52 архивов собраны фамилии более 3 млн человек русского сельского населения, по современному административному делению — из 31 области и четырех автономных республик. Каждый подсчет сплошной в пределах выборочных территорий. К сожалению, источники не единовременны. Материалы Всероссийской переписи 1897 г. уцелели полностью только по Архангельской и Тобольской губерниям, не полностью по Владимирской, по немногим другим — отрывочно; по Пензенской и Тульской губерниям сохранились земские переписи 1907—1917 гг., по Вологодской и Пермской — «ревизские сказки» 1858 г. (южнее крепостные на эту дату еще бесфамильны). Пришлось обратиться к разным источникам: по хозяйственным книгам колхозов, спискам избирателей, актам загсов. Фамилии устойчивы, но крупные сдвиги населения делают межобластное сопоставление недостаточно строгим. Кроме основного подсчета, привлечены дополнительные источники (в объеме, превышающем 1 млн человек — телефонные справочники 50 городов и всевозможные списки).

А на юг и запад ареал фамилии круто обрезан, например: в Харовском р-не Вологодской обл. ее частотность падает до 0,02%, а в центральных и западных областях она единична.

Все Северное Поволжье — зона преобладания фамилии Смирнов, максимальное — в Ярославской, Костромской областях (кроме северо-востока), в южной и средней части Вологодской, в восточной половине Калининской, в соседних районах Московской обл. (например, Волоколамском), в Ивановской обл., далее в Заволжье, в Горьковской, на юго-западе Кировской обл. и частично во Владимирской. Соответственно эта фамилия чаще всех сегодня встречается в городах Ярославль, Кострома, Вологда, Череповец, Андро́пов (Рыбинск), Иваново, Кинешма, Владимир, Киров. В Пошехонском р-не Ярославской обл. на 1 тыс. жителей приходится 64 Смирновых, а Ивановых втрое менее, Поповых — на 1 тыс. 2 фамилии; в Тонкинском р-не Горьковской обл. на каждую тысячу человек 78 Смирновых, 8 Ивановых и всего один Попов (1979 г.).

С территории своего преобладания фамилия Смирнов, как и североповолжские говоры, распространилась на юго-восток, в низовья Оки, на Суру и правобережье Среднего Поволжья, постепенно встречаясь значительно реже; южнее и юго-западнее Москвы ее частотность ничтожна. Однако в бассейне Тима, на рубеже Орловской и Курской областей, мои подсчеты обнаружили густое скопление носителей этой фамилии, например: в Должанском р-не (крайний юго-восток Орловской обл.) в 1964 г. они составили 3,6%². Несомненно, они когда-то переселились сюда из Северного Поволжья.

Этимологическое значение основы фамилии Смирнов — нецерковное мужское имя в архаичной форме Смирной — «смирный, послушный», переносно и «монашеский».

В огромной полосе южнее и восточнее Москвы — от Верхней Оки до Средней Волги — самая частая фамилия — Кузнецов, особенно в Тульской обл., где в среднем приходится по 30—40 ее носителей на 1 тыс. жителей при почти полном отсутствии Поповых и Ивановых. В Вадском р-не на юге Горьковской обл. на 1 тыс. жителей приходится: Кузнецовых — 19, Поповых и Смирновых — по 1, Ивановы лишь случайны (1979 г.). Кроме Тулы, фамилия преобладает в Горьком, Пензе, Ульяновске. Как вторая по частоте фамилия она распространена и в во-

сточной части зоны преобладания фамилии Смирнов, а на Севере уступает только Поповым.

Высокая частотность фамилии понятна: кузнец всегда необходим и приметен. «Вы чьи ребята?» — «Кузнецы!» Так и у других народов: от украинского, белорусского, польского *коваль* — восточноукраинская фамилия Коваленко, полесская — Ковалюк, белорусская — Ковалев, польская — Ковальский (самая частая фамилия Варшавы), южнопольская и западноукраинская — Ковалик, сербскохорватская и словенская — Ковач, болгарская — Ковачев (самая частая фамилия Великобритании и США — Смит, как и немецкая частая Шмидт, этимологически тоже «кузнец»).

Распространению фамилии Кузнецов на запад и юго-запад почти сразу за верховьями Оки ставит предел украинское слово *коваль*. Даже под Брянском в Житомирском р-не Кузнецовы вдвое реже, чем Ковалевы (в подсчете только русское население) ³.

А на северо-западе страны преобладает фамилия Иванов: области Новгородская, Ленинградская, Калининская (кроме восточной части), частично Смоленская обл. Из 29,4 тыс. колхозников, учтенных в Дедовичском р-не, оказалось 3,2 тыс. Ивановых — 10,9% ⁴, в списке мецан г. Боровичи Новгородской губ. (1896 г.) носители этой фамилии составляли 10,1% ⁵, т. е. каждый девятый — Иванов. Частотность понятна: на протяжении столетий самым частым именем русских было Иван, у крестьян его носили $\frac{1}{4}$ всех мужчин; это тоже объяснимо — имя давали по церковным святцам, а «святых» с этим именем церковь чествовала 64 раза в год (вспомним описанную А. М. Селищевым беду македонского крестьянина, разоренного именем Иван, которое он дал сыну, так как еженедельно валом валили гости на именины) ⁶. Непонятно другое: почему на других территориях Ивановы редки?

Итак, обнаружены четыре огромных массива — все они в пределах сложившегося к концу XV в. единого Русского государства. По греческому и латинскому образцу, ставшему интернациональным, именовать крупные территории можно посредством форманта *-ia*: Поповия, Смирновия, Кузнецовия, Ивановия. За шуткой — серьезный факт, ведущий далеко за пределы антропонимии: на глазах письменной истории возникли четыре никем не замеченные крупнейшие общности, в которые входят миллионы людей. Никакими случайностями этого не объяснить.

Посреди них — объединительница России — Москва. Как каждая столица, она вобрала в себя черты разных частей страны — в целом ни на одну из них не похожая и в чем-то с каждой из них сходная (таково же теперь все, хотя и в меньшей мере, Подмосковье). По данным Московского адресного бюро 1964 г., самые частые фамилии в столице: Ивановы — 90 тыс., Кузнецовы — 78 тыс., Смирновы — 58 тыс., Поповы — 30 тыс. Именно те же четыре! Это подтверждает, что выявлены некие глубокие и сложные процессы, в сравнении с масштабом которых четыре лидирующие фамилии только внешние приметы; фамилии неотделимы от общества, за ними — общности людей.

Как сложились эти массивы, не могут объяснить ни историки, ни лингвисты, ни этнографы. Может быть, поможет географический аспект? Поиск границ массивов потребовал таких специальных подсчетов, которые заняли несколько лет; а рассмотрение полученных материалов поставило новые загадки ⁷. Характер этих границ неоднороден. На одних отрезках они очень четки, на других расплывчаты. А чаще — это не границы в том смысле, как между государствами или административными единицами. Либо между массивами лежит «ничья земля»: между зонами распространения фамилий Поповых и Смирновых лежит обширное пространство Каргополь-Вытегра-Белозеро, где ни та ни другая фамилия не встречаются; либо, наоборот, массивы налегают один на другой, как зоны фамилий Ивановых и Смирновых. Частотность тех и других (с юго-запада на северо-восток) на 1 тыс. человек на данной территории показана в таблице.

Районы	Псковская обл.		Новгородская обл.				Вологодская обл.
	1*	2	3	4	5	6	7
Ивановы	116	109	65	57	53	14	3
Смирновы	3	6	5	12	15	89	65

* Районы Псковской обл.: 1 — Пушкино-Горский, 2 — Дедовичский; Новгородской обл.: 3 — Вологовский, 4 — Парфинский и Демянский, 5 — Любытинский и Мошенской, 6 — Пестовский; Вологодской обл.: 7 — Харовский.

Граница между преобладающими фамилиями проходит по р. Кобожа (левый приток Мологи), не по границе

областей, а отрезая от Псковско-Новгородской зоны фамилий Пестовский р-н, врезанный клином между Вологодской и Калининской областями. Любопытно, что и в телефонном справочнике Калинина (1973 г.) первые два места заняли Ивановы (129) и Смирновы (128).

Массивы возникали независимо друг от друга (возможно, и не в одно время) в процессе не разделения, а, напротив, объединения. Вот главный вывод. С ломкой феодальной раздробленности и натурального хозяйства (хотя его пережитки еще держались даже в нашем столетии) начинал складываться всероссийский рынок. В разных областях жизни это отражалось с разной степенью и шло различными темпами.

Каждый массив не сразу возник в тех границах, которые видимы сегодня. В одних случаях ясно, откуда и куда шло движение: конечно, Поповы распространились с Северной Двины на Урал и в Сибирь, а не в обратном направлении; Кузнецовы — тоже с запада на восток. Но об Ивановых или Смирновых трудно сказать, где их ядро, а где периферия. В моих работах на топонимическом материале не раз показано, что частота не указывает на место возникновения: нередко бывает наоборот — там, где явление возникло, ему негде развиваться, оно стеснено старшими конкурентами, а становится оно преобладающим там, где, говоря военным языком, вырывается «на оперативный простор». Принесли ли псковитяне и новгородцы максимальную распространенность своей самой частой фамилии извне, или, напротив, им ее продиктовала Москва (например, историческими «разводами» — выселением «своеземцев», коренных новгородцев, с заменой их московскими людьми), сказать трудно. Вероятней, ни то ни другое, а просто происходило самостоятельное развитие там и тут с последующим взаимообменом.

Когда возникли описанные ареалы фамилий? Фамилии существуют у русских только с XVI в., большинство же их появилось позже. Но области их распространения возникли раньше их самих. Это не парадокс. Явление задано исторически. Фамилии возникают из наличных на определенной территории в определенное время слов и формантов по присущим там и тогда закономерностям. Вот эти местные условия и задавали географическое размещение фамилий еще до их появления. Ведь употребительность даже канонических имен, казалось бы географически нейтральных, территориально различна; например, в XVIII в. севернее Москвы господствовало жен-

ское имя Анна, а южнее — Авдотья (Евдокия) и т. д.⁸

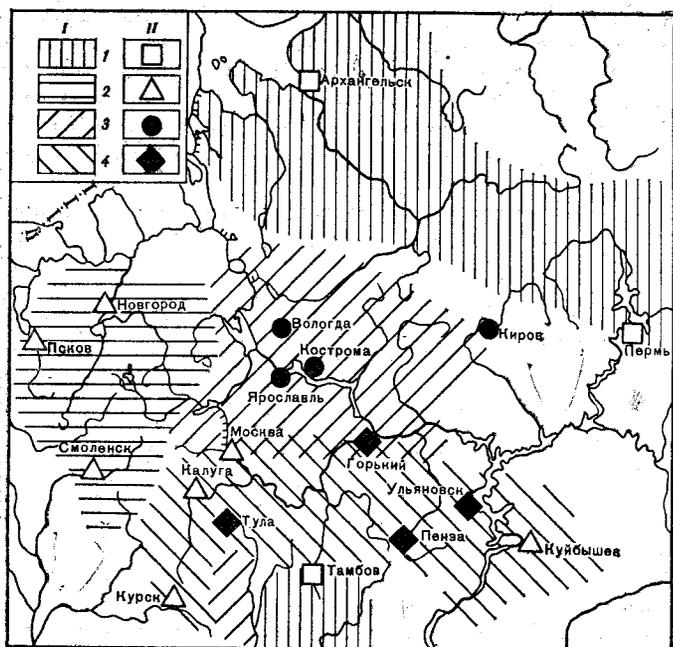
Четыре очерченных массива — это четыре историко-географических слагаемых России: земли суздальско-володимирские, псковско-новгородские, северные и, наконец, земли нового (с XVI—XVII вв.) освоения; фамилии, возникшая, распространялись в рамках сформировавшихся к тому времени территориальных общностей.

* * *

Вне рассмотренной территории картина иная. Основное заселение русскими юго-востока европейской части страны продолжалось на всем протяжении XVII—XIX вв. и шло со всех ранее освоенных территорий. Поэтому там отразились и переплелись черты всех «старых» зон. На всем юго-востоке теперь часта фамилия Попов, хотя от основного ее массива расстояние огромно. На север от Тамбовской обл. в Старо-Юрьевском р-не, в Балаповском р-не Саратовской обл. и многих других она чаще всех, так же как и в городах Липецк, Тамбов, Волгоград, Астрахань (хотя и не с таким перевесом, как в Архангельске). Во многих городах (Куйбышев, Саратов, Ростов и те семь городов Сибири, по которым сделаны подсчеты) преобладала фамилия Иванов, всюду на территориях позднего русского заселения часты Кузнецовы (карта 1).

Фамилии «чемпионки» взяты только как наиболее наглядный пример. В зонах, «представительницами» которых они здесь послужили, часты и другие фамилии, образуя своего рода территориальные содружества. На Севере по частоте распространения за Поповыми и Кузнецовыми следуют Шестаковы, Некрасовы, Семаковы (нередко Симаковы), только на Севере бытовали Анциферовы, Трапезниковы (теперь, конечно, их можно встретить где угодно). На северо-западе Иванову сопутствуют Васильевы, Федоровы, Петровы. В Северном Поволжье спутники Смирнова — Волков, Соколов и, как и на севере (но реже), Некрасов. С зоной преобладания Кузнецовых связаны Новиковы, Грипицы.

Разумеется, нельзя ожидать полного совпадения ареалов. У каждой фамилии свои границы, образующие на карте пучки линий. Ведь и черты, слагающие диалект, не распространены одинаково; самый яркий пример — граница, отделяющая аканье от оканья, не совпадает с

Карта 1. Зоны преобладания основных русских фамилий

1 — Попов; 2 — Иванов; 3 — Смирнов; 4 — Кузнецов; I — сельское население; II — городское население

границей между взрывным и фриктивным произношением *г*.

Некоторые фамилии распространены «поперек» очерченных зон. Например, Морозовы с наибольшей частотой встречаются от Иванова и Шуи до Москвы, реже — на юг; Соколовы — чаще в Поволжье, Ширококовы — в Сибири и т. д.

Много фамилий местных, часть которых узколокальна. В Кромском р-не Орловской обл. больше тысячи человек с фамилией Лежепеков, не встреченной больше нигде (кроме областного центра). В Моршанском р-не Тамбовской обл. — тысячи Коротаевых, в Хоботовском р-не — Стрельниковых; на Вохме (северо-восток Костромской обл.) часта фамилия Тюлядин. Три примера по Кировской обл.: Лекомцевы многочисленны к юго-востоку от Кирова — в Фаленском р-не и соседних селениях Богородского р-на, в большинстве других районов этой фа-

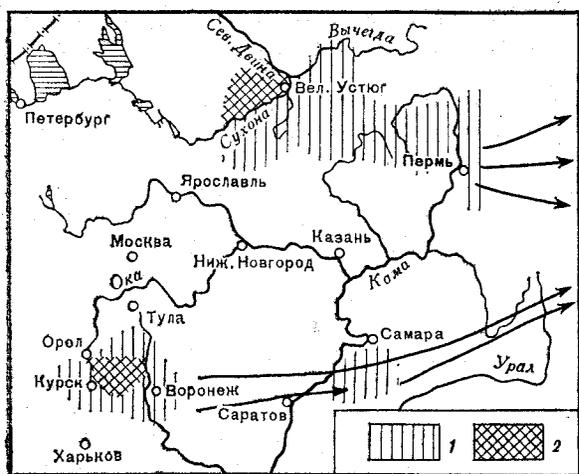
милии нет (в областном центре она, конечно, представлена); фамилия Дворяшин сконцентрирована в Слободском р-не (подсчет Т. В. Ларуковой) севернее Кирова, а фамилия Мутных часта лишь в одной части Богородского р-на (южнее Кирова). Иногда локальные фамилии совсем малочисленны, а некоторые охватывают тысячи человек.

К этому можно добавить фамилии, образованные от топонимов, на каждой территории — свои. На Севере многочисленны Карельские (фамилия не этнична, а территориальна — слово *карела* означало вообще «западная сторона»), фамилии Едомские (несколько селений Едома из нарицательного слова со значением «отдаленное место»), Мехряковы, Военгские (по речкам Мехра, Военга), Онегины носят сотни лесорубов и сплавщиков на Онеге и др. Из топонима произошла и упомянутая фамилия Лекомцев — отчество от *лекомец* — «житель Лекмы» (р. Лекма в бассейне Вятки течет из Удмуртии вблизи Фаленского р-на). Впрочем, географическое происхождение этих фамилий лежит на поверхности, да и составляют они лишь малое меньшинство.

Важнее географии лексических основ фамилий география их форм — тут счет идет не на тысячи, а на миллионы людей.

Господствующие форманты русских фамилий не региональны, а повсеместны. Но даже и их частотность не всюду одинакова. Кажется таким нейтральным формант *-ский**, а между тем образованные им фамилии охватывали в Холмогорском у. Архангельской губ. (1897 г.) 4,1% всех крестьян, а в Епифанском у. Тульской губ. (1900 г.) — 0,5% — разница велика. В городах фамилии на *-ский* встречаются гораздо чаще, чем в сельских местностях, в силу социально-исторических истоков этой формы фамилии⁹. Во всей Средней России реликтами стали фамилии в форме бессуффиксальных прилагательных на *-ий, -ый, -ой*, некогда частые (Толстой, Жидкий). У рус-

* Своеобразная функция суффикса *-ск-* затрудняла его определение. Объявили его даже как суффикс, обозначающий «коллективную принадлежность», но тогда как же *морской берег, царский сын* и проч., какому коллективу морей или царей они принадлежали? Вместо подобных натяжек мной предложено на Международном симпозиуме по этимологическим исследованиям определить эту функцию как наличную принадлежность. Качественные значения прилагательных с формантом *-ск-* тоже очень ранние, но все же они вторичны.

Карта 2. Зоны фамилий с формантом *-их, -ых*

1 — наличие фамилий с *-их, -ых*; 2 — территории максимальной густоты их

ских они сохранили свои позиции только на Севере, севернее много архаичных черт; носители этих фамилий составляли в Холмогорском и Шенкурском уездах почти 2% населения, в дальнем Мезенском у. — 2,5% (1897 г.), среди которых Борзой, Нагой, Седьмой, Узкий, Черный и др. На всех остальных русских территориях они единичны. Фамилии в этой форме сохранились у украинцев.

Есть форма фамилий, региональная абсолютно: *-их, -ых* (отчество от именованья семьи как целого) — Долгих, Косых, Плохих, Черных. Их называют «сибирскими», но очаг их не в Сибири, они пришли туда из двух массивов: северного и черноземного. Ими изобилует еще перепись часовен Шенкурского у. 1692 г.¹⁰, в ревизских сказках 1747 г. Е. И. Рудных нашла максимальное скопление (позже они резко уменьшились) их северо-западнее Устюга — до 36–38% всех семей. Оттуда они заселили черноземы окско-донского водораздела между Воронежем, Курском, Орлом, Тамбовом, в центре которого (юг Липецкой обл. и север Воронежской) их число превысило 4–5% (вдвойне специфична там фамилия Мухортых — и оснбвой, и формантом) (карта 2).

На всей обширной полосе между этими массивами фамилии этой формы отсутствовали. В московских документах XVII в. есть несколько единичных случаев, но рефор-

мы Петра I полностью исключили их, и фамилии этой модели уцелели только на северной и южной окраинах государства.

Сначала с Северной Двины, а затем и из черноземной полосы фамилии на *-их, -ых* распространились за Урал. Основная масса переселенцев в Сибирь XVII–XVIII вв. пересекала Тобол между устьем Тавды и Курганом, там и сосредоточены эти фамилии. Перепись 1897 г. показала в волостях Салтозерской, Могилевской, Плотниковской 5–8% жителей с фамилией этой формы (здесь им принадлежит 2–3%). Восточнее носители этой фамилии широко расселены по Сибири. В Рыбинской вол. Тарского у. записаны Козловских и Киримовских из Вятской губ., Коротких — из Пермской¹¹, в Пятковской вол. Ялutorовского у. — Сотских и Разенских из Воронежской губ., Смирных из Елецкого у. (ныне Липецкая обл.), Ананьевских — из Новосильского у. (ныне Орловская обл.)¹², в Ларихинской вол. Ишимского у. — Плохих из Курской губ.¹³

В Нижнем Заволжье на р. Иргиз известно большое скопление фамилий этой формы; в с. Большая Глушица (1896 г.) бытуют фамилии Борзых, Пожилых, Седых, Черных¹⁴, в с. Ореховка (1905 г.) — Боровских, Евдокимовских, Молодых, Ставровских, Тальских. Но неизвестно, принесены ли они старообрядцами из ветлужских и керженецких скитов, бежавшими от церковных гонений (т. е. из северного ареала), или осели по пути в Сибирь из Черноземья. Ни куйбышевцы, ни саратовцы не заметили этого скопления.

С русскими региональными фамилиями на *-их, -ых* перекликаются фамилии той же модели у поляков Силезии, у словаков и хорватов.

Очень важен еще не замеченный факт, что некоторые документы так именуют только женщин. В листах переписи 1897 г. нередки примеры: в д. Ананьинской Холмогорского у. фамилия главы семьи Луговой, а его жены и дочери — Луговых¹⁵; в д. Засульская Мезенского у. хозяйну и сыновьям записана фамилия Прелой, а хозяйке и дочерям — Прелых¹⁶, те же различия известны и в Зауралье.

В свете приведенного едва ли надо разъяснять наивность утверждения, будто в нередкой фамилии Плохих «формант *-их* добавлен, чтобы смягчить отрицательный смысл основы»¹⁷. Никакой оценочной, качественной функции он никогда не нес.

Кроме географии форм, образующих фамилии, важна география форм, которыми образованы их основы; их нельзя смешивать с образованием фамилий, но они таят столько ценного для истории народа и языка, что упустить такой источник непростительно. Здесь можно лишь в качестве примеров привести немногие, приоткрывающие разные грани проблемы. Понятно, что частотность их гораздо меньше, чем частотность форм самих фамилий, но все же значительна, а территориальная избирательность ярка.

-инов(ов). Именования Костромитин(ов), Пермтип(ов) и т. п. обозначали дворянина, зачисленного на военную службу по такому-то уезду, в котором он и получал землю, становясь помещиком. Для следующих поколений эти именования становились фамилиями. Перечень городов, от названий которых образованы эти фамилии, чрезвычайно четок: Белев, Болхов, Боровск, Венев, Верея, Вязьма, Коломна, Кострома, Луховицы, Можайск, Мосальск, Москва, Пермь, Псков, Ржев, Серпухов, Тверь, Чусовой. Положенные на карту, они очерчивают границы Московского государства на исходе XV в. и датируют расцвет форманта *-итин*. Переход именования на потомка требовал дополнительно форманта *-ов*; в XVI в. накоплен некоторый запас патронимичных именований на *-ин*, поэтому слышимое наличие *-ин* в *-итин* воспринимали уже как оформленный патроним и некоторые фамилии на *-итин* обходились без дооформления. По-видимому, язык диктовал некоторые ограничения: к топониму в три слога с консонантным исходом формант *-итин* не присоединяли, пользуясь обиходным *-ец*, не несшим официального, социально-привилегированного оттенка.

-ичев. Суффикс *-ич* — один из старейших у славян. Он издавна вошел в славянскую ономастику, образуя патроним, именование по имени отца, очень рано расширил значения, образуя этнонимы (именования племен — лютичи, радимичи, кривичи, вятичи и др.) и многочисленные топонимы. Из него возник сложный формант *-ов(ев) + ич*. В обоих видах он получил огромную силу в ономастике всех славянских народов. В фамилиях он стал монопольным образующим средством у сербов, преобладающим у хорватов, вторым по частотности у поляков, частым и у других. У русских он издавна свойствен отчествам, но лишь у социальной верхушки (князя, боя-

ре), много столетий сохраняя строго сословную принадлежность. В XVI в., отстаивая свое право на *-вич*, бояре готовы были пойти в опалу, а то и на плаху; в XVIII в. этот формант определен сначала только немногим высшим чином, а затем всем дворянам. Даже в конце XIX в. еще сохранялась его социальная окраска, хотя официального запрета не было. Теперь он стал монопольной формой отчества. В фамилии же он вошел не как формант, а как часть основы — в цепочке Фома—Фомичев, т. е. в качестве 2-й степени, образуемой из отчества же. Такие фамилии можно встретить всюду (местами с редуцированным *-и-*, так как в русском языке безударный гласный очень ослаблен, вплоть до нуля). О них писал Б.-О. Унбегаун¹⁸, приведя больше сотни примеров, но он не имел никаких данных об их размещении, а оно чрезвычайно показательно. Максимальное скопление их наблюдается в Верхнем Поочье, на стыке областей Тульской (особенно Белевский, Чернский и смежные районы), Орловской (Болховский, Мценской и соседние районы). Вероятно распространение этой модели со стороны Белоруссии (может быть, при неоднократном изменении государственных границ в XVI—XVII вв.). Самые встречаемые из них — Ганичев, Демичев, Ильичев, Ларичев, Фомичев. В Болховском и Белевском районах фамилии с финальным *-ичев* достигли немалой частотности, близкой к 30 человекам на тысячу жителей. По мере удаления от центра своего скопления они резко уменьшаются, и, например, на востоке Тульской обл. и юго-востоке Орловской их частотность едва достигает 1 человека на тысячу. В Мещовском у. Калужской губ. (1924 г.) *-ичевы* составляли 1%, — видимо, это западный рубеж скопления их. В среднерусской полосе есть территории с повышенной частотой этих фамилий, но нигде они не образуют крупных скоплений.

Зато автору повезло неожиданно обнаружить их мощный ареал на Севере. В фондах Вологодского архива севернее, северо-западнее, северо-восточнее Белого озера, в бывшем Шольском р-не и соседних с ним, фамилии на *-ичев* часты, как нигде (подробнее в главе о вологодских фамилиях)¹⁹. Даже в Усть-Кубенском р-не (на восточном берегу Кубенского озера) носители фамилии на *-ичев* составляют около 80 человек на тысячу жителей; восточнее Вологды они гораздо реже.

-ичкин, -очкин. Центр сгущения фамилий этого типа (впервые его указала М. Н. Морозова) почти совпадает

с фамилиями на *-ичев*, максимальна частота в тех же районах Калужской, Тульской и Орловской областей (1952—1958 гг.) — 31 человек на 1 тыс. жителей²⁰. В окружающих районах частота их гораздо ниже, размеры ареала скромнее, чем у фамилий на *-ичев*; в бышем Мещовском у. Калужской губ. 1924 г. — все еще 17 человек на 1 тыс. жителей²¹, а к востоку, наоборот, они резко исчезают. По происхождению эти фамилии — отчества от пронично-ласкательных имен, чаще — от канонических (Афоничкин, Борисочкин, Савочкин, Фомочкин), реже — от неканонических (Звездочкин, Ниточкин). Явно, что именованья в форме Афоничка, Ниточка на этой территории были излюбленными, но почему — неизвестно. Вероятно, они поздние, но датировка загадочна, как и причина. На других территориях они редки.

-сков (Земсков, Городсков, Донсков, Шатсков, Сотсков и др.). Все фамилии образованы от наличных именованья на *-ский(-ской)*. О них Б.-О. Унбегаун заметил: «нередки у донских казаков»²²; позже донские примеры фамилий собрал Л. М. Щетинин²³, у яицких (уральских) казаков их нашел Н. М. Малеча, ценные исследования которого ждут публикации. Эта модель характерна для пограничных областей, например по «засечной черте» XVII в.: Симбирск—Шацк—Белгород. Возможен прямой перенос из этих районов на Дон, на Яик: Петр I в 1695 и 1708 гг. переводил из-под Симбирска казаков в Азов и на Медведицу, формируя донское казачество²⁴. Фамилия Гребенсков указывает на гребенское казачество, которое в XIX в. переселилось с Дона на Кубань и Терек.

-ицын. Всюду можно встретить фамилии Лисицын, Курицын, но суффикс *-ица*, некогда очень продуктивный, ныне архаичен. А на Севере фамилии от основ, образованных им, в 10 раз чаще, чем где-либо, так как мужские нецерковные имена с этим формантом там нередки и в XVII в. От них — Губницын, Доильницын, Дряхлицын, Коробицын, Наговицын, Репницын, Телицын, Чицын, Шипицын и др. В Шенкурском у. в 1897 г. зафиксировано 1556 носителей фамилии, образованной по этой модели²⁵.

-утин. Фамилии этой модели «северны», как и на *-ицын*: в 1887 г. — в Онежском у. — Орутин, Панютин, Парутин, Торутин; в Шенкурском у. — Кошутин, Малютин, Лешутин; в Мезенском — Личутин. Имя Лабута у ненцев привела Л. В. Хомич²⁶; в документах XVI в. на

Севере встречаем имена Волдута, Кошута, Офута; А. А. Шахматов указывал на формы Машута, Мишута, Федута в двинских грамотах XV в., образованных от канонических личных имен²⁷, Высказанное мной предположение о приходе суффикса *-ут-* из польского языка (малютка, личное имя Малютка)²⁸ доказано, но в польском он не первичен, а, очевидно, заимствован из литовского. На Север формант *-утин* принесен не через Москву, а через Псков и Новгород.

Из многих других региональных моделей в основах фамилий укажем на такие, как *-ихин* в с. Шипкеев (Мордовская АССР — Волчихины, Глазихины, Гусихины, Мочалихины, Муравьихины, Шутохины; отметим, что рядом в большом с. Гумны нет ни одного человека с фамилией, образованной по такой модели; фамилии с формантом *-ачев* встречаются в с. Трофимово Орловской обл.; Климачевы, Грудиничевы, Головачевы, Фамилии избилуют производными формами личных имен (*-агин, -ыгин, -илин, -ухин, -ушин, -аков, -анов, -имов, -ишев* и др.) — богатейший источник по истории русского словообразования.

Понятна региональность проникновения форм иноязычного происхождения. Шире и дальше всех продвинул составной формант *-енков* из украинского *-енко* (ср. рус. *-енок*: львенок, утенок), господствующий во всех восточных областях Украины и Белоруссии. Его размещение превосходно показали картографически и статистически Ю. К. Редько по Украине²⁹ и Н. В. Вирилло по Белоруссии³⁰, но, по-видимому, работая независимо друг от друга, они упустили важную черту: формант *-енко* имеет общую восточную границу, никак не связанную с современным распространением обоих языков.

Прямое продолжение этого — распространение фамилий *-енков* в РСФСР, дооформленных суффиксом русских фамилий (есть и немало *-енко*). В Псковской обл. этот поток шел с юга, поэтому в южных районах они чаще: в Куньинском (1930 г.) они охватывали 5% населения (Власенков, Гавриленков, Павлюченков, даже Поварищенок и Шляхтенков). Совсем не случайно пскович по рождению Вениамин Каверин дал героине своего романа «Два капитана», коренной псковитянке, фамилию Власенкова. Еще больше фамилий этого типа в Брянской, Белгородской, Курской, Воронежской областях, и даже в Орловской и Курской они составляют 1—4% населения. Широко распространились они и на юго-восток — через

Тамбовскую и Ростовскую области на Саратовскую, Волгоградскую и Краснодарский край. Характерны колебания формантов: в документах Идрицкого р-на Псковской обл. наряду с *-енков* обычны и *-енок* (Борисенок, Егоренок, Сергиенок, Финаженок и др.); в документах 1914 г. по Воронежской губ. заурядны записи: Евдокия Репченко покупает землю у Ивана Репченкова³¹, Михаил Репниченко — у Павла Репниченко³².

Из иного источника проникла в Псковскую обл. модель фамилии на *-айлов* (например, Пошибайлов в Дедовичском р-не), а именно из литовского языка (ср. Гржимайло).

На Вятке и Каме нередки фамилии на *-егов*, ряд примеров привели Г. А. Архипов и А. С. Кривошекова-Гантман³³. В них древен суффикс пермских языков (удмурт. *-ег*, коми *-ог*: Гачегов — *гачег*, «бобр»; Мошегов — *мош*, «пчела»; Шудегов — *шуд*, «счастье»; Рочегов — *роч*, «русский»; Чечегов — *чечег*, «трясогузка» и др.), относимый Б. А. Серебренниковым к общеуральскому суффиксу отглагольных имен³⁴. Суффикс давно мертв, и основы многих фамилий этой модели неизвестны.

В бассейнах Кубани и Терека обильны фамилии с исходом *-иев*, *-оев*, *-уев*, обусловленные преобладанием вокальных финалей в кавказских языках.

* * *

В телефонном справочнике Ярославля находим фамилии Огибалов, Отрепьев, а Курска — Агибалов, Атрепьев; в Курске — Акулов, а в Архангельске — Окулов — написания отразили местное произношение. Эти факты общеизвестны. Другие известны меньше: на Севере фамилия Патракеев — из северной формы Патракей (на других территориях — Патрикей), фамилия Труфанов (из канонического мужского имени Трифон), Самылов (каноническое Самуил); смешению *ч—ц* там же обязано написание фамилии Цивилев (диалектное цивиль, «воробей»). От Костромы до Вологды и Перми распространена фамилия Молоснов — местное *молосной*, «молочный», т. е. скромный, не постный. Фамилии Евтинов, Евтишев выдают свое псковское происхождение: в силу псковской замены сочетания *ст* на *т* возникли производные Евтин и Евтиш из канонических имен Евстигней и Евстафий; в фамилиях Востров, Вострецов, Востропятов и пр. протетично инцидальное *в-*.

На Онеге записана фамилия Басаргин, в картотеке Архангельского пединститута *басарга* — «травя, негодная на корм». В Ярославской обл. документирована фамилия Мизулин, а в ярославском диалектном словаре находим *мизуль* — «изюм»³⁵; в трех ярославских диалектных словарях встречено слово *куланда*, а в Ярославле — фамилия Куландин. Читая курс в Костромском пединституте, в списке студентов встречаю фамилию Строкина, знакомую по архивам (в 1495 г. упомянут новгородский крестьянин Сенка Строкин, тогда же — московский дьяк Иван Строкин, — очевидно, это еще отчества; в 1610 г. известен воевода Строкин в Рославле), фамилия записана в Лужском у. в 1916 г., известна она и на Суре в Среднем Поволжье в 1897 г., а также и в Пермской обл. Спрашиваю: от чего такая фамилия? Не знают. А по стенам стоят шкафы с картотекой диалектных слов, собранных студенческими экспедициями; там карточка, привезенная из Солигалича: строки — вредные насекомые, преследующие стада.

В Ашевском р-не Псковской обл. записана фамилия Стрекавин, в псковских говорах, и не только там, *стрекать* значит «жалить, обжигать». Фамилия Ворохобин очень редка, хотя еще в 1606 г. зафиксирован в г. Торопец близ Твери ворохоба дмитриев сын и его дети ворохобины³⁶; именно в тверских говорах бытует слово *ворохоба* со значением «непостоянный, растрепанный, противный».

Фамилия Басалаев записана в Вохме (северо-восток Костромской обл.). В. И. Даль привел слово *басалай* с пометой Вохма в значениях «шумливый, повеса, щеголь»; наличие той же фамилии в Томской обл. послужило В. В. Палагиной путеводной нитью в ее поисках истоков томского говора³⁷. Глагол *загудать* («обветрить») приведен В. И. Далем как симбирский и пензенский, фамилия Загудалов встречена в с. Камешкир на востоке Пензенской обл. (у границы с бывшей Симбирской губ.).

Фамилия Бурнашев нередка в Рязанской обл. (например, в с. Азеево ее носит большинство жителей), основа ее — *бурнаш* («беспокойный, задира») — диалектная, рязанская.

Фамилии Скрынников и Чепурнов документированы в Дубовском р-не Ростовской обл. Словарь донских говоров засвидетельствовал *скрыня* — «сундук», *чепурной* — «щеголеватый»³⁸.

В Курганском округе 1897 г. отмечена фамилия Грешников; напрасно видеть в ней связь с моралью, — вероятно, она обязана обиходному там значению слова *грешник* — «арестант». Диалектное забайкальское слово *шильник* означает «торговец мелочным товаром»³⁹, фамилия Шильников как раз обнаружена там, в станице Могайтуевской, на исходе XIX в.⁴⁰

На Севере неожиданна фамилия Казаков: казачества там никогда не было. В ответ на удивленный вопрос приведут северную поговорку «Я тебе не казак, чтоб на тебя работать!». Совсем непонятно. А слово *казак* дошло в эти края со значением, кажущимся противоположным привычному: оно обозначает здесь наемного работника. Так и на вопрос об этимологическом значении фамилии Бураков можно ответить только вопросом: «А где она возникла?» На Севере *бурак* — «плетеная корзина», а на всех других территориях — «свекла». Основа фамилии Кокорин — *кокора*, на Севере — это «пень с корневищем»; в вологодских говорах — «неуклюжий, неповторимый»; в пермских — «лентяй»; в псковских и тверских — «скупой, жадный»; в ярославских — «глухой»; у русских в Прибалтике — «толстый блин, лепешка».

В каждой области есть сотни фамилий от диалектных слов. Особенно много их на Севере⁴¹, где вообще обильны языковые реликты. Но Ковалева встречаем и там, где никогда не звучало слово *коваль*, а Кочетова — там, где петуха никогда не называли *кочетом* (как и наоборот): носители фамилии принесли ее с собой на территорию, где ее основу не знали. Так, фамилия Астапов вошла в телефонный справочник окающей Костромы и Остапов — акающего Ельда. Но во многих случаях, как с фамилией Строкин, трудно решить, распространена ли здесь только фамилия, или еще живо слово, от которого она образована.

Фамилия Закурдаев записана студентами Тамбовского пединститута в с. Оржевка Уметского р-на; в «Словаре русских народных говоров» (вып. 10) слово *закурдай* («милый, любимый») отмечено как смоленское. Несомненен перенос, но самого ли слова или только фамилии? Для истории же языка нужно решение именно этой дилеммы. Зато не единичны и случаи, когда фамилия, содержащая региональные признаки, именно тут, в этом регионе, и возникла, а признаков этих в местном говоре нет, фамилия же убедительно доказывает, что они были, но утрачены.

Характерна переключка северных фамилий с новгородскими и псковскими словами; холмогорская фамилия Шкулев и псковское *шкуль*, «запас», в переносном смысле — «скупой». Фамилия Конечный (200 человек в Шенкурском у. в 1897 г., здесь же еще в 1655 г. упомянуты несколько крестьян с этой фамилией)⁴², по-видимому, восходит к новгородскому административно-территориальному термину *конец*. В свою очередь, северные фамилии уходят за Урал — Голдобин, Пластинин, Шадрин и др. Некоторые оседали на полпути: Пластинины и другие архангельско-вологодские фамилии есть в Кировской и Пермской областях.

При столь тесных связях фамилий с диалектом удивительно, что их почти не привлекают к исследованиям русских диалектов, хотя работы В. В. Палагиной и Г. Я. Симиной могли бы послужить хорошим примером.

Навсегда покончено с былой замкнутостью старой деревни. Всеобщая грамотность, печать, радио, телевидение всюду распространяют современный литературный язык, местные говоры исчезают. Но необходимо для науки записать этот драгоценный источник истории языка (а кое-что стоит даже ввести в язык литературный). Картотеки местных слов имеет каждый педагогический институт, но собрана пока лишь малая часть исчезающей диалектной лексики. Экспедиции требуют средств и времени, кроме того, их стали сводить к стандартному вопроснику с ограниченным набором понятий, предавая забвению множество диалектных слов. Полностью отброшен драгоценный источник сбора местных слов — фамилии. Диалектная экспедиция, даже попав в с. Лопатино (Вадинский р-н Пензенской обл.), не найдет там слов *буровка* и *шустан* и не узнает, что в этих краях звучали фамилии Буровкин и Шустанов. По спискам из сельсоветов и колхозов диалектолог отберет нужные ему фамилии (не инодиалектальные и не иноязычные) и обяжет лопатинских студентов поискать на каникулах следы этих слов и семейные предания; студентам из Аристовки (Городищевский р-н той же области) он предложит поискать основы фамилий Басорин, Жижикин, Скурлыгин.

Конечно, многие фамилии принесены со стороны. Но там, где одну и ту же фамилию несут много семей, вероятно ее местное происхождение, старожилы могут вспомнить слово, которое послужило ее основой, может быть, живы и семейные предания. Многие исчезло бесследно, но еще многое удастся записать, если не откла-

дывать этого дела на будущее. Это не только отличная школа словообразования и диалектологии, а подлинное краеведение, воспитывающее любовь к родному месту, к родине.

В Архангельской обл. немало Бурдиных, Буреевых, Бурмагиных. Несомненно, что когда-то в этих краях были ходовыми слова, от которых образованы названные фамилии. Их не упустили бы составители архангельского диалектного словаря⁴³, если бы проявили немного внимания к фамилиям, указывающим точный адрес слова. В словаре нет и слова *бугак*, а в Шенкурском р-не сотни Бутаковых; в поисках этимологии слова я в Архангельске, порасспросив шенкурцев, узнал, что *бугить* в тех местах значит «сдирать мох, преграждая путь пожару» (в словаре глагол приводится, но без этого значения). Сотни жителей Холмогорского и Мезенского уездов носят фамилию Бобрецов, значит, существовало производное *бобрец* со своим значением. Каким? Может быть, оно еще живо? Нередкая в Сибири фамилия Бубенщиков (от бубнового туза на спине каторжника) напоминает о слове *бубенщик*, которое упущено сводным словарем русских народных говоров⁴⁴. Нет в нем и слова *кровопуск*, сохраненного фамилией Кровопусков. Ни в каких словарях нет слов *боздрик*, *бозырь*, а фамилии Боздриков, Бозырев существуют. В словаре именованных жителей отсутствует Веневитин⁴⁵, а фамилия Веневитинов общеизвестна.

На северо-востоке Вологодской обл., на р. Юг в Велико-Устюгском р-не, часты Чебыкины (в селах Усть-Алексеевское, Орлово, Томашево, в деревнях Давыдовская, Наволок, Подборье, Обрадovo, Крексеново, Горбушево, Скороходово, Селиваново и др.). Неужели вологодские диалектологи не попробуют разыскать по указанным адресам слово *чебык* с его значением? Или ждать помощи соседей? Эта территория примыкает к северо-западу Кировской обл. (Лузский и Подосиновецкий районы).

Педагогические институты Вологодской, Горьковской, Кировской, Саратовской, Тамбовской областей провели сбор фамилий по ряду районов. Это обильный, ценный материал; конечно, его еще надо разработать, извлечь из фамилий слово-основу и выяснить его значение.

В своем большинстве фамилии внедиалектны. Можно сказать, у них — свои диалекты, независимые от диалектов речевых, вне фамилий. Фамилии Волков или Морозов региональны, но их ареалы не зависят от рас-

пространения нарицательных *волк*, *мороз*; не копирует никаких известных диалектов и ареал фамилий в форме *-их*, *-ых*. Совпадение возможно, ему радуются, но лучше радоваться несовпадению: совпадение подкрепляет найденное наукой-смежницей, а несовпадение открывает новое, недоступное другой науке.

Фамилии выявляют и междиалектные черты и вскрывают связи языков. Показав на примерах фамилий Легостаев, Невоструев и др., какие лингвистические залежи вскрыты в русских фамилиях, О. Н. Трубачев указал, что они не только выводят из небытия исчезнувшие русские слова, но и ведут поиск за пределы русского языка: «Лингвистический материал, объединяемый фамилиями России, содержит много интересного для этимологии и выяснения географических сфер взаимовлияния широкого круга языков»⁴⁶.

* * *

При всей силе региональных различий несомненна объединительная тенденция, проявляемая в разных формах. Возрастающая связь всех частей страны сокращает статистические перепады между ними. К сожалению, нет надежных частотных сводов фамилий одной и той же местности по различным датам. Недостаточные источники по Устюгу Великому за 1763 и 1973 гг. позволяют лишь весьма приблизительно выявить основные черты изменений: за два столетия преобладающий формант *-ов* (*-ев*) еще усилил свои позиции — ему принадлежало в XVIII в. больше половины (в подсчете не фамилии, а их носители), а теперь почти $\frac{2}{3}$. Несколько сократились фамилии на *-ин*, заметно участились на *-ский*, вдвасятеро убавились фамилии на *-их* (*-ых*) (до 1%), но появились, хотя и в минимальном количестве, прочие формы, которых не было в 1763 г. Налицо явный процесс выравнивания: усиление общерусских показателей и «вымывание» локальных.

Процесс интеграции начат давно. Замена *-их* (*-ых*) видна на Севере еще в документах начала XVIII в.: ряд фамилий с *-их*, известных в XVII в., оформлен иначе (Лысов вместо Лысых, Заборский вместо Заборских). В разных концах Пензенской обл. (Тарханы, Троицкое, Летево, Камышлей) есть Каштановы, на Пензенской земле каштаны не росли. Откуда же взялась фамилия? Известно местное слово *коштан* (с двумя противоположны-

ми, исторически легко объяснимыми значениями: «ходатай по делам общины», но и «мироед»); торжество литературного языка над диалектами модернизировало фамилию.

Государственное закрепление фамилий притормозило, но не прекратило изменений. А высокая мобильность (подвижность) населения всюду заметно выравнивает состав фамилий даже и без изменений, сглаживает региональные различия в результате миграций. Процесс интеграции длителен, однако темпы его возрастают.

* * *

Ясно, что собрать материал этой главы было бы невозможно без содействия архивистов, преподавателей некоторых педагогических институтов и их студентов, сотрудников управлений и органов загсов. Наибольший вклад внесли А. Г. Волков, И. Г. Добродомов (Москва), И. А. Попов, Н. А. Мещеряков (Ленинград), Л. А. Тюменцева (Астрахань), З. А. Потиха (Волгоград), Ю. И. Чайкина, Г. В. Судаков, Е. Н. Варнакова, И. Н. Седова (Вологда), Т. И. Исаева, И. Л. Мининзон, Е. П. Малышев, В. П. Ефремова, С. Д. Чуграй (Горький), Л. Н. Макарова, Э. Л. Головина, Т. В. Ларукова, Л. А. Соболева, А. Д. Фищева, В. И. Караваева, О. Н. Никифорова, Л. В. Чуракова (Киров), А. С. Амберова, С. П. Шакелина, Г. В. Тюляндина (Кострома), Г. А. Галкин (Краснодар), Р. П. Струкова, Н. И. Усенков (Курск), Н. В. Любимова (Новгород), И. А. Клиорин (Орел), В. Д. Бондалетов, С. Г. Кузнецов, П. В. Зимин (Пенза), И. А. Фураева (Пермь), Н. Г. Линчевская (Тобольск), К. Ф. Гриценко (Томск), Л. А. Абрамова, В. Т. Барашков (Ульяновск), Л. Б. Серебrenникова (Чита), А. Н. Мирославская, Г. П. Скрипаль, О. Н. Шкредова (Ярославль).

¹ Архив Архангельской обл. Ф. 6. Оп. 18 и 19.

² Архив Орловской обл. Ф. 2526, 2538, 2540, 2541, 2543, 2552, 2555.

³ Архив Брянской обл. Ф. 1924, 2444.

⁴ Архив Пековской обл. Ф. 983, 1988, 1990, 1991, 2090.

⁵ Архив Новгородской обл. Ф. 333. Оп. 1. № 10.

⁶ Селищев А. М. Полог. София, 1931. С. 228–229.

⁷ Nikonov V. Paradoxes toponymiques // Revue Internationale d'Onomastique. P., 1959. N 3.

⁸ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. С. 49–50.

⁹ Там же. С. 206–209.

¹⁰ Русская историческая библиотека. СПб., 1897. Т. 25. С. 549–741

¹¹ Тобольский филиал архива Тюменской обл. Ф. 417. № 95.

¹² Там же. № 221, 222.

¹³ Там же. № 51, 52.

¹⁴ Архив Куйбышевской обл. Ф. 171. Оп. 1. № 125.

¹⁵ Архив Архангельской обл. Ф. 417. Оп. 19. № 206–211.

¹⁶ Там же. № 52–54.

¹⁷ Денисевич Г. В. Собственные имена как материал для диалектологии // Научно-практические очерки по русскому языку. Курск, 1972. Вып. 6. С. 143.

¹⁸ Унбегаун В.-О. Отчества на -ич и их отношение к русским фамилиям // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

¹⁹ Архив Вологодской обл. Ф. 961-Р. № 359.

²⁰ Архив Орловской обл. Ф. 3037, 3038, 3048, 3348, 3358.

²¹ Архив Калужской обл. Ф. Р-79. Оп. 1. № 98.

²² Unbegaun В.-О. Structure des noms de famille russe // IIIe Congrès international de Toponymie et d'anthroponymie. Louvain, 1951. Т. II. Р. 436.

²³ Щетинин Л. М. Имена и названия. Ростов, 1968. С. 149.

²⁴ Никонов В. А. География фамилий Поволжья // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. Т. 4. С. 140.

²⁵ Архив Архангельской обл. Ф. 6.

²⁶ Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 119.

²⁷ Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. С. 120.

²⁸ Никонов В. А. Поиски системы // Этимология. М., 1963. С. 226.

²⁹ Редько Ю. К. Сучасні українські прізвища. Київ, 1966.

³⁰ Бирилло Н. В. Белорусская антропонимия. Минск, 1969.

³¹ ЦГИА. Л. Ф. 1290. Оп. 7. № 85. Л. 115.

³² Там же. № 101. Л. 294.

³³ Архипов Г. А. Фамилии, образованные от удмуртских слов // Вопр. финноугроведения. Саранск, 1975. Вып. 6; Кривошекова-Гантман А. С. Фамилии как источник истории языка и его носителей // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972. С. 250.

³⁴ Серебrenников В. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963. С. 154, 167.

³⁵ Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961. С. 111.

³⁶ ЦГАДА. Ф. 210. № 60.

³⁷ Палагина В. В. К вопросу о локальности русских антропонимов XVI–XVII вв. // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968; Она же. Русские антропонимы XVII в. как источник информации о диалектном составе населения // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.

³⁸ Словарь донских говоров. Ростов н/Д, 1976. Т. 3. С. 126, 190.

³⁹ Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1960. С. 463.

⁴⁰ ЦГИА. Л. Ф. 1290. Оп. 6. № 338.

⁴¹ Никонов В. А. Северные фамилии // Этимология, 1968. М., 1980. С. 143–152.

⁴² Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 83.

⁴³ Архангельский областной словарь. М., 1982. Вып. 2.

⁴⁴ Словарь русских народных говоров. Л., 1968. Вып. 3.

⁴⁵ Словарь названий жителей РСФСР. М., 1964.

⁴⁶ Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России // Этимология, 1966. М., 1968. С. 6.

СЕВЕРНЫЕ РУССКИЕ ФАМИЛИИ

В силу исторического своеобразия Севера там лучше, чем где бы то ни было, сохранились местные фамилии. К счастью, Архангельский архив сберег неопределимые для истории и этнографии материалы единственной дореволюционной Всероссийской переписи 1897 г. по губернии, которая простиралась от границы Норвегии (Кольский у.) до Северного Урала (Печорский у.). Выполнен подсчет фамилий всего сельского населения по шести уездам — Архангельскому, Мезенскому, Онежскому, Пинежскому, Шенкурскому, Холмогорскому — это почти 300 тыс. человек, около 4 тыс. фамилий.

Приведенный словарик фамилий включает лишь очень малую часть собранного, но по возможности разнообразную. Отсутствие даты указывает на перепись 1897 г.; в скобках после фамилии дано название уезда, цифра указывает количество носителей фамилии. Сокращения помещены в конце главы.

Анциферов (во всех шести уездах). Отчество от канонического имени Онисифор, возможно, и от имени Никифор. Форма Анцифер характерна для Новгорода и Пскова. Топонимы от того же имени часты на севере и северо-западе, в бывших владениях Новгорода. На Север имя пришло минуя Москву, через Псков и Новгород из Белоруссии и Польши.

Башуров (Пинеж. у.). Отчество от прозвища из диалектного (новгородско-череповецкого) *башур* — «крупноголовый».

Багаев (Онеж. у.). Отчество от прозвища Багай из диал. онеж. *багай* — «шалун» (Под. С. 3).

Басаргин (Онеж. у.). Отчество от прозвища из диалектного *басарга* — «трава, непригодная на корм» (АПИ). Фамилия документирована с XVI в. в Олонецком крае.

Бобыкин (53 чел. — Шенк. у.). Отчество от прозвища из нарицательного *бобыка* — птица угод; это слово записано в говорах Зауралья между Ялutorовском и Ишимом.

Бородин (3 чел. — Шенк. и Холмог. уезды, гораздо реже — в Онеж. и Мезен., нет в Пинеж. у.). При вероятной связи фамилии с общеизвестным значением слова надо учесть северное диалектное значение *борода* («общая помощь на уборке урожая»), которое могло стать основой именованья.

Бураков (128 чел. — Шенк. у.). Местное значение слова *бурак* — «корзина» (АПИ).

Буторин (одна из самых частых фамилий Пинеж. и Мезен. уездов). Местное слово *бутора* — «метель, сильное ненастье» — могло стать именем, отчество от которого закрепилось в фамилии.

Бушнев (261 чел. — Мезен. у. — только на крайнем юго-востоке, вдающемся клином в Коми АССР). Коми *бушийни* — «разрыть, раскопать, раскидать» (ССКЗД. С. 32).

Варгасов (Пинеж. у.). Диалектный псковский глагол *варгасить* — «болтать пустяки».

Вешняков (Арханг., Холмог., Мезен. уезды). Отчество от именованья отца *вешняк* — уходящий весной в море на промысел. Фамилия документирована с 1629 г. При переезде в другие местности и утрате значения фамилию по звуковому совпадению смешивали с фамилией иного происхождения — Вишняков.

Вилкосов (Холмог. у.). Отчество от предполагаемого прозвища Вилкос(ый), компоненты которого не земледельческие орудия вилы и коса, а *вилавый* — «лукавый, извилистый» (Под. С. 18) — *косо* — «криво», если это не случайное совпадение.

Военский (90 чел. — Холмог. у.). Фамилия из именованья по местности — р. Военга. Кроме того, там же один из жителей документирован с фамилией Воинский, явно возникшей в результате переосмысления.

Галушин (Холмог. у.). Фамилия связана с диалектным архангельским и холмогорским глаголом *галушить* — «насмехаться» (Под. С. 29).

Гладкий, Гладких (Холмог., Мезен. уезды). Из диалектного *гладкий* — «здоровый, толстый» (Под. С. 30).

Голдобин (Шенк. у., несколько волостей Онеж. у.). Этимология фамилии раскрывается по данным сибирских говоров; *голдаба* — «беднота» (Пал. Доп. I. С. 96).

Долгостин (Пинеж. у.). Вероятная основа — *долгостин* — «очень высокий»; слово известное на Урале.

Доильцын (184 чел., Шенк. у.). В местных говорах *доильница* только ведро для доения молока (АПИ), но это маловероятная основа для фамилии. По-видимому, фамилия связана со значением «работница, доющая коров». В этом значении слово зафиксировано в 1790 и 1817 гг., а еще раньше, в 1700 г., в значении «кормилица» (Картотека Словаря русского языка XVIII в. Л.).

Евтяев (Пинеж. у.). Отчество от канонического име-

ни Евтей (Евтихий), рано вышедшего из употребления, но дольше удержавшегося на Севере.

Едовин (89 чел.— Шенк. у.), чаще *Ядовин* (там же — 234 чел.). Отчество от прозвища Едовый из диалектного *едовый*, записанного на этой территории с несколькими значениями: «неприхотливый к еде» (с. Тавреньга Конош р-на); *едова* — «злая собака» (с. Сийяки Устьян. р-на).

Ерилов (32 чел.— Онеж. у.). Отчество от древнерус. мужского имени Ярил.

Едемский (459 чел.— Шенк. у.). Фамилия из наименования местности: в Архангельской губ. было несколько населенных пунктов с названиями Едома, Едема из местного нарицательного (Шенк., Мезен. уезды) со значением «отдаленная местность» (Под. С. 195). Подвластью Новгорода среди «двинских бояр» были влиятельные Едемские, после присоединения к Москве они остались жить на р. Ваге, позже «большинство Едемских окончательно окрестянивается, некоторые даже нищенствуют» (Васильев. С. 12). Удивительно наблюдение Подвысоцкого: *едомский* — обедневший, безоленный самоед, переносно — *нищий* (Под. С. 195), с одной стороны, связывающее его еще с ненцами, а с другой — словно напоминающее о судьбе рода Едемских. В д. Ковачева (Шенк. у.) — 80 чел., и все они Едемские.

Жехов, Жохов (Холмог. у.). Отчество от прозвища Жех, Жох из диалектного нарицательного слова, означающего «старожил, коренной житель» (Борич. С. 137).

Житников (Шенк. у.). Фамилия связана с диалектным *житник* — круглый хлеб из ячменной муки (АПИ).

Зародов (63 чел.— Шенк. у.). Отчество от нецерковного личного имени Зарод. В документе 1623 г. записан крестьянин пинежской д. Крылова Гора — *гришка максимумов сын зарод*. В архангельских говорах *зарод* — стог сена, обычно продолговатый (АПИ), но в документе 1612 г. встречаем и *зародное поле* (МИЕС. II. С. 395).

Заморов (Шенк. у.). Отчество от именованья *замор* — бывавший в других странах, т. е. за морем (Под. С. 51).

Здрецов. (Шенк. у.). Отчество от прозвища Здрец. В соседнем Пинежском р-не диалектные экспедиции ЛГУ неоднократно записали *здрение* — «зрение» (Сим.). Возможно, здесь представлено древнее фонетическое явление: вставное -д-, ср. рус. *идрав*.

Золотилов (87 чел.— Холмог. у.). Фамилия может быть связана с диалектным глаголом *золотить* — «ругать» (АПИ),

Ижмяков (Арх. у.). Отчество от Ижмяк — прибывший с р. Ижмы.

Клишев (227 чел.— Холмог. и Мезен. уезды) известен также *Клешов* (7 чел.— Холм. у.). Отчество от формы Клиш (Клеш) — канонического мужского имени Клементий, в повседневном употреблении — Клим, в писдовой книге Заонежья 1496 г. записан крестьянин Клиш Нестеров (Витов. С. 257). В том же погосте ревизия 1720 г. указала д. Клешево, которая позже на карте генерального межевания значится Клишево, в 1563 г. там жил Клишко Левонтьев (Витов. С. 36—37).

Клубыков (Шенк. у.). Диалектное *клубык* — «верхний сноп» (АПИ).

Клюев (Холмог. у.). Отчество от прозвища Клюй, которое Ю. А. Федосюк связывает с *клов*. Архангельский краевед М. С. Медведев сообщил более вероятную основу прозвища: в архангельских говорах *клюй* и *клевака* означали «сонливый», «кляющий носом».

Кобелев (91 чел., из них 86 чел.— Холмог. у.) — отчество от нередкого нецерковного мужского имени Кобель, например: в 1524 г. «наумка кобель с товарищи» получил вотчину соляные ключи в Двинском у.

Кокшаров (86 чел.— Шенк. и Мезен. уезды, преимущественно Лешукон. вол., — 62 чел.). Отчество от наименования отца *кокшар* — пришелец с р. Кокшеньга. В 1452 г. великий князь московский сжег городок до тла, а жителей истребил; усевшие бежать кокшары рассеяны по всему Северу, их потомки — Кокшаровы.

Конечный (195 чел.— Шенк. у.; там же в 1655 г. с этой фамилией несколько крестьян упомянуты в порядных записях). Термин *конец* с территориально-административным значением принесен на Север еще новгородцами.

Корельский (2308 чел.— во всех шести уездах; из них 1337 человек — в Арх. у., нет в Мезенском). М. В. Витов отметил, что именованье *корельский* имело не этническое, а географическое значение, обозначало не карела, а переселенца с карельской стороны, т. е. из более западной местности (Витов. С. 63—64), их было немало — бежали от шведских нашествий.

Коржавин (Арх., Шенк., Холмог. уезды). Отчество от нецерковного мужского имени Коржава, указанного И. А. Елизаровским в беломорских документах XVI—XVII вв.; диалектное *коржава* — «кривоногий, горбатый» (Елизаровский. С. 27).

Крысанов (128 чел.— Онеж. у., в нескольких волостях). Отчество от именованя Крысан, возможного из канонического мужского имени Хрисанф (повсеместно — Кирсан), но архангельский краевед М. С. Медведев считает Крысан прозвищем из северного диалектного нарицательного *крысан* — «грубый, огрызающийся» (ср. глагол «окрыситься»).

Кукольников (55 чел.— Шен. у., в нескольких волостях). Отчество от именованя отца: *кукольник* на Севере — ряженный на святках (Под. С. 194).

Куроптев (Арх. и Онеж. уезды). Фамилия связана с диалект. *куроптъ* — куропатка (Под. С. 79).

Лактионов (Арх. у.). Отчество от канонического имени Галактион (древнегреч. «молочный»).

Лимонников (118 чел.— Мезен. у.). В словаре Ушакова приведено слово *лимонничать* — «нежничать, любезничать», но оно, по-видимому, позднее, в более ранних словарях *лимонник* только наименование растения. Так как эта фамилия больше нигде не встретилась, ее основу могут подсказать местные говоры. Так, на Пинеге, в д. Волдакуры, записано *облимонилась* — «обленилась» (Сим.). Может быть, *лимонник* — лентяй? Но это лишь предположение.

Лисой, Лисый, Лисых (134 чел.— Шенк у., в нескольких волостях). Фамилией стало прозвище: местное *лисой, лисый* означает «желтый» (АПИ).

Личинин. Грамота 1578 г. указывает: в д. Микулина на р. Емце «дети Личинина» (МИЕС. II. С. 216), ныне — Холмогорский р-н; всеобщая перепись 1897 г. этой фамилии уже не застала. Трудно решить, в каком значении слово *личина* (если основа не из языка коми) стало личным наименованием; в литературе оно означало маску.

Личутин (Мезен. у., Дорогор., Койден.). Фамилия современного архангельского писателя В. В. Личутина. Видимо, это отчество от нецерковного мужского имени Личута, пока не обнаруженного в документах прошлого. Если основа русская, то возможная база — *лицо*. Глагол *личить* — «приличествовать», «подобрать», «соответствовать» — В. И. Даль относил к северным. О суффиксе *-ут* говорится в главе «География русских фамилий».

Лягин (66 чел.— Шенк. у.). В северных говорах *ляга* — глубокое место в реке (Борич. С. 139).

Матафонов (Холмог. у.). Фамилия, по-видимому, связана с диалектным термином *матафан* — «поплавок невода» (Под. С. 88).

Мехряков (51 чел.— Холмог. у.). Отчество от именованя *мехряк* — житель д. Мехреньги (на р. Мехреньга) в Холмогорском р-не, но оно получило и вторичное значение — «толстый ребенок», а в Онежском р-не — «глупый» (АПИ).

Мигусов (79 чел.— Холмог. у.). Отчество от прозвища Мигус, производного от диалектного глагола *мигусить* (по В. И. Далю, архангельского) — «щуриться на один глаз», «суетиться», «болтаться».

Моршнев (116 чел.— Шенк. у., Усть-Паденг. и соседние волости). Фамилия связана с диалектным *моршни* — самодельная обувь из цельного куска кожи, фонетический вариант — *поршни* (см. Поршнев).

Непряхин (Шенк. у.). Отчество от прозвища Непряха из диалектного *непряха* — «неумелый» (первоначально — «не умеющая прясть»), слово записано в с. Карпогорье Пинежского р-на (Сим.).

Норицын (Холмог. у.). Фамилия связана с диалектным глаголом *норить* — «ловить рыбу неводом подо льдом», записанным в д. Чученога Пинежского р-на (Сим.).

Няников (70 чел.— Шенк. у.). Фамилия документирована еще в XVI в. Она связана с диалектным глаголом *няничить* — «нянчиться».

Обрядин (Холмог. у.). Фамилия связана не со словом *обряд* литературного языка, а с местным словом *обрядный* — «хорошо одетый, нарядный», — от *обрядиться, обряджаться* (иначе см. «Вологодские фамилии»).

Окладников (14 чел.— Мезен. у.). Окладниковы — потомки очень старых русских поселенцев на р. Мезень, где несколько столетий существовала Окладникова слобода, которая в 1789 г., при преобразовании ее в центр уезда, получила название г. Мезень. Отчество от именованя отца: *окладник* — 1) получающий оклад (жалованье по должности), 2) ведающий окладными книгами, 3) платящий оклад (налог). Трудно сказать, которому из трех значений обязана фамилия.

Олупкин (Холмог. у.). От прозвища, основа которого диалектное слово *олупки* — картофельные очистки, луковая кожура (АПИ).

Олуферов (43 чел.; Онеж. у.). Отчество от канонического мужского имени Елевферий; в форме Олуферий не раз встречалось на Севере, например в купчей XV в. (РИБ. XXV. С. 3).

Онегин (127 чел.— Холмог. у.; 7 чел.— Онеж. у.). В большинстве своем лесорубы и сплавики леса, осталь-

ные земледельцы. В основе фамилии — название р. Онега. Характерно, что почти все носители этой фамилии не жили на р. Онеге: ведь там все жители Онегины и фамилия не имела бы смысла.

Падерин (Холмог. у.). Фамилия связана с диалектным словом *падера*, распространенным от Новгорода до Якутии; на Печоре оно означает шторм, в Сибири — ураган со снегом или дождем, пылью. Слово могло стать именем ребенка, рожденного в такую погоду, а отчество позже стало фамилией.

Патракеев (126 чел.— Онеж. и Шенк. уезды), *Патраков* (68 чел.— Холмог. и Мезен уезды). Отчества от характерных северных форм Патракей, Патрак, Патря канонического личного имени Патрикей (лат. «благородный»). Частое имя на Севере еще с новгородских времен (Шахматов. С. 100).

Патрин (Онеж. у.). Вероятно, отчество от уменьшительной формы Патря из Патрикей (см. Патрикеев) или, возможно, связана с диалектным северным глаголом *патрить* — «пачкать, грязнить» (Елизаровский. С. 190).

Пекишев (68 чел.— Холм. у. Ломонос., Кушев., Великодвор.). Отчество от прозвища Пекиш из диалектного *пекиш*, *опекиш* — лепешка из ржаного кислого теста (Под. С. 110; с пометой — Холм., Шенк.).

Пелевин, *Пелявин* (Холм. у.). Фамилия связана с местным словом *пелева* (*пелля*) — «мякина».

Пестеров (Шенк. у.). Фамилия связана с местным словом *пестерь* — разновидность корзины (АПИ).

Пластинин (149 чел.— Шенк. у.). Фамилия связана с диалектным словом *пластина* — шкурка дичи и морского зверя; полоса, слой туши морского зверя или рыбы. В «Словаре Академии Российской» в Холмогорах отмечено значение *пластина соболья*; слово нередко в документах Мангазеи XVII в.; живо в современных диалектах Сибири; в Омской обл. есть и фамилия Пластинин.

Поромов (394 чел.— Шенк. у.). В основе диалектное *пором* — связанные для лесосплава бревна. Известна по документам с 1692 г. (РИБ. XXV. С. 364) в тех же местах.

Поршнев (Холм. у.). От *поршни* — лапти из тюленьей кожи (Под. С. 153), аналогична этимология северных же фамилий Моршнев, Сыропоршнев.

Проскураков (Холм. у.). Отчество от именованья отца по занятию: *проскурак* — продающий в церкви про-

сфоры (ритуальные хлебцы); *проскураки* нередки в северных документах XVII в.

Пышкин (231 чел.— Шенк. у., Усть-Паденг.; в тех же местах фамилия засвидетельствована документом 1692 г.— РИБ. XXV. С. 376). Отчество от прозвища Пышка.

Распопин (Шенк., Холмог. уезды). Отчество от именованья отца; *распопа* — бывший поп. Распопов (Мезен. у.) — то же, но от формы *распоп*.

Рудаков (810 чел.— Холм, Шенк., Мезен. уезды). Отчество от нецерковного мужского имени Рудак, которое очень часто на Севере в XVI—XVII вв.: Рудак Васильев — 1594 г. в Лодоме (РИБ. XXV. С. 159), Степанко Рудаков (Богословский. II. С. 41) и др. Ю. А. Федосюк связывает *рудак* только со значением «рыжий», но для Севера характерно иное значение: *руда* — «грязь, пятно»; *рудить* — «пачкать» (АПИ), как и в белорусском, в отличие от древнерусского и современного украинского *руда* — «кровь» (однако и в Верхней Тойме *рудить* — «красить»), а также и от современного русского литературного, южнославянского и западнославянского значения слова *руда*, хотя все эти слова имеют один источник. Характерно отсутствие этой фамилии в Онежском у.

Рудалев (21 чел.— Хол. у.), *Рудной* (87 чел.— Шенк. у.), *Рудный* (219 чел.— Шенк., Холм., Мезен. уезды). Бесспорна связь со словом *руда*, вероятно, в местном значении — «грязь, пятно» (АПИ).

Ружников (83 чел.— Мезен. у., в Дорогор., Лешукон. и других волостях). От *ружник* — из *руга* — сбор с населения на оплату духовенства.

Рядовкин (75 чел.— Холм. у.). Фамилия связана с местным словом *рядовка* — «грубая одежда из холста», но также «ряд изб» (АПИ).

Самодов (166 чел.— Холм. у.). Отчество от слова *самод*, по-видимому означавшего «самодиец», на архангельской территории — *ненец*; в современных говорах записано *самодин* — «самоед» (АПИ).

Свалов (66 чел.— Холм. у.; 5 чел.— Онеж. у.). Известно диалектное слово *свал* — «нарост на дереве», многократно записанное на Пинеге (Сим.).

Сивериков (28 чел.— Холм. у.). В Архангельских говорах *сивер* — «северный ветер», *сиверко* — «холодная погода», *сиверик* — одно из травянистых растений, на Пинеге в д. Сульда *сивиряк* — «бабочка, мотылек» (Сим.).

Склемин (38 чел.— Мезен. у.). Из диалектного северного *склемы* — «сплетни» (Колосов. С. 131).

Скрозныков (76 чел.— Шенк. у.). Отчество от прозвища *Скрозник*, или *сквозник* — «хитрый, пронизательный, пройдоха» (Даль, IV. С. 199); произношение *скрозь* вместо *сквозь* в нарицательной лексике двинских говоров зафиксировано многократно (АПИ; Сим.). Краевед М. С. Медведев указывает иное значение — «прожорливый, ненасытный».

Слузов (Онеж. у.). Фамилия связана с диалектным словом *слуз* — «слякоть», «вода поверх льда» (АПИ; Сим.). В Заонежье эта фамилия уже в писцовой книге 1622 г. (*Приклонский С. А.* Народная жизнь на Севере. М., 1884. С. 122).

Собинин (122 чел.— Холм. у.), *Собинкин* (34 чел.— в тех же вол.). В основе — *собина* — «собственность, имение»; в картотеке Словаря русского языка XVIII в. (Ленинград) все указания на это слово не позже начала XVIII в., следовательно, в дальнейшем слово вышло из употребления. Но говоры удержали *собина*, *собинка* в значении «милый, дорогой» (Под. С. 160).

Согрин (Шенк. у.). Фамилия связана с диалектным северным словом *согра* — «заливаемая водой лесистая местность».

Создомов (Шенк. у.). В памятниках XVII в. *создом* — «учащенно дыша», позже слово держалось в костромских говорах (Даль. IV. С. 267), фамилия донесла до нас забытое слово.

Сохачев (73 чел.— Мезен. у.). Отчество от прозвища *Сохач* из северного *сохач* — «самец лося».

Сыродубов (Онеж. у.), *Сыропоршнева* (89 чел.— Онеж. у.), там же и *Широпоршнева* — несомненно, фонетический вариант той же фамилии; см. также *Поршнева*, *Сыропяттов* (Онеж. у.), *Сырорыбов* (Онеж. у.). Скопление этих фамилий с тождественным первым компонентом только на небольшой территории (при их редкости по всей стране) невозможно считать случайным. Видимо, в этом отразилась какая-то общность населения небольшой полосы между Онегой и Северной Двиной.

Торицын (Онеж. и Пинеж. уезды). Фамилия связана с местным названием растения *торица*, семена которого при частых северных неурожаях шли в муку (Шренк. С. 158).

Тормозов (75 чел.— Шенк. у.). На севере *тормоз* — приспособление на полозьях саней, удерживающее их от скольжения.

Треушков (Холм. у.). Фамилия связана со словом *треух* — «шапка с тремя ушками».

Труфанов (199 чел.— Шенк. у.). След древнейшего колебания *и/у* при передаче греческого имени Трифон (как в *Кипр/купорос*). Фамилия распространена и за Уралом: по той же переписи 1897 г., 95 человек в Юргин., Омутин. и Плетнев. волостях Ялutorовского у. (ТА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 211, 216).

Туесов, *Туисов*, *Туясов* (79 чел.— Холм. у.; 20 чел.— Онеж. у., в нескольких волостях). Диалектное *туес*, *туис*, *туяс* — берестяной коробок (для грибов, ягод); переносно — «глупый, бестолковый» (Даль. IV. С. 457).

Тяжелкин (Шенк. и Холмог. уезды) Фамилия связана с местным словом *тяжелка* — осенняя мужская верхняя одежда из толстого сукна (АПИ).

Узкий (105 чел.— Холмог. у.), *Узкой* (49 чел.— Шенк. у.). Пониманию прозвища, которое стало фамилией, поможет выражение, записанное на Пинеге в 1959 г.: «в узком месте живем — ничего не знаем» (Сим.); *узкий* — т. е. «скудный, бедный». От антонима «широкий» см. фамилию Широкий.

Фарколин (Онеж. у.). Фамилия связана с диалектным глаголом *фаркать* — «проворно шить» (Даль. IV. С. 241, с пометой «олонецкое» т. е., как раз на смежной территории).

Холзаков (196 чел.— Шенк. у.). Из диалектного глагола *холзать* — «соваться, качаться» (Под. С. 184, с пометой: «шенк., пинеж., мезен.»).

Хрушкий, *Хрушкой* (Шенк., Холмог. уезды и рабочие из Сольвычегод. у. Вологод. губ.). Из *хрушкий* — «круглый» (АПИ. Записано в Усьян и Лешукон. р-нах). Сейчас известна семья этой фамилии близ Архангельска в Верхне-Тойм. р-не.

Худяков (362 чел.— Арх., Пинеж., Шенк., Холмог. уезды). Отчество от нецерковного личного имени Худяк, передкого там же в XVI—XVIII вв., например Худяк Григорьев с Лодмы — 1592 г. (РИБ. XXV. С. 159).

Цивилев (42 чел.— Мезен. у.). Отчество от прозвища или нецерковного мужского имени Чивиль — «воробей», с характерной для местных говоров меной *и/у*. В Тотемском у., на верхнем течении Северной Двины, документирован в 1646 г. Омелка Цивил — родоначальник многих поколений рабочих по добыче соли, фамилия сохранилась до нашего времени (МИЕС. III. С. 97).

Черепанов (170 чел.— Шенк. у., в нескольких волостях). Отчество от прозвища Черепан, не по «наружному виду» (см. Елизаровский. С. 27); нарицательное *черепан* — в архангельских говорах «изготовитель глиняной посуды» (АПИ) или «житель г. Череповца».

Чуприков (30 чел.— Шенк. у., Предтеч.). Отчество от уменьшительной формы Чуприк из полного имени Чуприян (каноническое Киприан, древнегреч.— «происходящий с острова Кипр»). Мена *y/i* произошла еще в древнегреческом языке из-за изменения произношения гласного ипсилон, смягчение *к/ч* вызвано несвойственностью древнерусскому языку *к* перед гласными переднего ряда. Имя Чюприон на Севере документировано в Кевроле в 1578 г. (по документам Антониево-Сийского монастыря). Фонетический вариант — фамилия Чуфряков (54 чел.— Шенк. у., Предтеч.).

Чураков (230 чел.— Шенк. у.; 69 чел.— Холмог. у.). Отчество от прозвища или нецерковного имени Чурак, объяснение находим в сибирских говорах, где *чурак* — «обрубок дерева»; переносное — «глухой, темный» (Пал. Д. II. С. 270; III. С. 234).

Чухарев (56 чел.— Онеж. у.; 6 чел.— Холмог. у.). Отчество от прозвища Чухарь из онежского диалектного *чухарь* — «глухарь», переносно — «глухой человек» (МГУ).

Шадрин (302 чел.— Онеж. у.; 64 чел.— Шенк. у.; 6 чел.— Холмог. у.). Отчество от прозвища Шадра от диалектного *шадра* — «рябь на лице от оспы». Диалектное слово *шадра* и фамилия Шадрин продвинулись на Урал и Зауралье.

Шалгунов (57 чел.— Шенк. у.). Фамилия связана с местным словом *шалкун* — «дорожный мешок» (Боричевский. С. 153). Написание Шелгунов, очевидно, фонетический вариант, так как встречается там же, где и Шалгунов.

Шаньгин (101 чел.— во всех 4 уездах). В северных говорах *шаньга* — сдобная лепешка с творогом и сметаной.

Шаров (196 чел.— Холмог. у.). Вероятна связь с уральским диалектным *шарь* — «глаза», а не с ненецким *шар* — «пролив» (в фамилиях на Двине ненецкая лексика не обнаружена).

Шелгунов — см. Шалгунов.

Шелегин (Шенк. у.). Северное слово *шелега* — «сало морского зверя» (Борич. 153).

Шестаков (во всех уездах). Четвертая по частоте фа-

милia в губернии; распространена также на Урале и в Сибири, нередка на северо-востоке Вологодской обл. Первоначальное значение — шестой ребенок в семье.

Шиморин (Шенк. у.). Фамилия связана с диалектным глаголом *шиморить* — «копаться над чем-то, возиться» (Даль. IV. 650, с пометой «архангельск»).

Широкий (300 чел.— Мезен. у.; 4 чел.— Холмог. у.), **Широкш** (9 чел.— Мезен. у.). Антонимичная пара *узкий/широкий* стала основой фамилий в своих значениях *скудный/обильный*; ср. «жить на широкую ногу», «широкая масленица» (см. *узкий*).

Шитиков (20 чел.— Холмог. у.; 100 чел.— Шенк. у.). В основе — диалектное *шитик* — разновидность лодки.

Шкулев (89 чел. Онеж. и Холм. уезды). Отчество от прозвища Шкуль. Существование прозвища документировано с 1561 г.— запись в писцовой книге: «против двора шкулева», «васюк шкуль, содовар» (МИЕС. II. С. 476). Прозвище — из диалектного псковского *шкуль* — «запас», тверского — «кошель», переносно — «скряга».

Штинин (25 чел.— Онеж. у.). Фамилия связана с архаичной формой *шти* — современная *щи*, как и фамилия Долгоштинов в д. Труфанова гора Пинежского у. в писцовой книге XVII в., очевидно, из прозвища *Долгие шти*; ср. неоднократно встреченные *Высокие шти* (в Муроме 1574 г., Ярославле 1671 г., Симбирске 1678 г.). Не были ли *долгие* и *высокие шти* кулинарными терминами?

Шумилов (366 чел.— Шенк. у.; 49 чел.— Онеж. у.; 18 чел.— Холмог. у.). Отчество от нецерковного мужского имени Шумило — «шумный, крикливый». Имя очень часто у русских вплоть до конца XVII в. означало крикливого ребенка. Фамилия на Севере старинная (как и сами имена с *-ило* — Будило, Твердило, Томило и др.). В Чухченемской вол. близ Архангельска она документирована в 1634 г.

Ядовин — см. *Едовин*.

Ставование фамилий на Севере протекало значительно раньше, чем в средней полосе России, где большая часть крестьянства была закрепощена, а крепостным фамилий не полагалось. Если и возникали «уличные» фамилии, то они, нигде не записанные, легко дробились, менялись, исчезали; основная масса крестьян получила фамилии только после 1861 г. Приводимые исследователями даты различны. М. В. Витов писал: «В Обонежье фамилий в подавляющем большинстве случаев не было

в XV—XVI вв.»¹; П. А. Колесников считал, что «у большинства черносошных крестьян и ремесленников в отличие от крестьян крепостнического центра страны фамилии определялись уже во второй половине XVII столетия»²; Г. Я. Сими́на писала: «Письменные памятники Пинежья свидетельствуют, что фамилии там сложились лишь в XVIII в.»³

Кто прав? Становление фамилий не акт, а процесс, который длился не одно столетие. «Первых» фамилий не было: в фамилию постепенно превращались иные именованья — отчества и дедичества: иванов, гришин, кузнецов, сорокин, т. е. сын или внук Ивана, Гриши, кузнеца, Сороки. Установить, фамилия это или еще отчество, можно, только располагая документальными данными более трех поколений, а такие случаи исключительны. В документах XVI в. по Ростовской вол. Важых земли (позже Шенкурский у.) встрети́лась фами́лия *Няников* и в той же волости по переписи 1897 г. 11 семей Няниковых (70 чел.) — фами́лия сохранилась в одном месте три столетия. Конечно, такие находки единичны, в документах XVI в. фами́лии есть лишь у очень немногих. Со следующего столетия они уже несколько чаще. В 1897 г. Лисицины и Толстиковы встречены там же, где они документированы в 1652 г. (Богословский. I. С. 88).

Но и в конце XVII в. до широкого установления фамилий еще далеко. Акты переписи часовен 1692 г. содержат огромные списки крестьян, привлеченных в свидетели (РИБ. XXV. С. 549—741), и только у небольшой их части, кроме имени и отчества, есть третий член именованья. Но вот что с ним происходит: в Устьяновской вол. указаны «иосиф иванов сын кононовых да леонтий денисов сын лебедевых», а в заключение того же акта они поименованы уже «леонтий денисов, осиф иванов» (РИБ. XXV. С. 549), «аверкий логинов сын поторочинных, симеон леонтьев сын чеснишин, яким тимофеев сын толпин»; через несколько страниц уже только «аверкий логинов, симеон леонтиев, яким тимофеев» (РИБ. XXV. С. 533). И так почти в каждом случае: третий член именованья необязателен и легко исчезает. Фамилию в современном смысле немисливо представить такой мерцающей и факультативной. Случай позволяет заметить дату становления или смены фамилии: учитель М. В. Ломоносова до 1718 г. подписывался Семен Никита Смолиных, а в 1723 г. он — Сабельников⁴, в 1897 г. Сабельниковы записаны в соседней волости.

Состав формы и частотность фамилий на Севере заметно отличаются от других территорий. Самая частая в Москве фами́лия Иванов занимала на Севере в 1897 г. только 16-е место, ее носили одни приезжие — служащие, купцы, духовенство. И лишь фами́лия Кузнецов занимала там и тут второе место. Достаточно привести данные о шести самых частых фами́лиях Архангельской губ. по 6 уездам, охваченным подсчетами, сопоставив хотя бы с двумя другими территориями в среднем по 10 тыс. жителей. Числа округлены до единицы, тире означает полное отсутствие.

Место обследования	Попов	Кузнецов	Карельский	Шестаков	Некрасов	Саманов
Архангельская губ.*	216	35	88	39	39	34
Зауралье**	68	48	—	29	3	—
Тульская губ.***	14	96	—	3	1	1

* 1897 г. — Архангельский, Мезенский, Онежский, Пинежский, Холмогорский, Шенкурский уезды (Архив Архангельской обл. Ф. 6. Оп. 18, 19).

** 1897 г. — Ялуторовский и Ишимский уезды Тобольской губ. (Тобольский архив. Ф. 417), Курганский округ (Центральный исторический архив (Ленинград). Ф. 1290).

*** 1900—1911 гг. — Алексинский, Белевский, Елифанский, Чернский уезды (Архив Тульской обл. Ф. 4. Оп. 2, 6).

При такой резкой разнице наиважнейшая задача географии фамилий — сопоставительное изучение всей массы их на различных территориях. Эта трудоемкая работа у нас едва лишь начата.

* * *

Фами́лии на *-ский* у русских принадлежали особым социальным группам: дворянству (в подражание княжеским и шляхетским), духовенству (из названий церквей и селений), с XIX в. — разночинцам. Во второй половине XIX в. они начали распространяться и у крестьян, выравнявшихся из общины и сменивших место жительства, но крестьяне — носители подобных фамилий были в ничтожном меньшинстве. На Севере они встречаются во много раз чаще, чем в других областях. В 1897 г. их имели в Шенкурском у. 3315 человек (459 чел. Едемских, 260 чел.

Поженских, 227 чел. Бубновских и т. д.). В Архангельском и Холмогорском уездах фамилию Карельских носили 2164 человека. Большое число таких фамилий свидетельствует о том, что это фамилии не духовенства и не заезжих торговцев.

Основной массив русских фамилий в форме родительного падежа множественного числа притяжательных прилагательных *-их, -ых* охватывал бассейн Северной Двины и северо-восточную часть Заволжья, откуда они стали распространяться на восток, пересекли Вятку, Каму, Уральский хребет и появились в Сибири⁵. Подсчеты показали, что ареал фамилий на *-их, -ых* на Севере неравномерен: в Архангельском у. их совсем немного, в Онежском у. они довольно часты (493 чел.) — больше 1% населения*; в других уездах их осталось мало. Вот перечень их по 6 уездам: Боровых, Бурых, Власовских, Вострых, Вторых, Вшивых, Гладких, Долгих, Дородных, Жидких, Земских, Коротких, Лисых, Луговых, Односторонних, Плоских, Резвых, Рогатых, Рыжих, Сухих, Тонких, Успасских, Череповских, Широких, Шкаредных.

Давность этой модели документирована многократно: в 1641 г. на р. Устья записан Иван Федоров Сухих (*Богословский*. I. С. 85), в 1642 г. несколько севернее — Никон Васильев Тупицыных (*Богословский*. I. С. 103); на Пинеге в 1686—1688 гг. — Сухаревых, Страшных, Ставровых, Еремеевых. Несомненно, что в прошлом именованье на *-их, -ых* было на Севере чаще. По результатам переписи часовен 1692 г., южнее и восточнее Шенкурска трехчленных именованний оказалось 42% от общего числа (РИБ. Т. 25). Многих потомков этих семей в тех же местах застала через двести лет всероссийская перепись, но фамилии их были уже без *-их, -ых*: в Велико-николаевской вол. в 1692 г. встречаем Санчуков*ых*, Тюлебаев*ых*, а там же в 1897 г. (Кургоминская вол.) 128 человек имеют фамилию Санчуков*ы*, 125 человек — Тюлебаев*ы*; в Попонаволоцкой вол. в 1692 г. встречаем Новгородов*ых*, Минин*ых*, а в 1892 г. в Благовещенской вол. — уже Новгородов*ы* (157 человек), Минин*ы* (324 человек). В. И. Рудных подсчитала по документам 1747 г.

* Очень существенно, что они сосредоточены на небольшом пространстве: 473 чел. — по течению р. Онеги ниже Иксы, кроме низовий, близ г. Онеги, немного западнее вдоль берега Белого моря — еще 7 чел., 5 чел. — на севере Онежского полуострова. По всей остальной территории обширного уезда таких фамилий нет.

население Велико-Устюгского у. (он охватывал территории современного северо-востока Вологодской, юго-востока Архангельской, северо-запада Кировской областей): из 12 тыс. человек почти 1,5 тыс. носили фамилии на *-их, -ых*, а южнее, в Яропурском стане, — почти 34%.

Многовековая борьба Москвы и Новгорода за Север завершилась в 1478 г. присоединением Новгорода и всех его владений к Московскому государству, т. е. задолго до становления фамилий. В фамилиях этот процесс непосредственно не отразился, но каждая из этих двух исходных областей русского заселения Севера принесла свои слова, формы и фонетические особенности. Их сохранил язык, и позже отразили фамилии. Фамилии подвижнее топонимов и не дают на карте такой границы, как размежевание «новгородского» слова *ручей* с «московским» *кляуч*, четко сохраненного топонимией⁶. Но новгородские черты отразились в фамилиях Анцифоров, Конечный, Патракеев, Шкулев и др. Исследователи, вероятно, умножат примеры, но это потребует немало труда — в следующие столетия новгородские и московские черты переплелись очень тесно.

Фамилии русских на Севере, как и во всей России, по своему происхождению в абсолютном большинстве — отчество в форме кратких притяжательных прилагательных, образованных суффиксами *-ов, -ин*, означающих «чей сын». У крестьян среднерусской полосы эта форма была почти абсолютной, все другие формы охватывали меньше 1%. Именно эти форманты до XVI в. служили основными средствами выражения притяжательности в широком значении, включающей и происхождение (не только кровное, но и по местности), и принадлежность. А на Севере другие формы фамилий распространены почти впятеро чаще, охватывая 4—5% всех крестьян.

Формы фамилий русского сельского населения (в пересчете на 10 тыс. человек по каждой территории, 1897 г.) таковы (см. стр. 72).

Архаичную форму фамилии на *-ой* (Толстой, Нагой), а также на *-ый, -ий, -овый, -агий, -ный* у русских вне Севера удержали только единичные старинные роды. Это фамилии народные. Например, в Шенкурском у. их носили 1617 человек. По отношению ко всей массе крестьян они встречаются чаще всего в самых «глухих» уездах — Мезенском и Пинежском. Вот некоторые из них: Бархатный, Безногий, Белый, Боговой, Борзой, Визжащий, Волосатый, Гладкий, Горбатый, Грязной, Девятой,

Место обследования	-ов (ев), -ин	-ой, -ий, -ый	-ский	-их, -ых
Онежский у. Архангельской губ.	9569	65	279	117
Шенкурский у. Архангельской губ.	9426	183	385	6
Холмогорский у. Архангельской губ.	9426	165	408	1
Пинежский у. Архангельской губ.	9481	277	240	2
Мезенский у. Архангельской губ.	9707	245	45	3
Епифанский у. Тульской губ. (1900 г.)	9952	—	42	—
Шуйский у. Владимирской губ. (1897 г.)	9976	—	24	—
Курганский округ (1888 г.)	9677	1	57	265

Дыроватый, Жидкий, Золотой, Игумный, Каменный, Конечный, Лисой, Мелкой, Нагой, Немытый, Резвый, Рудный, Седьмой, Слудной, Страшный, Узкой, Хрушкой, Черный, Широкий, Шубный ?

На Севере, как нигде, фамилии сохранили в себе слова, которые исчезли из языка. Фамилии Басаргин, Завьялов, Личутин, Ряхов, Собинов, Собишкин, Создомов и многие другие — это отзвуки старинной русской речи. Основы некоторых из них даже нигде не записаны, их не знают ни историки языка, ни диалектологи. Северные фамилии напоминают об исчезнувших и забытых профессиях, например Воротников (эта фамилия связана с воротами, а не с воротом), Иконников, Келарев, Калачников, Пономарев, Проскураков, Свечников, Скоморохов, Сундучников, Трапезников, Шерстобитов (Шенкурский у.), Шерстобоев (Онежский у.) и др. Ничего не известно о слове *шивальница*, но фамилия Шивальницын (Шенкурский у.) доказывает, что оно существовало.

На Севере чаще, чем в центральной России, встречаем фамилии от редких или рано вышедших из употребления канонических имен: Агапитов, Агафелов, Амосов, Зотиков (Зотик — не уменьшительная, а, наоборот, полная форма имени, Зот — производное), Диев, Далматов, Нифонтов, Парфентьев, Стратонов. Речь идет не просто о наличии этих фамилий — ту или иную из них можно

встретить и в других местностях, но не в таком «айсамбле» и не с такой частотностью. Характерны для Севера формы Евтюгин (из Евтихий и др.), Федькушев (118 человек в Мезенском у.), Олуферов при среднерусском Алферов (из Елеферий).

Естественно, на Севере много фамилий, образованных от местных географических названий: Ваенгский, Вайванцев, Ваймугин, Варакин, Варзузин, Вологдин, Гаревский, Долгоцелов, Едемский, Закемовский, Ижмяков, Кокшарев, Матигоров, Мехреньгин, Мехряков, Немнюгин, Нюхчин, Онегин, Пермиловский, Поженский, Шежмин, Шелатский. Западная часть территории (Онежский у.) входит в ареал гидронимов со вторым компонентом *-озеро* (Кенозеро, Ундозеро и др.), что отразилось и в фамилиях: Кенозеров, Кодлозеров, Ундозеров и др. Немало фамилий и от основ нарицательных, означающих специфические местные реалии природы, хозяйства, быта: Вешняков, Ластов, Лохов, Морицын, Пластинин, Согрин, Шелегин и др.

Очень много на Севере фамилий с диалектными основами: Асеев, Вакорин, Варакин, Едовин, Кавадеев, Лисый, Матефонов, Моршнев, Олупкин, Павозков, Пестерев, Рудаков, Рядовкин, Слухов, Труфанов, Туесов, Тяжелкин, Хрушкой, Черепанов, Чудин, Чухарев, Шаньгин, Шумилов, Шапов. Особенно важно выявить коварные случаи диалектной семантики, когда в основе фамилии лежит слово, казалось бы, общеизвестное, но употребляемое на Севере в совершенно ином значении. Например, здесь нередко фамилия Казаков. Но казачества на Севере не было. Встречается и поговорка: «Я тебе не казак, чтоб на тебя работать», т. е. *казак* в северных говорах не «вольный, служивый человек», а «наемный работник». Такие же коварные ловушки имеют северные фамилии: Борodin, Дураков, Обрядин, Узкий, Узких, Широкий, Широких. К сожалению, большинство фамилий известно не в своем живом звучании, а в «исправленном» писцами виде (колебания *о-а, е-и, у-е, ч-ц*). Все же некоторые особенности нашли отражения в фамилиях Зехов-Зихов, Туесов-Туисов-Туясов, Курбатов-Гурбатов, Бурмакин-Бурмагин. В Онежском у. часто протетическое *е-*: Востров, Востроголовый, Вострых. Кроме 244 человек с фамилией Журавлев, зафиксированы 26 Жаравлевых (Шенкурский у.) и 54 Жаравов (Холмогорский у.). Только восемь человек записаны в форме Коновалов, а 231 человек — Коневалов. Нередко

твердое *с* на месте мягкого (ср. Карасов), сдвиг *ч/ш* (ср. Анчуков и Аншуков, Чеченин — Шешенин, Чуваев—Шуваев).

В северных фамилиях отразились и некоторые отчетливо региональные элементы словообразования. В 6 уездах (без городов) перепись 1897 г. зафиксировала 2125 человек с фамилиями на *-ыг*: Барыгин, Булыгин, Бурыгин, Вторыгин, Колотыгин, Лодыгин, Макарыгин, Малыгин, Парыгин, Софрыгин, Турыгин, Тутыгин, Шарыгин, Ярыгин и др. Конечно, это суффикс не фамилий, а тех основ, от которых фамилии образованы, т. е. от прозвищ Булыга, Турыга и т. д. В прошлом часты личные именованья на *-ыга*. Повышена по сравнению со Средней Россией и частотность фамилий с окончаниями на *-ицын* (Наговицын, Телицын, Черницын и пр.), *-аков* (орфографически и *-яков*), в том числе от имен, означавших порядок ребенка в семье (ср. Третьяков, Шестаков, Семаков).

Известна историческая связь Севера и Сибири, следы которой многократно отражены и в диалектах. Многие северные фамилии, не находящие этимологического объяснения в северных говорах, объяснимы из уральских и сибирских говоров (Голдобин, Губницын, Козицын и др.); видимо, слова, явившиеся для них основой, перенесены потоком русских с Севера через Урал в Сибирь в XVI—XVIII вв., а на Севере они или вышли из употребления, или ускользнули от диалектологов.

На Севере есть фамилии из языков, которые там бытовали до русского заселения, преимущественно из коми (ср. Бушенев, Кычин, Рочев, Сауков, почти все они на Мезени). Ненецкие фамилии в собранном материале не обнаружены (или не установлены), а те, которые привела Л. В. Хомич⁸, остались восточнее территории, охваченной моими подсчетами.

Характерна чрезвычайная концентрация фамилий в одном населенном пункте, удержавшаяся на Севере и к началу нашего столетия, как показывает перепись 1897 г. Так, в дельте Северной Двины, т. е. близ Архангельска, деревня Бермино имела 202 жителя, из которых 141 носил фамилию Бармин и 54 — Шуяков, четыре другие фамилии были у остальных семи жителей деревни. Еще более сильную концентрацию фамилий мы наблюдаем в «глубинных» территориях. Так, в дер. Теливерская, она же Мохнаткина, Пинежского у. из 104 жителей 90 имели фамилию Мохнаткины; в дер. Шаньегорская того же уез-

да — из 173 жителей 136 были Порядины; в дер. Айногорской с населением в 201 человек все носили фамилию Мельниковы (Архив Архангельской обл. Ф. 6. Оп. 18). Это не случайные, а обычные примеры. По сто-полтора человека с одной фамилией в крупных селах — не редкость, и местные жители называли друг друга не по фамилии. Даже позже и южнее, в дер. Каменная Вельского р-на, в 1940 г. из 137 жителей было 80 Никулиных и 53 Карповых. Те же фамилии преобладали в двух соседних деревнях (Никулиных — 186, Карповых — 68, с другими фамилиями — 112 человек).

Совсем иная картина в новых поселках, возникших при железнодорожных станциях (колей Вологда—Архангельск проложена в 1896 г.— за год до переписи), — здесь у всех разные фамилии. Налицо два разных уклада: замкнутое натуральное хозяйство консервировало неподвижность населения, а вторжение капитализма, напротив, собирало «гостей со всех волостей».

Сопоставление данных по многим территориям позволяет проследить и нити миграций. Несомненно, с западных территорий принесен суффикс *-хно* (фамилия Ивахнов: Шенк. у.). Оттуда же, вероятно, пришел и суффикс *-ур-*, широко представленный основами северных фамилий: в Онежском у. — Орютин, Панютин, Парутин, Торутин; в Шенкурском у. — Кошутин, Малютин, Лешутин (большинство еще от нецерковных имен).

Изучение северных крестьянских фамилий послужит основой и для изучения их генеалогии. Начало этой огромной и ценной работы положено именно на Севере⁹. Правда, изучение сопряжено с большими трудностями, так как отсутствуют сплошные данные по обширным территориям (Вологодская, Кировская, Пермская области), нередки искажения фамилий до полной неузнаваемости. Для многих северных фамилий пока не найдено удовлетворительного объяснения их происхождения (Видякин, Водыкин, Кошуняев, Лихотуров, Односторонних, Теленюгин, Хвиюзов и др.).

Наша работа не была бы написана, если бы не помощь, которую автору оказали лингвисты Н. А. Менцерский, Г. Я. Симица (Ленинград), Э. Н. Осипова, Л. П. Комягина (Архангельск), работники Архангельского областного архива Л. Н. Хрушкая, Е. С. Полуянова, исследователь фольклора Н. И. Кравцов (Москва), краеведы М. С. Медведев (Архангельск), Н. Л. Ковыков (Вологда).

- ¹ *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962. С. 132.
- ² *Колесников П. А.* Опыт генеалогии И. В. Бабушкина // МИЕС. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 101.
- ³ *Симица Г. Я.* Фамилия и прозвища // Ономастика. М., 1969. С. 30.
- ⁴ *Моисеев Г. Н.* Исторические известия новонайденного Куростровского синодика // МИЕС. Вып. 3. С. 145.
- ⁵ *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974. С. 212–218 (карты фамилий на *-их, -ых*).
- ⁶ *Никонов В. А.* Ручей – ключ – колодезь – криница – родник // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1961. Т. 2. С. 180–198 (см. карту).
- ⁷ *Симица Г. Я.* Из истории русских фамилий: Пинежские фамилии // Этнография имен. М., 1971. С. 114.
- ⁸ *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории пенцев. Л., 1976. С. 101–110.
- ⁹ *Воскобойников Н. П.* Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых–Хлызовых // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968; *Колесников П. А.* Опыт генеалогии рода И. В. Бабушкина // МИЕС. Вып. 3.

СОКРАЩЕНИЯ

- АСА – Архив Архангельской обл. Архангельск.
 АПИ – Картотека архангельских говоров при филологическом факультете Архангельского педагогического института.
 Богословский – *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере. М. Т. I, 1909; Т. II, 1910.
 Боричевский – *Боричевский И.* Обзорение губернских ведомостей // ЖМНП. 1850. Ч. 65. Отд. IV.
 Васильев – *Васильев Ю. С.* Феодальное землевладение и хозяйство в Важской земле, XV–XVII вв. Л., 1971.
 Витов – *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья, XVI–XVII вв. М., 1962.
 Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I–IV.
 Елизаровский – *Елизаровский И. А.* Лексика Беломорских актов, XVI–XVII вв. Архангельск, 1958.
 Колосов – *Колосов М. В.* Заметки о языке и народной поэзии в области севернорусского наречия // Сб. Отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1877. Т. XVII.
 КЛГУ – Картотека пинежского диалекта при кабинете диалектологии Ленингр. гос. ун-та.
 КМГУ – Картотека Архангельского словаря при кабинете диалектологии Московск. гос. ун-та.
 МИЕС – Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда. Т. I, 1970; Т. II, 1972; Т. III, 1973.
 Пал. – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби/Под ред. В. В. Палагина. Томск. Т. II, 1965; Т. III, 1967.
 Доп. – Дополнения. 1971. I; 1973. II.
 Под. – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

- РИБ – Русская историческая библиотека. СПб.
 Сим – Картотека пинежского говора, составленная Г. Я. Симиной; находится в Ленинградск. отд-нии Ин-та русского языка АН СССР и на филол. ф-те ЛГУ.
 ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
 ТА – Тобольский архив. Тобольск.
 Федосюк – *Федосюк Ю. А.* Русские фамилии. М., 1972.
 Шахматов – *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903.
 Шренк – *Шренк А. И.* Областные выражения русского языка в Архангельской губернии // Зап. РГО. СПб., 1850. Т. IV.

ВОЛОГОДСКИЕ ФАМИЛИИ

От 1763 г. дошли до наших дней две сотни фамилий жителей Великого Устюга¹; есть и современный перечень фамилий этого города (тоже недостаточный). Но даже в этих скудных списках встречаются десятки одних и тех же фамилий: Вершинин, Голиков, Лахменев, Протасов, Смольников, Уржумов, Хомутников, Шарыпов, Шущин; к ним можно добавить и фамилию Паникаровский, которая в 1763 г. была Паникаровских. Любую из этих фамилий можно встретить всюду, но именно сохранение их в одном городе более двух столетий исключает случайное совпадение и доказывает, что носители их – прямые потомки тех же семей. Сопоставление больших списков значительно увеличит число двухвековых фамилий коренных устюжан.

Надо заметить, что заселение Вологодской обл. продолжалось еще в XX в. и в вологодских фамилиях отражены многие разновременные волны поселенцев.

Область рассечена массивами преобладающих фамилий: на севере – это Попов, на юге – Смирнов, на западе – Иванов. Размещение их отчетливо. В восьми восточных районах (включая Верховажский и Тотемский) частота фамилии Попов чрезвычайно высока и недостижима для других фамилий. Это фланг основного массива распространения этой фамилии (Архангельская обл.) на пути ее с Северной Двины на Вятку, Каму и за Урал.

Самая частая фамилия во всех центральных, юго-западных и южных районах области (от Вологодского до Чагодощенского, от Грязовецкого до Вожегодского, в том числе и в городах Вологде, Череповце) – Смирнов. Центр массива этой фамилии – в соседних Костромской и Ярославской областях. С ней в юго-западных районах

Вологодской обл. соперничает по частоте фамилия Иванов, преобладающая в соседних Новгородской и Псковской областях. Эта часть области до 1927 г. относилась к Новгородской губ. Восточнее же Череповца фамилия Иванов встречается лишь единично. В большинстве районов, чаще на востоке, нередко фамилия Кузнецов, которая связывает Север через Великий Устюг с основной зоной распространения этой фамилии, простирающейся южнее и восточнее Москвы — от Верхней Оки до Средней Волги. На северо-западе области (Вытегорский р-н и смежные части соседних районов) ни одна из этих «лидирующих» фамилий не получила заметного распространения.

В среднем на 1 тыс. жителей приходится * следующее количество соответствующих фамилий:

Район	Смирнов	Попов	Кузнецов	Иванов
Вытегорский	1	5	12	.
Бабаевский	27	2	5	39
Три юго-западных **	30	3	7	21
Грязовецкий	47	1	12	4
Харовский	91	3	13	6
Верховажский	2	9	1	—
Тотемский	1	30	10	1
Нюксенский	4	36	7	1
Великоустюгский	1	29	26	.
Кичменгско-Городецкий	1	31	16	.
Никольский	.	19	12	.
Город Вологда	46	12	18	13

* Каждый район охвачен частично; полный подсчет внесет поправки, но не изменит основных соотношений. Показатели округлены до единицы, тире означает отсутствие, точка — величину меньше 0,5 (т. е. 1—4 человека на 10 тыс. жителей).

** Чагодощенский, Устюженский, Кадуйский.

Как и всякий центр, Вологда вобрала ономастические черты разных районов, но с понятным перевесом характеристик той местности, в которой расположена.

По тем же зонам распределены другие частые фамилии: Попову сопутствуют Шестаков, Трапезников; наиболее частые в Архангельской обл. В зоне преобладания фамилии Смирнов второе место занимает Соколов, неред-

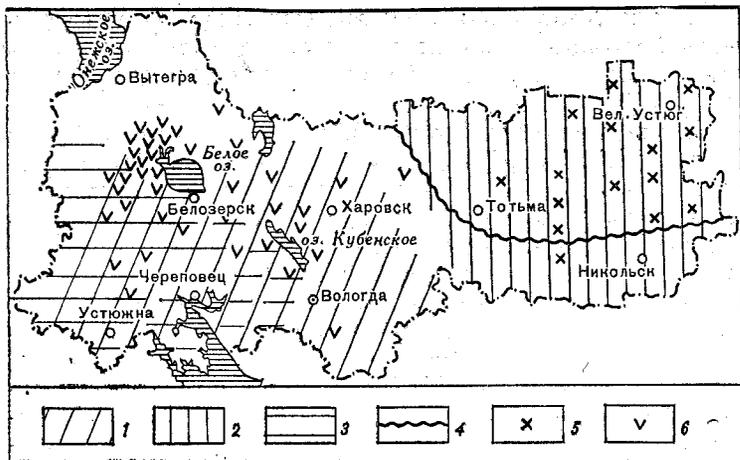
ки Волков, Судаков; на юго-западе, где часта фамилия Иванов, чаще, чем на остальной территории области, встречаются и другие фамилии из канонических имен.

Очень резко разделена область по частотности форм фамилий. Конечно, фамилии на *-ин*, *-ов* преобладают всюду, но частотность их различна. На северо-востоке области часты фамилии в форме прилагательных, образованных формантом *-ский*: там они охватывают 8—12% всего сельского населения, тогда как в юго-западных районах количество их редко превышает 1%. Разница огромна. Даже в пределах одного района показатели крайне неравны: в Шелотском сельсовете, на самом юго-западе Верховажского р-на, фамилии на *-ский* охватывают только 1% населения, в глубинном Терменгском сельсовете — 7%, а в Морозовском на крайнем северо-западе района — 11%, хотя эти сельсоветы разделяют каких-нибудь полсотни километров.

По обилию фамилий на *-ский* северо-восток Вологодской обл. сходен с Архангельской.

Еще резче размежевание частотности форманта *-ск* в топонимии: в Чагодощенском и Устюженском районах нет ни одного населенного пункта с названием, образованным с этим формантом, а в Верховажском р-не более половины всех селений, в Тарногском — 13%. Такое соотношение сложилось давно. В 1685 г. по Кокшенгской чети (современный Тарногский р-н) из 338 селений 290 названы по модели на *-ск*, т. е. 86%². Несомненно, что такое различие юго-запада и северо-востока исторически обусловлено. По нашему мнению, оно указывает на коренную социальную особенность этих территорий в прошлом: между Вологдой и Тотьмой пролегла глубочайшая межа, западнее которой большинство крестьян принадлежали помещикам, а восточнее и севернее — нет (в 1782 г. в Кадниковском и Вологодском уездах 80% крестьян были помещичьи, а в Тотемском и Великоустюгском — 1,5%). Разумеется, бесполезно искать в этом причинно-следственное отношение: формант *-ский* не нес никакой социальной окраски. Но фамилии и аграрный строй по разным сторонам межи принадлежали двум разным социальным общностям русских³.

В Вологодской обл. чаще, чем в Средней России, встречаются фамилии в форме прилагательных без *-ов*, *-ин*, *-ск*, такие, как Короткий, Кудрявый, Тонкий, Оловянный, Серый и т. д. Но они разбросаны по разным

Карта 3. Размещение основных вологодских фамилий

1 — Смирнов; 2 — Попов; 3 — Иванов; 4 — южная граница скопления фамилий на *-ский*; 5 — территория фамилий с формантом *-их, -ых*; 6 — область преобладания фамилий с формантом *-ичев*

местам области, нигде не образуя скопления, и общее количество их все же незначительно.

Фамилии в форме *-их, -ых* (Белых, Беспярых, Вялых, Гладконогих, Золотых, Легких, Плоских, Печеных, Широких, Черных и др.) первоначально обозначали принадлежность не главе семьи, как *-ов, -ин*, а семье в целом. Они чаще встречаются на северо-востоке области, но отдельные из них проникли до ее западных границ. Форма фамилий на *-их, -ых* резко убывает, за три столетия их доля сократилась в несколько раз.

Из формантов, которые образовывали еще не фамилию, а ее основу, всех чаще, как и в Архангельской обл., встречается *-ак* (Шестаков, Третьяков); нередки *-ицын* (Шипицын, Коробицын), *-ников* (Угольников, Корзников), но особенно часто — *-ичев*. Тысячи человек с фамилиями Ганичев, Демичев, Фомичев и др. живут между озерами Белым и Онежским и далее на восток. Те же фамилии (не просто той же модели, а те же самые фамилии) распространены в Верхнем Поочье, их частотность в центре скопления достигает 31 человека на 1 тыс. жителей, а в Белозерье она небывало высока, например в Городецком сельсовете — 117 человек на 1 тыс. жителей (т. е. почти каждый девятый), а в Городищенском —

даже 160. Удивительно, что из сотен фамилий этой модели в Белозерье очень много таких же, как и на верхней Оке, — чаще других это Ганичевы, Демичевы, Ильичевы, Ларичевы, Фомичевы. На юго-восток от Белого озера фамилии по модели *-ичевы* встречаются реже, в средней полосе Шекснинского р-на (от с. Чаромского до с. Чуровского) их 45 на 1 тыс., а по границе с Ярославской обл. — всего 6 на 1 тыс. человек. Восточнее фамилии эти мы находим на северной стороне Кубенского озера; в Усть-Кубенском р-не они составляют около 80 человек на 1 тыс., но уже восточнее Харовска их становится меньше.

На юге области скопление фамилий по модели *-ичевы* наблюдаем между Вологодой и Грязовцом. А западнее Белозерского очага встречаем их, хотя и не очень часто, в Новгородской обл. (там пока не зарегистрирована ни одна из пяти самых частых фамилий, объединяющих Белозерье и верхнюю Оку).

Г. В. Судаков сообщил, что, по местному преданию, население Белозерья пришло «из Литвы». Эта «Литва» по видимому, означает белорусские или смоленские земли, которые в свое время были под властью польско-литовского государства. Переселения оттуда были неоднократны. Неясно только, произошло ли переселение оттуда на верхнюю Оку и в Белозерье, или второе перемещение было уже внутренним.

Характерно, что на вологодской земле совсем редки фамилии, содержавшие уничижительный формант *-ка*, в Нюксенском р-не едва 1% населения носит фамилии такого типа (Емелькин, Головяшкин и др., т. е. сын Емелькин, сын Головяшкин).

Кажется, не стоит искать в фамилиях следы различий Новгорода и Москвы, многовековой поединок которых завершился задолго до появления фамилий. Но исторически сложившиеся общности населения не исчезают мгновенно. Конечно, граница сфер влияний Новгорода и Москвы не так четка по фамилиям, как по географическим названиям, где она показана резким размежеванием на карте топонимов (ручей — новгородское и ключ — московское)⁴, проходящим по вологодской территории. Но и в фамилиях отражены особенности новгородские и московские.

Новгородские черты отражены в вытегорских фамилиях — Чекшин (д. Макачево) из новгородского глагола *чекашиться* («стараться, добиваться») и Чурип (в сосед-

ней д. Желвачева) из новгородского существительного *чура* («песок, галька»). Сходство с Новгородско-Псковским ономастиком, однако, не достаточно для доказательства прямого переселения оттуда.

Отчетливо связь фамилий прослеживается по рекам Вага и Юг — от Шенкурска до Никольска. На востоке области пересеклись два мощных потока фамилий, устремленных к Великому Устюгу: с северо-запада (с Северной Двины) и с юга. Огромен и сдвиг населения в XVII—XVIII вв. с Двины через эту территорию на Урал и в Сибирь⁵.

Из многих локальных фамилий можно привести очень частые. На северо-востоке области: Коптяев (Нюксенский и Великоустюгский районы); Поникаровский в Великоустюгском, Зажигин в Верховажском р-не; на карте Никольского р-на переплетается десяток частых фамилий, среди них несколько тысяч Шиловских (в области 9 селений с названием Шилово), больше тысячи Баданиных, некоторые, как Дресвянины (с. Нигино и окрестные деревни), сгущены на небольшой территории. Другие фамилии выходят за пределы района. Так, Пахоловы нередки и в соседнем Кичменгско-Городецком р-не, и севернее — в Великоустюгском, а восточнее распространены за костромскую Вохму в Кировскую обл. Этимология этой фамилии дана в словаре вятских говоров Н. М. Васнецова («избалованный, изнеженный»).

Обильны фамилии от местных географических названий: Белозеров и Белозерцев, Воженин (р. Вага), Чекшезерский (оз. Чекшезеро), Кихтянины (в Усть-Кубенском р-не, где течет р. Кихть), Нацепинский (в Великоустюгском р-не близ д. Нацепино) и др. Из топонимов соседних областей образованы фамилии Холмогоров (из Архангельской), Уржумов (из Кировской), Пестовский (из Новгородской), Вохмянин и Талицын (из Костромской), Любимков (из Ярославской).

Невозможно перечислить диалектные особенности в вологодских фамилиях. Разительны такие фонетические примеры: Востров, Востряков с протетическим *в-*; Труфанов с древнейшим чередованием *и/у* в имени Трифон; Петраков из формы имени Патракей, как и в Архангельской области, вместо общерусской формы Патрикей; Самылов из Самойлов; Манылов из Мануйлов (их основы — канонические имена Самуил и Эммануил) и т. д.; от диалектных слов образовано множество фамилий, таких, как Зажигин, Куваев, Куимов, Шаньгин.

Севернее и северо-восточнее Белого озера (Вашкинский р-н) абсолютное большинство жителей носят фамилии от канонических имен — от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ всего населения, а местами и более (например, в д. Васютино — таковы все фамилии, кроме одной). В других районах фамилии от канонических имен редко охватывают более $\frac{1}{4}$ жителей, как и в остальных областях, кроме северо-западных. Видимо, Вашкинский р-н (кроме юго-восточного Ухтомского сельсовета) заселялся в иное время и иными путями, чем другие районы области. Для сравнения можно указать, что в списке жителей Великого Устюга в 1793 г. фамилии от канонических имен составляли только 10%.

Итак, попытка описать фамилии Вологодской обл. позволяет очертить 6 регионов с характерным для каждого из них ономастиком. 1. Северо-запад (в основном Вытегорский р-н): отсутствие лидирующей фамилии, наибольшее количество локальных (в том числе архаичных), наличие карельских фамилий у многих русских семей. 2. Север Белозерья: исключительно высокая частота фамилий с формантом *-ичев*, высокая частота фамилий от канонических имен. 3. Юго-запад: при количественном преобладании фамилии Смирнов и других черт фамилий Северного Поволжья значительна частота фамилии Иванов и другие особенности фамилий новгородско-псковских (повышенная частота фамилий из канонических имен). 4. Центральные районы и юг (от Череповецкого р-на до Грязовецкого на юге и Вологодского на севере): преобладает фамилия Смирнов, часты другие фамилии Северного Поволжья (Соколов). 5. Северо-восток: преобладает фамилия Попов, значительна частота фамилии Кузнецов, наибольшая в стране частота фамилий на *-ский* и другие северодвинские черты, наличие фамилий на *-их*, *-ых*. 6. Юго-восток: те же черты, как и в 5-м регионе, но в меньшем количественном выражении.

Все сказанное предвещает основную часть главы — словарь. Конечно, он только малая выборка из тысяч собранных и этимологизированных фамилий, ожидающих публикации. Очень трудно отобрать наиболее характерные и разные во всех отношениях — по первичным значениям, по словообразовательной форме, по месту распространения. В отличие от словарика фамилий Архангельской губ. (по переписи 1897 г.) вологодские даны по переписи 1979 г. и по хозяйственным книгам колхозов. После фамилии указаны район или город.

Анфилов (Бабушк. у.). Отчество из архаичной формы Анфал от канонического мужского имени Амфилохий. Антал (Анфал) — новгородский боярин, сторонник Москвы, вынужденный бежать в леса на р. Юг (совр. Никольский р-н).

Анциферов (Вытегор. у.). Отчество от формы Анцифер — см. главу «Северные фамилии».

Баданин (Никол. у.). Возможна связь с костромским словом *бадан* — «озеро на сенокосных угодьях» (СРНГ).

Базлов (Вологда). Отчество от прозвища Базло из диалектного белозерского и вытегорского *базло* — «обманщик» (СРНГ).

Барaboшкин (Вожегод. у.). Отчество от диалектного *барaboшка* — «беспутный» (Васнецов С. 12).

Баруздин (Грязовец у.). Из диалектного *баруздить* — «мешать, препятствовать» (Куликовский), «шуметь» (СРНГ).

Бахтин (Верховаж. и Харов. уезды). Из диалектного *бахтить* — «форсить, важничать» (Куликовский. С. 3).

Безгодов (Кичменгско-Городец. у.). Вероятное значение основы *безгод* — «очень старый». Не исключена связь с диалектным словом (в соседних вятских говорах) *безгода* — «беда», однако финальное *-а* основы требовало бы суффикса *-ин*, а не *-ов*.

Беляков (почти по всей области). Возможные этимологические значения основ: *обеленный*, т. е. освобожденный от податей; в вологодских говорах *беляк* — «обувь из белой сыромятной кожи», в Костромской обл. — «белолицый» или «беловолосый».

Бойцов (Белозер., Устюжен., Кадуйс. р-ны). В вологодских говорах *боец* — «человек зрелого, трудового возраста» (СРНГ).

Бушманов (Никол. у.). Вероятная основа — костромское название брюквы — *бушма*, *бушманка* (СРНГ).

Вайгачев (Кичменгско-Городец. у.). Слово *вайгач* на Севере означало наносный, намывной берег; оно стало названием многих местностей. Фамилия могла означать прибывшего оттуда. Название о-ва Вайгач стало нарицательным — «край земли, страна горя»; фамилия могла возникнуть из слова с этим значением.

Варзин (Тотем. у.). Из диалектного *варза* — «беспоконный, придиричивый» (Герасимов. 1909. С. 28).

Вахромеев (Вологда, Чагодощен. у.). Отчество от просторечной формы *Вахромей* канонического мужского имени Варфоломей.

Вахрушев (Вологда, Нюксен., Чагодощен. р-ны). Отчество от формы *Вахруш* канонического мужского имени Варфоломей через промежуточное звено Вахромей (см. предыдущ.). Фамилия распространена на Севере и в Приуралье.

Вежливец (Вологда). Отчество от местного слова *вежливец* — «колдун, распорядитель на свадьбе, нарочито грубый, сидящий в шапке».

Веньгин (Верховаж. у.). Из диалектного *веньгать* — «хныкать, клянчить, говорить плаксиво» (Васнецов. С. 27; Куликовский. С. 9).

Вислогузov (Вологда). Фамилия связана с диалектным прозвищем *вислогузый* — «с отвисшим задом».

Вишняков (Вологда, Череповец, Вожегод., Великоустюг., Верховаж., Грязовец., Тотем. уезды). В большинстве случаев — переосмысление из северной фамилии *Вешняков* (см. выше); произошла контаминация с фамилией совсем иного происхождения — *Вишняков* из *вишняк*, как *Малинников* из *малинник*. В Устюженском р-не фонетическое изменение пошло дальше — *Вышняков*.

Воскобойников. Отчество от именованя отца по профессии *воскобойник*, т. е. рабочего на производстве воска.

Ганичев (Белозер., Вожегод., Кадуйс., Устюжен. уезды). Отчество «второй степени» от отчества *Ганич* и от уменьшительной формы *Ганя* канонических мужских имен Агафон, Гавриил и др. Фамилия часта в Белозерье, как и другие фамилии на *-ичев*.

Гараничев (Кадуйск. у.). Отчество от отчества же *Гаранич*, в основе которого уменьшительная форма *Гараня* канонического мужского имени Герасим (возможно, и из *Герман*, *Геронтий* и др., но они у русских давались много реже, чем *Герасим*).

Гогунов (Кадуйс. у.). Отчество от прозвища из диалектного *гогун* — «громко кричащий петух».

Грибанов (Вологда, Верховаж., Кадуйс., Устюжен. уезды). Отчество от прозвища *Грибан* из диалектного *грибан* — «угрюмый, недовольный» (арханг.); «толстогубый» (псков.).

Добрецов (Вологда). Отчество от прозвища *Добрец* из диалектного глагола *добрець* — «жиреть, толстеть».

Дорожкин (Вожегод. у.). Отчество от формы *Дорошка* из канонического мужского имени *Дорофей* (как *Тимофей* — *Тимошка*, *Иерофей* — *Ерошка* и т. д.). Замена *ш* → *ж* — плод переосмысления по слову *дорожка*, производимому по законам русского языка обязательно с глутхим согласным перед *ж*.

Дресвянкин (Кичменгско-Городец., Никол. уезды). В местных говорах *дресва* — остатки после обработки льна.

Дурагин (Кичменгско-Городец. у.). Одна из самых частых фамилий района. Связана с общеизвестным словом *дурь*, основное значение которого — «угар, смрад»; производные — «тошнота» и «помешательство».

Ерыкалов (Тотем. у.). Отчество от прозвища Ерыкало из диалектного слова *ерыкало* — «крикун, задира» (записано в Кадниковском у.), или «ветренный, пустой» (записано в Вологодском у.) (СРНГ).

Жаравин (Никол. у.). В основе — костромское диалектное слово *жарава* — «клюква».

Загоскин (Верховаж. у.). Фамилия связана с диалектным названием кукушки — *загоска* (Куликовский. С. 25).

Зажигин (Вологда, Верховаж. у. — одна из очень частых). Отчество от прозвища из диалектного слова *зажиг* — «зачинщик ссор», записанного в белозерских говорах.

Закусов (Кичменгско-Городец., Нюксен. уезды). В говорах Северной Двины глагол *закусить* означал «загрызть» (СРНГ).

Зародов (Чагодощен., Вытегор. уезды). В основе — *зарод* — «сток сена» (Васнецов. С. 8), именование могло означать укладчика снопов. Фамилия нередка в Архангельской обл.

Звягин (Грязовец. у.). Отчество от прозвища Звяга из диалектного *звяга* — «неуживчивый, сварливый» (Васнецов. С. 88).

Зырин (Грязовец. у.). В вологодских говорах глагол *зырить* означал «жадно, взахлеб пить» (СРНГ).

Зюзин (Грязовец. у.). Отчество от прозвища Зюзя, в местном говоре *зюзя* — «смирный», а не «пьяный», как во многих диалектах.

Койбонов (Белозер. у.). Отчество от именования отца *койбон* — в Прионежье карел называли *кайвани*; *кайванигь* — «говорить по-карельски» (Куликовский. С. 32).

Коптяев (больше тысячи человек на северо-востоке, Нюксен., Великоустюг. уезды). Отчество от прозвища из диалектного *коптяй* — «черномазый» (Герасимов. 1909. С. 50).

Коточигов (Вожегод., Нюксен. уезды). Основа — *коточиг* — инструмент при ручном изготовлении обуви (Куликовский. С. 42).

Коротков (Вологда). В череповецких говорах *коротай* — «низенький» (Герасимов. 1909. С. 50).

Куваев (Вытегор., Великоустюг., Нюксен., Череповец. уезды). Отчество от диалектного *кувай* — «глухонемой» (КВПИ).

Ларичев (Белозер. у.). Отчество от отчества же Ларич, образованного от уменьшительной формы Ларя — канонического мужского имени Илларион.

Легостаев (Великоустюг. у.) По В. И. Далю, *легостай* — «легкомысленный, опрометчивый».

Леговальцев (Кичменгско-Городец. у.). Основа — *леговалец* — «сезонный работник, нанятый на лето».

Лунаков (Вытегор. у.). Отчество от прозвища *лунак* из диалектного глагола *луначить* — «бить».

Лындин (Междуречен. у.). Отчество от прозвища из диалектного глагола *лындать* — «отлынивать от работы, шляться» (Даль).

Лямин (Кадуйс. и Тотем. уезды). Отчество от прозвища Ляма, по В. И. Далю — вологодское слово *ляма* — «вялый, мямля».

Маклаков (Кичменгско-Городец. у.). Отчество от именования по занятию *маклак* «скупщик для перепродажи».

Манойлов (Тотем. у.). Отчество от речевой формы Манойло — канонического мужского имени Эммануил.

Матерухин (Верховаж. у.) — от *матеруха* — «большой, здоровенный, сильный» (КВПИ).

Меньков (Кадуйс. у.). Основа — *менек* — «большоголовый» (Куликовский. С. 55).

Непрыхов (Кадуйс. у.). Отчество от прозвища *непрых* — «неумелый, ленивый» (по В. И. Далю).

Неробов (Кадуйс. у.). В вологодских говорах *нероб* — живущий трудом других членов семьи.

Новокионов (Чагодощен. у.). Основа — *новокион* — «новокрещенный».

Норостов (Харов. у.). Фамилия связана с диалектным словом *норост* — «лягушечья икра» (по В. И. Далю), по характеру связи неясен.

Обрядин (Вытегор., Нюксен. уезды). Из диалектного *обряд* — «нарядная, праздничная одежда» (Васнецов. С. 169); противостоят многочисленные данные картотеки Вологодского пед. ин-та (Вологда, Усть-Кубин. у.), единодушно указывающие на значения: «уход за животными», «приготовление пищи».

Ордин (Кичменгско-Городец. у.). Вероятна связь с диалектным (шенкурским) словом *орда* — «збычье боло-

то» — пример многих общих черт Важской и Южской территорий.

Отюпок (Вожегод. у. и др.). Диалектное слово *отюпок* — «лапоть» (КВПИ; в 1893 г. записано значение «детская игра» — Герасимов. 1909. С. 382).

Падерин (Вологда, Кичменгско-Городец. у.). См. «Северные фамилии».

Паршук (Вытегор. у.). Отчество от формы Паршук от канонических мужских имен Парфен, Порфирий.

Патрашин (Вытегор. у.). Отчество от уменьшительной формы Патраша от канонического мужского имени Патрикей (лат. Патриций), которое на вологодской территории, как и на Северной Двине, произносят Патракей вместо среднерусского Патрикей.

Пересторонин (Никол. у.). Фамилия связана с диалектным глаголом *пересторонить* — «переупрямить, осилить» (по В. И. Далю), но в Сокольском р-не слово *пересторон* — «толстая женщина» (КВПИ).

Подъячев (Кичменгско-Городец. у.). Отчество от именования отца по занятию: *подъячий* — XVI—XVII вв. младший канцелярский служащий («под дьяком»).

Пудров (Вытегор. у.). В олонечных говорах *пудро* — каша из репы и муки.

Пупышев (Кадуйс., Чагодощен., Великоустюг. уезды). В вологодских говорах *пупыш* — «прыщ», переносно — «зазнайка», «выскочка».

Рашеперин (Тотем. у.). Отчество от прозвища Рашеперя из глагола *расшепериться*, т. е. «растопырить руки, ноги, занять незаслуженно широкое место» (Васнецов. С. 274). Фамилия Шеперин есть и в Вологде.

Рупасов (Кадуйс. у.). Из *рупас* — «толстая, грубая одежда» (Куликовский. С. 102).

Самалов (Верховаж. у.). Отчество от канонического мужского имени Самуил, на Севере употребляемого в форме Самыл.

Сандальнов (Кадуйс. у.). Основа *сандальный* из диалектного *сандальгь* — «напиться пьяным» (по В. И. Далю).

Согрин (Нюксен., Чагодощен. уезды). Фамилия связана с северным ландшафтным термином *согра* — «затопленный лес, заросшее болото».

Стафеев (Вологда, Вожегод. у., Чагодощен., Никол., Вытегор. уезды), *Стахеев* (Кичменгско-Городец. у.). Отчества от местных обиходных форм Стафей и Стахей от канонического мужского имени Евстафий.

Стрешников (Кадуйс. у.). Диалектное *страшник* — «нечистая сила, наводящая внезапные болезни» (Герасимов. 1909. С. 81).

Творилов (Верховаж., Тотем. уезды). В основе диалектное слово *творило* — «двор» в значении хозяйства (Светлов. С. 161).

Томилов (Верховаж., Грязовец., Кичменгско-Городец., Никол., Харов. уезды, Череповец). Отчество от нецерковного мужского имени Томило, одного из самых частых дохристианских имен у русских (из глагола *томить* и архаичного форманта *-ило*), даваемое, вероятно, в связи с трудными родами.

Торицын (Череповец). Фамилия связана с диалектным словом *торица* — «сорная трава», записанным на этой территории (Удальцов. С. 34).

Травников (Вологда). Возможно, отчество от *травник* — лекарь, имевший рецептуру лечебных трав.

Трапезников (Верховаж., Нюксен. уезды, Череповец). Отчество от именования отца по занятию (в Архангельской губ.) — *трапезник* — сборщик средств на прокорм духовенства.

Трегьяков (Вологда, Верховаж., Великоустюг., Кичменгско-Городец. уезды). Фамилия, частая на Севере, первоначально означала третьего ребенка в семье (или третьего мальчика, если девочки в счет не шли).

Турандин (Вологда). В основе фамилии — прозвище из местного слова *туранда* — «пареные овощи с молоком или овсянка»; слово записано в Усть-Кубенском р-не (КВПИ).

Тяпунов (Вологда). В основе фамилии — прозвище из местного слова *тяпун* — «говорящий чепуху»; слово записано в Кирилловском р-не (КВПИ).

Тяпушкин (Грязовец., Харов., Вожегод. уезды). В основе — прозвище из местного слова *тяпушка* — «похлебка из толокна и кислого молока»; слово записано в Харовском р-не. «Ягоды с толокном» — в Никольском р-не, «похлебка из овсяной муки с квасом или брусникой» — в Сокольском р-не (все 3 записи — КВПИ).

Угланов (Белозер. у.). Отчество от прозвища, в основе которого — диалектное слово *углан* — «язь и вообще небольшая рыба» (Куликовский. С. 123).

Уханов (Вологда, Чагодощен., Череповец, Харов. уезды). Отчество от прозвища Ухан — человек «с большими ушами» (Герасимов. С. 96).

Финагин (Вытегор. у.). Отчество от формы Фина-

га от канонического мужского имени Афиноген (древнегреч. «потомок Афины»).

Хабалев (Харов. у.). Из диалектного глагола *хабаль* — «безобразничать, кричать» (Куликовский. С. 197); *хабаль* — «нахал» (Герасимов. 1893).

Харькин (Вытегор. у.). Отчество от формы Харька от канонического имени, но какого? Естественно предположить Харитон, однако исследователь вытегорского говора К. Ф. Филимонов опубликовал, что Харька — из Аристарх (Филимонов. С. 21).

Хробустов (Белозер. у.). Основа — диалектное *хробост* — «стук, грохот» (В. И. Даль с пометой «вологодское»).

Чекавинский (Кичменгско-Городец. у.). Первоначальное обозначение прибывшего из с. Чекавино, находящегося в том же районе.

Челпанов (Череповец). Рядом в Грязовецком р-не написано слово *челпан* — «белый хлеб» (КВПИ).

Черепанов (Череповец, Верховаж., Вожегод., Грязовец., Тотем. уезды). См. главу «Северные фамилии».

Чистяков. Фамилия часто встречается в северном Поволжье; первоначально отчество от прозвища из диалектного *чистяк* — «франт» (Мельниченко. С. 125).

Шадрин (Вологда, Вожегод., Кадуйс, Кичменгско-Городец., Тотем. уезды). Частая фамилия во всех северных районах страны и широко распространенная за Уралом; в основе ее — *шадра* — «следы оспы».

Шадрунов (Вожегод. у.). Отчество от прозвища *шадрун* — «носящий следы оспы» (см. предыдущ.).

Шаньгин (Вологда, Вытегор. у.). См. главу «Северные фамилии».

Шаров (Вытегор., Устюжен., Кичменгско-Городец., Харов. уезды, Череповец). Вероятно, первоначально прозвище, означавшее «большеглазый» — из диалектного слова шары — «глаза».

Шерстобитов (Чагодощен. у.), *Шерстобоев* (Вытегор. у.). Фамилии донесли до нас забытые названия профессий по выработке шерсти.

Шестков (Вологда, Кичменгско-Городец., Нюксен., Тотем. уезды). См. главу «Северные фамилии».

Шинин (Харов. у.). Отчество от диалектного *шыня* — «стихоня» (КВПИ).

Шипицын (Вологда, Верховаж. у.). Фамилия связана с диалектным словом *шипница* — «шиповник» (КВПИ).

Широкий (Вологда). Основа и форма фамилии харак-

терна для Севера, откуда и пришла. В отличие от фамилий, образованных формантами *-ов*, *-ин*, она выражала принадлежность не главе семьи, а семье в целом, т. е. вторична по отношению к фамилии Широкие.

Широков (Вологда, Кадуйс. у.). Отчество от нецерковного имени отца Широкий. Пара узкий/широкий часта на Севере, *широкий* в значении «богатый, ничем не стесненный»; слово *широко* в значении «много, очень» распространено в вологодских говорах (КВПИ).

Шишебаров (Нюксен., Тотем, уезды), *Шишеборов* (Грязовец, у.). Основу *шишбар* привел В. И. Даль как диалектную вологодскую со значением «репейник»; в КВПИ нередко и «лопух».

Шумилов (во всех районах). См. главу «Северные фамилии».

Шухободский (Череповец). Первоначально именование прибывшего из с. Шухободь (близ Череповца).

Яхлаков (Верховаж. у.). Отчество от прозвища Яхлак из диалектного вологодского глагола *яхнуть* — «осунуться, усохнуть» (по В. И. Далю).

Хочется предложить читателю несколько фамилий, этимология которых не найдена (с указанием районов): *Арзубов* (Кичменгско-Городец. у.), *Базгорев* (Чагодощен. у.), *Башарин* (Устюжен. у.), *Дечкин* (Грязовец, Междуречен. уезды), *Есписков* (Вытегор. у.), *Значитов* (Чагодощен. у.), *Истомагин* (Верховаж. у.), *Куковеров* (Кичменгско-Городец. у.), *Парьгин* (Нюксен. у.), *Пянтин* (Вытегор. у.; в Чагодощен. у. — *Пантин*), *Растугаев* (Шекснин. у.), *Рякин* (Междуречен. у.), *Рянзин* (Грязовец. у.), *Самоглядов* (Вытегор. у.), *Скресонов* (Вытегор. у.), *Телельгин* (Кичменгско-Городец. у.), *Шижликов* (Вытегор. у.), *Яндриков* (Вытегор. у.).

¹ Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1899. С. 201–290.

² Колесников П. А. Северная Русь. Вологда, 1973. Ч. 2. С. 172.

³ Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 41.

⁴ Никонов В. А. Ручей — ключ — колодезь — криница — родник // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1961. Т. 2.

⁵ Власова И. В. Сельское расселение в Устюжском крае. М., 1976. С. 114.

СОКРАЩЕНИЯ

- Васнецов — *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора. Вятка, 1907.
- Герасимов. 1893 — *Герасимов М.* О говоре южной части Череповецкого уезда // Живая старина. СПб., 1893. Вып. 3.
- Герасимов. 1909 — *Герасимов М.* Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. Отд. русского языка и словесности АН. СПб., 1909. Т. 137.
- ДС — Дialectный сборник. Вологда. I, 1941; II, 1942; III, 1947.
- КВПИ — Картотека Вологод. пед. ин-та.
- Куликовский — *Куликовский Г.* Словарь областного олонечского наречия. СПб., 1898.
- Мельниченко — *Мельниченко Г. Г.* Краткий областной ярославский словарь. Ярославль, 1961.
- Никонов 1975 — *Никонов В. А.* Опыт словаря русских фамилий. М., 1972—1975. Т. I—IV.
- Никонов 1978 — *Никонов В. А.* Северные фамилии // Этимология — 1978. М., 1980.
- Рыбников — *Рыбников П. Н.* Сборник слов, употребляемых в Олонечской губернии // Этнографический сборник. СПб., 1864. Т. 6.
- Светлов — *Светлов Я.* О говоре жителей Каргопольского края // Живая старина. СПб., 1892. Т. III.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965. Вып. 1.
- Удальцов — *Удальцов Д. П.* Из наблюдений над говорами д. Новинки (Устюженский район). ДС — II.
- Филимонов — *Филимонов К. Ф.* Кошутское наречие. Петрозаводск, 1896.
- Хомутова — *Хомутова Е.* О говорах Вологодского, Грязовецкого и Тотемского уездов // Материалы для изучения великорусских говоров. Пг., 1921.

ОРЛОВСКИЕ ФАМИЛИИ

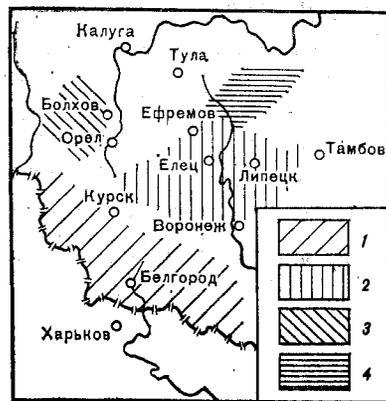
Как и всюду у русских, абсолютное большинство фамилий в Орловской обл. образовано формантом *-ов* (или его фонетическим вариантом *-ев*), гораздо реже — *-ин*. Эти два форманта охватывают больше $\frac{9}{10}$ фамилий населения области. Третья общерусская форма — с формантом *-ский* (типа Ливенский, Зарытковский). Доля фамилий этой модели невелика, при этом она неожиданно реже встречается на западе области и чаще на востоке, хотя, казалось бы, должно быть наоборот, тем более что среди них налицо очевидно «западные» фамилии и по основам — Шленский (из Силезии), Галицкий (из Галиции). В районах у западных границ области фамилии на *-ский* носят в среднем меньше 10 человек на 1 тыс. жителей, а в восточных районах — больше 20 на 1 тыс. Это вносит ясность в длительную дискуссию — пришла ли модель

фамилии со *-ский* из Польши или возникла на собственно русской почве. При несомненном польском влиянии все же большинство этих фамилий истонно русского происхождения. В целом по области носители фамилий на *-ский* составляют 14 на 1 тыс. жителей, т. е. меньше 1,5%.

Собственно местная модель фамилий — это образование формантом *-их, -ых*, ее массив охватывает Курскую, Воронежскую, Тамбовскую области, сердцевиной ареала — Липецкая обл.; Орловская обл. образует его северо-западную часть. Поэтому чаще всего эти фамилии распространены в крайнем юго-восточном районе области — Должанском (15 человек на 1 тыс. жителей), а реже всего — на ее севере (Мценский р-н), на западе (Шаблыкинский) и юго-западе (Дмитровский). Там приходится 1—3 носителя этой модели на 1 тыс. жителей.

Несколько особое место занимают фамилии, образованные украинско-белорусским формантом *-енко*: их носят и украинцы, и белорусы, и русские. Но на территории Орловской обл. большинство фамилий этой модели оформлены главным суффиксом русских фамилий *-ов*: Глушенков, Егорченков и т. д. Коренная зона фамилий на *-енко* — восточная часть Украины и восточная полоса Белоруссии. На Орловскую территорию они проникли преимущественно с запада, частично с юго-запада и наиболее часты в Шаблыкинском р-не, врезающемся в Брянскую обл., — в среднем 50 человек на 1 тыс. жителей; в крайнем юго-западном, Дмитровском, районе — 34 человека на 1 тыс. По мере удаления к востоку их частотность редет и у восточных границ области составляет 10—11 человек на 1 тыс. (районы Новодеревеньковский, Должанский, еще реже они в Новосильском р-не — самом северо-восточном).

Внутренние (как бы спрятанные в основах фамилий) два форманта, характерные для орловских фамилий:

Карта 4. Форманты фамилий на юге России

1 — *-енко*; 2 — *-их, -ых*; 3 — *-ошкин, -ичкин*; 4 — *-ычев*

-ич (в -ичев) и -ичк- (в -ичкин, -очкин), также максимально распространены на северо-западе области. Они сосредоточены в Верхнем Поочье, на стыке Тульской, Калужской и Орловской областей.

В Болховском, Хотынецком, Шаблыкинском районах Орловской обл. фамилии с -ичев носят 27—28 человек из тысячи жителей, в соседнем Мценском — 23 человека, к востоку они постепенно убывают (как в соседней Тульской обл.) и в Новодеревеньковском р-не их 18 на 1 тыс. А к югу их частотность круто падает: в Кромском и Покровском районах — 7—9 человек на 1 тыс., а в самом юго-восточном, Должанском, — менее 2 человек. О тех же фамилиях в вологодском Белозерье говорилось выше; связь обоих ареалов несомненна, но природа ее неясна.

На северо-западе области сосредоточен и центр скопления фамилий, образованных формантом -(и)чкин, -(о)чкин: отчества от ласкательно-ироничных форм личных имен, как канонических — Афоничкин, Савочкин, так и не канонических — Лапочкин, Лисичкин. Характерно, что ударение в них всегда на основе: Анисочкин (с. Моховое Залегошинского р-на) — отчество от именования, Анисочка — от канонического мужского имени Анисим; формант безударен. В Болховском р-не, вдающемся клином между Калужской и Тульской областями, такие фамилии принадлежат в среднем 31 человеку из тысячи жителей, в соседнем Хотынецком — 12, в большинстве других районов области — 3—6 человек на тысячу.

Историческое своеобразие Верхнего Поочья объяснимо: еще в начале XVI в. оно принадлежало Верховским удельным княжествам, куда тянулись беглые люди из Московского государства и из польско-литовских владений. Левобережье Верхней Оки и позже сохраняло резкие этнографические и иные особенности (знаменита ими Комаринская волость!).

В Орловской обл. преобладает фамилия Кузнецов. В области находится южный фланг обширной зоны господства этой фамилии — от верховий Оки до Среднего Поволжья, особенно в Тульской обл. Граница зоны преобладания фамилии Кузнецов пересекает всю Орловскую обл.: на севере, северо-западе, западе фамилия Кузнецов по частоте вне конкуренции, например, в Мценском и Шаблыкинском районах ее частотность превышает в среднем 17 человек на 1 тыс. жителей, при огромном «разбросе» фамилий это величина немалая; юго-западнее — несколько меньше, в Дмитровском р-не — 13 чело-

век на тысячу. Но в районах от смежного с ним Кромского до северо-восточных Новосильского и Новодеревеньковского Кузнецовых 8 человек на 1 тыс., а в юго-восточных, как Покровский, Должанский, их чуть больше одного на тысячу жителей. За межей, ограничивающей зону преобладания фамилии Кузнецов, нет никакой общей преобладающей фамилии, а в каждой местности — свои, узколокальные. Даже такие насчитывающие много сотен носителей фамилии, как кромская Леженевых, должанская Стеблецов или покровская Салютин, не выходят за пределы небольшой территории. Граница преобладания фамилии Кузнецов удивительно совпадает с южным рубежом Московского государства середины XVI в. после присоединения верховских удельных княжеств, когда оборонительная укрепленная черта пролегла по степям от Дона до Оки в широтном направлении по линии Данков—Новосиль—Орел, сразу за Окой круто изгибаясь на юго-запад к Новгород-Северску и Чернигову. Такое совпадение едва ли случайно. За этой чертой простиралось «дикое поле», широкое русское заселение и сельскохозяйственное освоение которого стало безопасным только во второй половине XVI в. Это столетие непосредственно предшествовало массовому становлению русских фамилий; будущие границы фамилий определяло различие во времени русского заселения — южнее потоки из очень разных мест создавали на новых просторах иные общности населения. Граница преобладания фамилии Кузнецов — проекция времени на плоскость карты. Она резка, так как освоение необъятного «дикого поля» стало не «ползучим», не передвижением жителей на ближнюю территорию, а перемещением с далеких территорий на большие расстояния.

Две другие самые частые фамилии в области — Гришин и Новиков. Фамилия Гришин, как и Кузнецов, всего чаще встречается в Тульской обл. занимая там по частоте второе место. В Орловской обл. она распространена на севере, нигде не преобладая. Фамилия Новиков в южных районах области несравненно реже, чем в северных, на восток за пределами области она распространена с заметной частотой по направлению к Рязани и Горькому.

Очень редкая в сельских местностях Орловской обл. фамилия Смирнов неожиданно многочисленна на небольшой территории юго-восточного Должанского р-на, в той его части, где протекает р. Тим (сельсоветы Алексеевский, Урыновский, Успенский и др.), здесь ее носят не-

сколькo тысяч человек. Очевидно, бытование этой фамилии продолжается на Тиме и южнее — в соседней Курской обл. От единственного в стране массива фамилии Смирнов, занимающего Северное Поволжье, до этого «острова» — 500 км. Несомненно, оттуда же занесена в Должанский р-н фамилия Ряполов, ее основа — *ряпол* — в финно-угорских языках означает «лиса». Она широко известна в Северном Поволжье, как показывают названия нескольких сел — Ряполово, Ряполиха в Ярославской, Костромской, Ивановской областях. Когда и как произошло переселение, неизвестно.

Самые частые на больших территориях страны фамилии Иванов, Попов в сельских местностях Орловской обл. даже и сегодня единичны, несмотря на огромную подвижность населения. Иная картина в областном центре, где фамилия Иванов количественно соперничает с фамилией Кузнецов, не очень редки и Поповы.

Чтобы наглядно представить картину «разброса» фамилий, можно привести по 10 самых частых (в убывающем порядке) фамилий в трех районах:

Мценский р-н: Кузнецов, Поляков, Пронин, Горбатов, Золотухин, Хромов, Киселев, Гришин, Ливенский, Новиков.

Кромский р-н: Лежешев, Тупиков, Пискунов, Кузнецов, Толпекин, Усов, Цуканов, Орлов, Щекин, Мартынов.

Покровский р-н: Селютин, Мальцев, Новиков, Сопелкин, Внуков, Мишин, Кустов, Теряев, Шателев, Данилов.

Среди них почти нет повторяющихся — в каждом районе свои фамилии. Частые в отдельных местностях, они статистически невелики по области в целом. Суммарно по области наиболее часты не те фамилии, которые наиболее выделяются в той или иной местности, а те, которые распространены повсеместно, хотя бы и не преобладая в каждой из них, взятой отдельно.

В общей массе фамилий Орловской обл. доля образованных из диалектных основ заметно меньше, чем на Севере. Но конечно, диалектные черты обильны и здесь. Ясно, что фамилии Агарков, Агибалов (Ливенский и Мценский районы) отражают акающее произношение фамилий, которые на Севере страны произносятся и документируются как Огарков, Огибалов. Очень интересен сдвиг ударения на последний слог и соответствующая огласовка фамилии Князев в документе 1913 г. (с. Нетрубевж, тогда Малоархангельский у., ныне Колпнянский р-н).

Несомненно диалектное происхождение фамилий Скуридин (Ливенский р-н, с. Речица) из диалектного глагола *скуридить* — «тосковать»; Гревцев (Должанский р-н, с. Козьмодемьянское) — отчество от именованья *гревец* из *грева* — «тепло, сохранение тепла». Неясно, впрочем, здесь ли они возникли или принесены сюда готовыми, а сама основа их на орловской земле никогда не звучала? В фамилии Злуняев (Дмитровский р-н) явна основа *злуняй*, из диалектных словарей известны смоленское *злун*, псковское *злунить*. Но трудно сказать, пришли ли эти слова оттуда или только фамилия с забытыми основами, существовало ли какое-то местное слово, из которого фамилия возникла? Точно так же обстоит дело с фамилиями Грезев и Карандеев (Должанский р-н), Курохтин (Урицкий р-н) и др. Фамилия Цуканов (записана в Кромском, Болховском, Новодеревеньковском, Урицком районах) при своем возникновении прямо указывала на диалектную принадлежность ее носителя: *цукан* — производящий звук *ц* вместо *ч*. Но где она возникла?

Приведу еще несколько фамилий с указанием места. Может быть, еще удастся узнать у старожиллов слово, ставшее основой этих фамилий, а также, что оно означало: Гомкин (Ливенский р-н, с. Теличья), Змелюгин (Хотынецкий р-н, д. Михайловка), Катасонов (тот же р-н, с. Урынск), Клиндухов (Дмитровский р-н, с. Трофимово), Марандыкин (Мценский р-н, с. Стрельниково), Подплутов (Должанский р-н, с. Козьмодемьянское и прилегающие деревни), Римшин (Колпнянский р-н, с. Натрубевж), Суряднов (Залегощенский р-н, с. Моховое), Твердохлебов (Мценский р-н, с. Алябево), Шелегов (с. Копны).

⁴ В архивах г. Орла нет ни одного листа переписей. Источники: хозяйственные книги колхозов 1949–1954 гг. (Архив Орловской обл. Ф. 2526, 2538–2541, 2543, 2555, 2603, 2604, 2610, 2615, 2630, 2951, 2977, 2981, 2983, 2985, 2987, 3037–3039, 3043, 3048, 3062, 3064, 3067, 3163, 3167, 3170, 3402, 3405, 3406, 3409, 3474); книги записи рождений, браков, смертей 1899, 1913, 1947–1949 гг. (Архив Орловского обл. загса); земская перепись Новосильского у. 1916 г. (Архив Тульской обл. Ф. 4, Оп. 6. Д. 302).

РУССКОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ ЗАУРАЛЬЯ В СВЕТЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ФАМИЛИЙ

Исследователи русского заселения Сибири единодушно сетуют на скудость источников¹. Однако, как правило, они забывают о таком важном историческом источнике, как ономастика. Между тем она помогает осветить те грани, которые оставлены иными источниками в тени. Лишь двое из многочисленных исследователей этой темы указывали на возможность и желательность привлечь данные ономастики², но и у них речь шла только об отдельных примерах; решает же сплошное обследование материала.

Здесь взяты лишь несколько признаков из могущих служить историческими свидетельствами для анализа русского заселения Зауралья. Сначала — данные топонимии. На карте находим характерные названия населенных пунктов с формантом *-иха* (Мордяшиха, Ермачиха, Шадриха, Крутиха, Шутиха, озера Зыбиха, Модиха и др.). В европейской части страны их ядром была Нижегородско-Кинешемская часть Поволжья, где они составляли 25% всех топонимов, часты они на востоке Костромской губ. и на Сухоне, откуда и двинулись к Уралу³. Для названия д. Шутиха в правобережье Тобола (северо-восточнее Кургана) можно привести параллель — речка Шутиха в Бельском у. Вологодской губ., в Котельничском р-не Вятской губ. и в Шадринском у. Пермской губ. В Зауралье названия на *-иха* прочерчивают путь массовой миграции. Перешагнув Вятку и Каму, они проникли в Зауралье и распространились узкой полосой по оси Тюмень—Ялуторовск—Ишим. Эта топонимическая лента точно указывает «ворота», сквозь которые с середины XVII в. шла волна переселенцев в Зауралье. На пересечении с р. Тобол ширина этой полосы около 200 км — северная граница топонимов *-иха* проходит значительно южнее Тобольска (приблизительно от устья Тавды), а южная — у г. Курган; на пересечении р. Иртыш «ворота» сужаются до пространства между Тарой и Омском. Восточнее Иртыша топонимы с *-иха* распространены широко: южнее — на Алтай, севернее — на Средний Енисей; восточнее — за Байкал. Еще богаче — свидетельства фамилий. Основные источники: Всероссийская перепись 1897 г. (ее драгоценные материалы сохранены в Тобольском архиве. Ф. 417, больше 400 массивных связок), «куломзинские переписи» (Центральный исторический архив

в Ленинграде. Ф. 1290), ревизские сказки (ЦГАДА и Тобольский архив). По Зауралью собраны фамилии, принадлежавшие более 200 тыс. человек, с указанием места и частотности фамилии.

Самый яркий на изучаемой территории антропонимический признак различия — резкая поляризация фамилий по их основам: от личных канонических (т. е. церковных, «календарных») имен и от других основ. В переписи 1897 г. минимум населения с фамилиями из календарных, т. е. церковных, личных имен (во всех их формах — Иванов, Ванюков, Иванцев и проч.) указывал территорию наиболее раннего русского заселения Зауралья (не позже первой половины XVIII в.). Например, в Гаринской вол. на верховьях р. Тавда всего 7% жителей имеют фамилии с основами из календарных имен, на р. Тобол в Шмаковской вол. — также 7, в Суерской вол. — 16, в Верхне-Суерской — 14,4, в Белоозерской и Падеринской волостях — менее 14%. Восточнее р. Тобол картина иная — в Юргинской вол. такие фамилии носят 35% жителей, в Пятковской — 37%, в Омутинской (ее заселение хорошо датировано — слобода Омутинская в документе 1782 г. названа новооснованной) — почти 44% (так же и на р. Тобол). Южнее Кургана жители с фамилиями от канонических имен составляли в Глядянской вол. 33%, в Плотниковской — 43, в Чернавской — 53, а в самой южной, Нижне-Алабужской, заселенной только после сооружения в 1756 г. Пресногорьковской укрепленной линии, — 85% (подсчет охватывал сотни тысяч человек, такое количество погашает любую случайность).

Со второй половины XVIII в. массовое крестьянское движение за Урал пошло уже не столько с Севера, как до этого, а, все возрастая, из ставшей аграрно-перенаселенной центрально-черноземной полосы и затем с юга. Со старого пути через Тюмень движение переключилось на новый, более южный путь — через Челябинск на Курган. Фамилии позволяют проследить миграцию населения. В Юргинской вол. Ялуторовского у. в переписи 1897 г. указаны фамилии: Горлатовы, Девочкины, Еськовы, Легостаевы, Минаковы, Молодых, Тепляковы, Черниковы, Чуевы, Шашковы, Шумаковы. И тот же самый набор фамилий находим в Большеглушицкой вол. Самарской губ. (ныне Куйбышевская обл.)⁴. Каждая из этих фамилий по отдельности может встретиться где угодно, но повторение группы фамилий, вообще нечастых и малораспро-

страненных, бесспорно, указывает на переселение из Нижнего Заволжья в Затоболье не раньше конца XVIII в. или в XIX в.

В Среднем Притоболье больше тысячи человек носили фамилию Меньшиков, в тех же волостях были часты Достоваловы; в Архангельском архиве (материалы той же переписи 1897 г.) посчастливилось встретить обе фамилии из одних и тех же селений Великодворской и Зачатьевской волостей Холмогорского у.⁵ Из северных губерний пришли в Зауралье и фамилии Попов, Шестаков, Некрасов, Анцыферов, Трапезников, Куимов, Куроптев, Пагулов, Патракеев (вместо Патрикеев). Характерно, что фамилия Попов втрое чаще встречается в Ялуторовском у., чем в соседнем с юга Курганском округе. Фамилия Смирнов, пришедшая с Северного Поволжья, образует небольшой четкий ареал, проходящий полосой за Ялуторовском и Ишимом.

Кроме переноса фамилий, связывающих Зауралье с территориями, откуда шла миграция и где эти фамилии исконны, наблюдаем и фамилии, образованные от названий тех местностей, из которых переселенцы вышли: Важенин, Вологжанин, Кунгурцев, Мезенцев, Невьянцев, Пермьяков, Сысолятин, Тагильцев, Устюжанин и т. д. Но не они главные свидетели миграций. Важнее те, которые указывают место своего происхождения не прямо, а косвенно. Так, фамилия Вешняков (больше ста человек в Пятковской и Емуртлинской волостях Ялуторовского у. 1897 г.), кажется, ни звука не говорит о том, откуда она перенесена. Напротив, именно говорит, и притом точно и красочно: с Белого моря (см. «Северные фамилии»). Перенесенная южнее, в области, далекие от моря, она утратила первоначальное значение, и ее смешали с другой фамилией, там понятной, — Вишняков. В Затоболье она же сохранила свой подлинный облик.

Фамилия Пластинин — из слова *пластина* («часть тушки при разделке рыбы»), которое известно и в Беломорье, и в Сибири; фамилию могли перенести готовой или образовать в Сибири вновь из перенесенного туда слова. Размещение форм северного слова *пестерь* (пехтерь) детально изучено (картотеки педагогических институтов Архангельска и Вологды) и позволяет точно указать, откуда Пестеревы пришли в Смоленскую, Чернавскую, Могилевскую волости Курганского округа, а оттуда Пехтеревы — в Гагаринскую и Ларихинскую волости Ишимского у., в Рыбинскую вол. Тарского у.

Редкая фамилия Жунин часта в Чернавской и Глядянской волостях Курганского окр., ее основа — диалектное вологодское слово *жуня* — «тихий, медленный, молчаливый, скрытный» (по В. И. Далю). В Могилевской и Верхне-Суерской волостях та же перепись 1897 г. зафиксировала полсотни носителей фамилии Ашихмин, она же обнаружена в Кромском р-не Орловской обл. Издалека пришла фамилия Анцупов (в Рыбинскую вол. Тарского р-на) — отчество от белорусского личного имени Анцуп, соответствующего русскому Антип; в разное время эта фамилия встречена в ряде мест страны: с. Лютое Ливенского у. Орловской губ., с. Гвозды Павловского у. Воронежской губ.⁶, д. Дубовое Липецкой обл., с. Светлый Яр Черноярского у. Астраханской губ.⁷, с. Шерашова Селегинского окр. в Забайкалье⁸.

Чрезвычайно красноречиво в Зауралье обилие фамилий с формантом *-их, -ых*: Больших, Вострых, Голодных, Дубровских, Ильиных, Лукиных, Молодых, Теплых, Фоминых, Черных и т. п. В Зауралье они повсеместны, а между реками Тобол и Ишим, по линии от Суерской волости до Ларихинской (юг современной Тюменской обл.), они в 1897 г. охватывали 3—5% всех жителей. Они исторически ценны, так как уточняют, откуда пришло население, — в Европейской России массивы этой модели очерчены очень четко.

Ход русского заселения Сибири протекал в прошлом преимущественно поэтапными, а не прямыми переселениями, т. е. был «ползучим», точнее, «ступенчатым», это хорошо видно и по фамилиям: те же фамилии Меньшиковых и Достоваловых находим в Забайкалье. Тожественные фамилии Притоболья и Забайкалья многочисленны, но, конечно, доказательны только соответствия целой группы фамилий на определенных территориях. Фамилии Кокорины, Масюковы, Черных встречаются как в Александровской вол. Нерчинского окр. в Забайкалье (где встретилась и фамилия Тоболов), так и в Омутинской и Юргинской волостях Ялуторовского у. (на Тоболе).

Статистика фамилий служит веским аргументом в споре историков о сравнительном весе переселения и естественного прироста в увеличении населения Зауралья. Одни утверждали, что главным фактором роста населения был прилив его из-за Урала, другие — что естественный прирост рано стал преобладать над притоком извне. По А. Д. Колесникову, в Западной Сибири «где-то во второй половине XVII в. естественный прирост урав-

нялся с внешним притоком, а потом стал преобладающим»⁹. Кто прав? Используем фамилии. В Емуртлинской вол. Ялуторовского у. в 1762 г. проживало 1442 человека с 97 фамилиями, а в 1897 г. — 6577 человек с 344 фамилиями. За 195 лет исчезли 19 прежних фамилий, носители тех же фамилий, какие были в 1762 г., составили в 1897 г. 4119 человек, т. е. их численность возросла на 2668 человек, а 2467 человек носят фамилии, которых не было в 1762. Таким образом, за этот очень большой период рост населения обязан естественному приросту несколько больше, чем притоку извне. По соседней Верхнесуерской вол. того же уезда есть данные за 1858 г.¹⁰ — в волости 4834 человека со 165 фамилиями, в 1897 г. — 7679 человек с 289 фамилиями. Численность носителей прежних фамилий увеличилась на 1771 человека, а вновь прибывших фамилий — на 1074 человека, т. е. прирост прежних семей значительно превысил численность новопоселенцев. Здесь необходимы две оговорки: среди носителей «прежних» фамилий могут оказаться однофамильцы новоприбывших, т. е. действительный вес «прежних» ниже, чем показывают фамилии, но эта поправка невелика, а вот обратная — существенна: убывшие и прибывшие могли не переваливать через Уральский хребет, например: из Емуртлы после 1762 г. около 500 человек уехали южнее в новые слободы, но это уже передвижение внутри Сибири. Таким образом, в приведенных показателях верная для каждой волости доля естественного прироста очень занижена для Западной Сибири в целом: естественный прирост был даже выше полученных показателей.

Для историка, демографа и этнографа очень ценны данные о концентрации или, напротив, о «разбросе» фамилий. Это характеризует состав населения, его мобильность и отчасти хозяйственный уклад. Взглянем на пример д. Бородин Верхне-Суерской вол. Ялуторовского у. (ныне Курганская обл.). В 1858 г. она состояла из 19 дворов со 155 жителями. 147 из них были Бородины, которым принадлежали 17 дворов, кроме них, там жило еще восемь человек, носивших три другие фамилии¹¹. В 1897 г. население этой деревни составило 126 человек (20 дворов), из них Бородины — 107 человек (19 дворов), остальные 19 принадлежали к 15 различным фамилиям, но из них только Климовы вели свое хозяйство¹². Подобен состав д. Десяткино Табаринской вол. Туринского у., д. Струмной Благовещенской вол. того же уезда¹³ и др.

Такие примеры нередки, особенно на русском Севере и в Сибири.

А. Д. Колесников, указав, что с середины XVII в. в Западной Сибири вырастают фамильные гнезда, происходящие от одного предка, сослался на примеры, собранные С. К. Паткановым по данным конца XIX в.: в д. Быковой из 49 семей 48 — Быковы, в д. Копытовой из 24 семей 20 — Копытовы¹⁴. Не раз отмечено, «как из одного крестьянского двора постепенно разрастается целое селение. Еще в настоящее время очень многие сибирские деревни населены однофамильцами»¹⁵. В Туринском у. «имеются десятки селений, нередко в 20, 30 и до 50 дворов, где все жители носят одну или две фамилии»¹⁶. Это прямое следствие замкнутого натурального хозяйства. Для этого же времени мы наблюдаем и противоположные примеры: населенные пункты на оживленном тракте имеют фамилий в несколько раз больше, чем дворов и хозяйств. В одном дворе несколько фамилий — домохозяйин и квартиранты, хозяин и работники — властное вторжение капиталистических отношений в былой уклад деревенской жизни.

Без истории фамилий невозможна история семей (хотя это не одно и то же: потомки не всегда носят фамилию предков). А история семей — серьезная научная задача. В 1897 г. Шанауровы и Желваковы распространены в одних и тех же волостях Притоболья, образуя несомненную этнографическую общность, их ареал вытянут с запада на восток — от Белозерской вол. до Мокроусовской, а Шабалины рассеялись вдоль р. Тобол — от Шмаковской вол. до Чернавской; от Кургана на юг разместились Охохонины. У каждой фамилии своя география. Сравнивая данные 1762, 1858, 1897 гг., видим фамилии, разрастающиеся численно и территориально, но есть и фамилии убывающие (Шмаковы).

Драгоценны фамилии Зауралья для изучения говоров. Не будем брать особо колоритные (Охохонины — южнее Кургана или Бескислых — в Мокроусовской вол.), возьмем массовые. Существенна разница: Ожгибесов (Суерская и Пятковская волости) и Ажгибесов (южнее — Глядянская и Плотниковская волости), но она ясна всем. А неприметная фамилия Бутаков (во многих волостях) — с «секретом»: на других территориях страны она пишется как Будаков; здесь просматривается характерная местная диалектная черта — оглушение звонкого согласного $\delta \rightarrow t$ в позиции между гласными¹⁷. Множество фамилий

образовано из местных диалектных слов. Вот немногие из них:

Варакосов (Шмаковская вол.) — в бассейне р. Туры известно диалектное *варакосить* — «работать плохо, небрежно»¹⁸.

Жиляков (Могилевская вол.) — отчество от прозвища *жиляк* — «скупой» из диалектного глагола на р. Тавде *жилить* — «скупиться»¹⁹.

Зюзин (Белозерская вол.) — отчество от прозвища *зюзя* (здесь: «пьяница») ²⁰.

Копорушкин (Коркинская вол.) — отчество от *капоруша* — «человек с изуродованной рукой» (тавдинское, туринское) ²¹.

Магасов (Чернавская вол.) — в основе местное диалектное слово *магас* — «глухое место в лесу» (записано в верховьях Исети) ²².

Могучов (Коркинская вол.) — из северной и уральской основы *могучка* — «сила»²³. Фамилия есть в Вологодской обл., вероятно, она принесена оттуда.

Фамилии сохранили и донесли до нас многие старинные русские слова и формы, исчезнувшие из языка — *торлоп* в Торлопов (Благовещенская вол. Туринского у.), *стрепетать* в Стрепетиллов (Суерская и соседние волости Ялуторовского у.); общеславянское *осьм* — без протетического *в*-, вошедшего в литературный язык, — *Осьминин* (в той же Суерской вол.) и др.

В Зауралье огромное количество фамилий, основы которых ускользнули от записи и неизвестны исследователям диалектов. Привожу некоторые с их «адресами» (к сожалению, по административно-территориальному делению на дату переписи — 1897 г.), может быть, собиратели диалектных слов в Зауралье еще застанут и запишут их от старожиллов: Автеренков (Омутинская вол. Ялуторовского у.), Арцибесов (Слободобишкильская вол. того же уезда), Дерендяев (Рыбинская вол. Тарского у.), Кузиванов (Могилевская вол. Курганского окр.), Полудницын (Пятковская вол. Ялуторовского у.), Рякишев (Суерская и Коркинская волости того же уезда), Утюпов (Смолинская и Чернавская волости).

Первая попытка привлечь фамилии к изучению русского заселения Зауралья методом сплошного обследования показывает, что уже сейчас (при еще недостаточной разработанности ее методики) она может дать ценные свидетельства о маршрутах заселения, относительной датировке, составе переселенцев, местных говорах и т. д.

(для каждого периода на каждой территории характерны свои стратиграфические признаки, их необходимо искать, приведенные же здесь — не единственные и, может быть, не лучшие). Кроме того, те же данные ономастики Зауралья, ценные для истории языка (в частности, для диалектологии), неопределимы для генеалогии, которая по Зауралью едва начата.

Сплошное обследование, опираясь на подсчеты, позволяет рассматривать явление в целом, а не оперировать отдельными примерами (которые хороши как иллюстрация, но непригодны как доказательства — примеры можно набрать любые). Статистический подход нов только в приложении к ономастическому материалу, вне же ономастики он хорошо знаком, например, исторической демографии (которая в исследованиях русского заселения Зауралья пока занимает господствующее место).

Работы В. В. Палагиной (Томск) заложили хороший фундамент изучению фамилий Сибири. По Зауралью первый вклад внесли В. П. Тимофеев (Челябинск), Н. К. Фролов (Тюмень) и их ученики. Но сделанное еще слишком мало по сравнению с объемом и трудностями несделанного.

¹ Кабузан М. В., Троицкий С. М. Движение населения Сибири в XVII в. // Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962; Громыко М. М. Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965.

² Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1961. С. 55; Колесников А. Д. Русское заселение Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. Омск, 1973. С. 10, 143.

³ Никонов В. А. Введение в топонимику, М., 1964. С. 78—81 (с картой).

⁴ Архив Куйбышевской обл. Ф. 171. Оп. 1. № 125.

⁵ Архив Архангельской обл. Ф. 6. Оп. 19. № 212, 213.

⁶ Архив Воронежской обл. Ф. 18. Оп. 1. № 375.

⁷ Архив Астраханской обл. Ф. 687. Оп. 6. № 16.

⁸ Центральный исторический архив. Л. Ф. 1290. Оп. 6.

⁹ Колесников А. Д. Русское заселение Западной Сибири... С. 328.

¹⁰ Ревизская сказка 10-й ревизии: ЦГАДА (Москва). Ф. 350, Оп. 1—3. № 4199.

¹¹ Тобольский архив. Ф. 154. Оп. 8. № 937.

¹² Там же. Ф. 417. Оп. 1. Ревизская сказка 198.

¹³ Там же. Ревизская сказка 186, 188.

¹⁴ Патканов С. К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Западной Сибири: Тюменский округ. СПб., 1888. Ч. 1. С. 49.

¹⁵ Семейский В. В. Казенные крестьяне при Екатерине II // Русская старина. 1879. Т. XVIII, С. 38.

¹⁶ Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908. С. 241.

¹⁷ Романова М. А. Фонетические диалектные ошибки учащихся Нижне-Тавдинского района Тюменской области // Русский язык в условиях говоров Тюменской области. Тюмень, 1976. С. 10–11.

¹⁸ Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964. Т. 1. С. 67.

¹⁹ Там же. С. 159.

²⁰ Там же. С. 197.

²¹ Там же. Свердловск, 1971. Т. 2. С. 15.

²² Там же. С. 119.

²³ Там же. С. 133.

ФОРМЫ СЛАВЯНСКИХ ФАМИЛИЙ¹ И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Для широкого читателя интереснее параллели фамилий, чем их формы. Парадоксально, что одна и та же фамилия Попов — самая частая и на крайнем севере славянского мира (у русских Архангельской обл.), и на крайнем юге его (у македонцев, живущих на границе с Грецией, у болгар, на юге и востоке Югославии), редка или даже отсутствует на большей части других территорий славянского мира. Самая частая у чехов фамилия Новак занимает по частотности четвертое место у хорватов, шестое у поляков Варшавы, встречается она довольно часто у словаков и словенцев; в телефонном справочнике Москвы 46 абонентов носят эту фамилию (кроме того, 18 Новаковских, 6 Новаков и 1 Новакович). У русских ей соответствует фамилия Новиков (200 абонентов в том же справочнике).

Для науки гораздо важнее сопоставление не отдельных фамилий, а их форм, глубже отражающих историю языка и историю народа. В быстро растущей литературе по антропонимии славян появились и работы, сопоставляющие формы фамилий². Межъязыковое сопоставление требует не отдельных примеров, а массовых подсчетов. В настоящее время выполнены подсчеты частотности форм фамилий по нескольким территориям Польши, но на историческом материале³ опубликованы частичные подсчеты только у чехов⁴, болгар⁵, украинцев⁶, белорусов⁷, русских⁸, словенцев⁹. Однако этого мало, и беда не только в недостаточном охвате. Дело в том, что обычно подсчитывали фамилии, а не число их носителей. Разница огромная, ведь подсчет, в котором самая частая фамилия, охватывающая сотни тысяч человек, и фамилия единственной семьи приняты равно за едини-

цу, конечно, искажает действительную картину. Лишь меньшинство опубликованных перечней фамилий¹⁰ указывает количество носителей.

Для анализа форм фамилий удобны «обратные» словари (по алфавиту окончаний); изданы два таких словаря¹¹ — по чешским и русским фамилиям; оба, конечно, без указания количества носителей. Необходимы региональные списки фамилий, указывающие количество носителей ее хотя бы по немногим населенным пунктам какой-либо территории. Единственный полный свод фамилий с указанием числа их носителей и места их жительства сделан по хорватам¹². Не имея таких данных, исследователи вынуждены ограничиваться неполноценными источниками (телефонные справочники и т. п.), не дающими верной статистической характеристики форм фамилий у населения в целом; подобные источники не указывают национальности, а это тоже очень изменяет показатели (например, много чехов с немецкими по типу фамилиями). Некоторые подсчеты и списки неверны, так как учитывают только фамилии главы семьи, а ведь у чехов, поляков, словаков формы официальных фамилий жен и дочерей нередко иные, чем мужские, от которых они образованы: муж — *Новак*; жена — *Новакова* (у поляков даже сложнее: фамилия незамужней женщины *Новакувна* из фамилии отца *Новак*); муж — *Гайда*, жена — *Гайдова*.

Только широкая инвентаризация славянских фамилий, учитывающая такие особенности, даст будущим исследователям вполне надежную основу для научного сопоставления. А предлагаемое здесь — лишь предварительная разведка.

И лингвистически и юридически славянские фамилии оформлены сравнительно поздно: они сложились в XV–XIX вв. Даже у чехов, живших ближе других славян к исходным территориям появления фамилий, они появились сравнительно недавно. «Хотя уже из XIV и XV вв. можно привести примеры перехода именованных на следующие поколения, — пишет чешский исследователь, — но о фамилиях можно говорить только с издания указа 1780 г.»¹³ Долгое время фамилии были достоянием привилегированного слоя, а крестьянство, составлявшее всю основную массу населения, у русских¹⁴ и поляков¹⁵ до XVIII в. оставалось в большинстве случаев без фамилии. У болгар фамилии формировались преимущественно в XIX в.¹⁶ Еще моложе фамилии македонцев: «про-

цесс их формирования продолжался и в первой половине XX в., полностью он закончен лишь после второй мировой войны»¹⁷. От общеславянского единства до становления фамилий прошли века, так что оно не могло непосредственно отразиться на формах славянских фамилий. Формирование фамилий у славян протекало в те столетия, когда славянские народы жили уже обособленно, и их языки значительно разошлись. Поэтому различны и фамилии. В фамилиях русских абсолютно преобладает формант *-ов* (с фонетическим вариантом *-ев*), охватывая $\frac{2}{3}$ всех русских. Больше 90% сербов носят фамилии, образованные формантом *-ичь* (*-iћ* в фонетической транскрипции), без Воеводины и Косова, где доля *-ичь* значительно ниже. У поляков преобладает формант *-ски* (*-ski*, *-cki*), хотя и не столь монополюсно. Особенно пестро выглядят формы фамилий у чехов.

Однако все славянские языки сохранили и много общего. Поэтому в славянских фамилиях общее и особенное тесно переплелись, образуя сложное единство, анализ которого показывает, что различия не столь велики, как кажется, а общности гораздо больше, чем видно при поверхностном наблюдении.

Цифры как раз показывают главную общность: абсолютное господство суффиксальности. Для славянских языков характерна суффиксальность лексической категории имен, а фамилии принадлежат именно к этой категории. Суффикс, закрепляясь и став нормой фамилии, теряет свое этимологическое значение (как теряет значение и основа: чех Коварж, поляк Коваль, хорват Ковач — не кузнецы, как значила основа их фамилий, а люди самых разных профессий), и суффикс со временем при частом употреблении перестает восприниматься как суффикс. На него может наслоиться другой. Так возникло множество славянских фамилий: польские, хорватские, сербские на *-ович* (*-евич*), русские и болгарские с *-ичев*, чешские, хорватские и словенские — *-очек* и т. д. В большинстве таких случаев невозможно определить, образована ли фамилия одним суффиксом (от основы уже содержащей суффикс) или двойным суффиксом, который к тому времени успел сложиться. Известны и тройные наслоения: *-ичевич* (хорват. Баричевич), *-овичев* (рус. Петровичев).

Преобладание *-ов* (*-ев*) в русских фамилиях не изолирует их от остальных славян, а, напротив, связывает с ними. У болгар фамилии, образованные тем же суффик-

сом, еще монополюснее — подсчет Ст. Илчева по телефонному справочнику Софии показал, что им принадлежит 77%¹⁸, а состав фамилий столицы, естественно, разнообразнее, чем в других местностях. Собранные мной за недолгое пребывание в Болгарии фамилии 3 тыс. болгар Пловдива дали больше 80% фамилий на *-ов* и столько же в подсчитанных по печатным источникам; подсчитанный А. Саламбаевым список по селениям в Родопах показал даже 87% фамилий на *-ов*¹⁹. У македонцев восточной части Социалистической Республики Македонии они охватывают 85%: Часты (с фонетическими вариантами) у белорусов.

У поляков и чехов такие фамилии официальные у многих замужних женщин при консонантном исходе фамилий их мужей: Новак — Новакова. У словаков с учетом этой модели женских фамилий носители *-ов*, *-ев* превышают $\frac{1}{4}$ населения. В официальных фамилиях хорватов и сербов этот формант редок, но многое говорит о том, что и у них этот формант встречался часто. По мнению О. Н. Трубачева, *-ов* славянских антропонимов на Балканах вообще первично, как и у остальных славян. Появившаяся там позже форма *-ичь* оттеснила *-ов* на периферию — в Воеводину, Черногорию²⁰. И. Попович отметил, что патроним *-ов* теперь употребляется как архаизм в некоторых окраинных областях сербскохорватской языковой территории, в том числе в Черногории²¹.

В низовьях Дравы (старая территория Срем и смежная часть Воеводины) «почти каждая семья имеет, кроме официальной фамилии, свою родовую — семейное прозвище»²² — *porodični nadimci*; в них абсолютно преобладает форма *-ов* — по Воеводине их собрала Йованка Михайлович²³. П. Рогич сообщил, что они есть и на островах Далмации, а «в прошлом их было гораздо больше»²⁴. Формант *-ов* переходит на «периферию», но не территориальную, а в неофициальные системы антропонимии, в уменьшительные и другие производные формы личных имен, в прозвища и т. п.

Абсолютное господство форманта *-ичь* (первоначально — общеславянский формант уменьшительности) у сербов и с несколько меньшим процентом у хорватов также не отрывает их от других славянских народов. У их соседей словенцев *-ичь* охватывает 15%. У болгар фамилии на *-ич* были нередки, но в последней четверти прошлого века уменьшились до 1%; обратный процесс — замены *-ов* на *-ич* — происходил у сербов Ниша и смежных

территорий. Формант часто встречается в развернутой форме *-ович*, *-евич* (Мицкевич) у городского населения Польши, например в Лодзи, он составляет даже 20%, у населения Силезии — 5%. В фамилиях украинцев Закарпатья он занимает второе место по частоте, вероятно, под польским или, как полагает П. П. Чучка, южнославянским влиянием²⁵. У русских еще тысячу лет назад *-ич* служило формантом отчества у привилегированной верхушки; даже в XIX в. у большинства русских господствовало отчество на *-ов*, а *-ич* употребляли как почетную форму в отношении вышестоящих или пожилых и уважаемых людей. Сегодня *-ич* — это монополярная форма отчества у всех русских, обязательный компонент официального трехчленного именованья. Древнейшие из дошедших до нас документальных свидетельств славянской антропонимии доказывают, что формант *-ич* издревле был присущ всем славянам: в X в. глава Захумского сербского княжества (близ Дубровника на Адриатике) князь Вышатич принес туда свой антропоним из далекой Моравии. Носителей фамилий, образованных формантом *-ич* (*-ичь*), вероятно, больше 20 млн. Излишне напоминать об огромном общеизвестном весе этого форманта в топонимии и этнонимии всех славянских народов.

В фамилиях на всех славянских языках участвует формант *-ск-*, образующий, как и *-ов*, прилагательные, но с иным значением²⁶. Они обозначали либо владельца местности, название которой послужило основой (у русских прототип этого княжеские именованья *суздальские*, *шуйские* и т. д., позже — многие дворянские фамилии), либо именованья прибывших из местности, название которой стало основой (Волжский, Казанский). Позже по готовой модели формант *-ск-* стал присоединяться и к другим основам. Формант *-ский* (*-цкий*) чаще всего встречается у поляков, первоначально — из названия земельного владения; позднее он стал как бы эмблемой шляхты.

Интересно мнение П. Смочиньского о прямой исторической связи форм фамилии с географией населения: «Фамилий на *-ski* в Малопольше мало, так как там почва малоплодородна, и поэтому деревни были реже, чем в Великопольше... В Мазовии, где количество поместий превосходило Малопольшу и Великопольшу, фамилии на *-ski* популярнее, чем в Малопольше, но вследствие большого количества деревень, принадлежащих мелкому дворянству, там фамилии на *-ski* реже, чем в Великополь-

ше»²⁷. Это объяснение еще ждет проверки, но сами различия бесспорны. Модель *-ski* неудержимо распространилась и теперь охватывает половину всех поляков, среди них самая частая фамилия Варшавы — Ковальский. У чехов фамилии этой модели составляют 3%. У русских точно определить частотность фамилий этой модели пока невозможно, так как велики колебания: в сельских местностях среднерусской полосы она почти отсутствовала, теперь и в деревне такие фамилии не единичны, но и не чаще, чем 1—2%; на Севере их немало: в Холмогорском и Шенкурском уездах в 1897 г. фамилии на *-ский* носили 4% сельского населения, в городах — 5%. В среднем у русских частотность фамилий на *-ский* едва ли превышает 4%, но и это больше 5 млн. человек. У белорусов частотность фамилий этой модели колеблется от 10% на юге и востоке республики до 30% на ее северо-западе²⁸, у восточных украинцев — 4—6%, у западных — 12—16%²⁹, но это подсчеты по числу фамилий, а не по численности их носителей, что снижает точность сопоставлений. У словаков фамилии на *-ск-* составляют приблизительно 10%, у чехов — 3%. Незначительна доля этих фамилий у словенцев, хорватов, сербов, но весома у болгар — около 18%. У македонцев она охватывает половину населения, граница зон преобладания фамилий на *-ов* и *-ски* проходит с севера Македонии на юг, оттаявля к западу на *-ски* (Тетово, Гостивар, Прилеп, Охрид, Стругу, Ресен, Преспу), к востоку на *-ов* (Титов, Велес, Штип, Струмица, Гевгелия, Битола). Держалось мнение, что формант *-ск-* в фамилиях македонцев и болгар принесен из Польши, возражения против этого опирались на материалы фонетики. Однако никак не замечена параллель: форма с эпентетичным губным *в* (*-вск-*), наиболее частая на юго-западе Македонии (Охрид), убывает по мере удаления отсюда; то же *-вск-* хорошо знакомо в польских фамилиях, о чем писал акад. К. Ничш³⁰. Всех носителей фамилий с формантом *-ск-* (*-цк-*) у славян значительно больше 30 млн.

Огромна группа фамилий с формантами *-к-*, *-ак*, *-ек*, *-ук*, *-ик*, (*-ка*, *-ко*, *-енко*), осложненными многими формантами типа *-ник*, *-чук* и т. д., к ним надо прибавить и *-ка*, *-ко* с развернутой формой *-енко*. Больше того, доказано, например, что в польском языке существуют десятки суффиксов *-ак* (а не один!), совершенно различных не только по их значениям, но и по происхождению³¹. Они результаты и фонетических изменений, и отпадения

Карта. 5. Восточное крыло славянского массива фамилий с формантом -к-

1 — енко; 2 — ук; -чук, -юк; 3 — ак

звучков, и переосмыслений, и звукоподражаний, а формально тождественные окончания образуют на карте явную статистическую общность. Вероятно, это образовано тремя факторами: 1) многие из этих форм могут все же иметь общее происхождение; 2) действуют фонетические особенности языка или диалекта (например, территориальное размежевание *e/a*); 3) происходит «втягивание в ряд» по закону равнения на преобладающую форму.

На западе массива с формантом -к- 16% словенцев носят фамилии с финальным -к (обогнав там общеславянских -ич), преимущественно -к, -ек. По обратному словарю чешских фамилий³² (из почти 20 тыс. представленных в книге И. Бенеша) 22% всех их образованы финальным -к и еще 6% -ка и -ко; мои подсчеты по г. Пльзень дали соответственно 21 и 6%. К чешским показателям очень близки словацкие — 20% с -к и 5% с -ка, -ко. Часты эти фамилии и в Польше, особенно на юге. В прошлом их презрительно именовали «холопскими», так как они часты у украинцев и белорусов. В целом фамилии моделей с -к охватывают почти 20% всех поляков. В южной Польше данные по Новотарскому староству³³ показали 18% фамилий с -ак (в противоположность Силезии, где чаще -к и -ек), почти 9% с -ек, всего с формантом -к более 35%; около 3% с формантами -ка, -ко. Максимум фамилий на -ак характерен и для украинцев соседнего Закарпатья. Северо-восточнее формант -ак отстает перед -ук (включая -чук и орфографическое -юк: Максимук, Ковалюк, Ковальчук и др.), объединяющим украинцев Волыни (фамилии на -ук носят треть жителей) и Подолья (-ук — 20—27%) с поляками юго-восточной Польши и белорусами Полесья (в Брестской обл. фамилии группы -ук охватывают 50%, на большей части республики — меньше 10%, а во всей полосе они единичны или отсутствуют)³⁴. Современный рубеж между зонами преобладания фамилий на -ак и -ук,

показанный Ю. К. Редько³⁵, еще очевидней на материалах XVIII в. Он пролегал севернее, восточнее и южнее Львова; западнее формант -ак преобладал над -ук. Дальше на восток простирается обширная зона преобладания фамилий на -енко, которые в Поднепровье и Левобережной Украине охватывают местами 60% жителей.

Зона их преобладания непосредственно продолжена во всей восточной полосе Белоруссии. Ее очертили: Ю. К. Редько по Украине и Н. В. Бирилло по Белоруссии, но ни тот ни другой не заметили главного — граница ареала -енко идет не по границе белорусского и украинского языков, а с севера на юг, объединяя восточных украинцев с восточными белорусами и отличая тех и других от остальных украинцев и белорусов. Эти очевидные парадоксы пока не объяснены. Еще в 1649 г. у казаков в Киевском полку 54% служащих имели формант -енко³⁶, хотя неизвестно, были ли это уже фамилии или еще наследственные прозвища.

У белорусов преимущественно распространены фамилии с «чистыми» формантами -ко, -ка, хотя они свойственны также украинцам и западнославянским народам.

Налицо единый массив фамилий с -к-, простирающийся огромной дугой через половину Европы — от Адриатики до Азовского моря.

Форма фамилий, образованная исконно общеславянским формантом -ин, часта только у русских (второе место по частотности; в зависимости от исторических условий колеблется территориально и социально от 20 до 35%). Еще за века до возникновения фамилий значения формантов -ин и -ов полностью отождествлялись, несмотря на различное происхождение, но прочна реликтовая словообразовательная разница: финальное -а основы требует суффикса -ин, а не -ов (при тождественном значении: синонимичны -отцовы, но папины). Во всех других славянских языках фамилии с -ин есть, но количество их невелико (например, у хорватов — 1%).

Фамилии рассмотренных пяти самых частых форм (-ов, -ич, -ский, -ин, -к) охватывают более 1/3 всего славянского населения. И менее частотные формы не замкнуты в пределах одного языка, а почти каждая знакома нескольким славянским языкам. Большинство славянских языков свойственны фамилии в форме имен прилагательных с адъективной флексией без суффикса или с общеславянским суффиксом прилагательных -н-, реже -ат-, -ав; у чехов они составляют 5% фамилий и гораздо больший

процент носителей (к их числу принадлежат самые частые — Новотны, Черны, Веселы и др.). Фамилий этой модели несколько меньше у словаков, поляков, украинцев; у русских она архаична (чаще 1% встречается только на Севере — в Архангельской обл.).

От Карпат до Альп часта форма фамилий на *-eu* (Подунаец, Водопивец, Кривец), которую можно назвать по исторической территории «паннонской»). Она распространена у хорватов (у хорват-штокавцев в форме *-au*), словенцев (в абсолютном большинстве с финальным сонорным согласным основы *-n, -p, -l, -j*, часто с выпадающим *-e* — Доленц, Зайц), чехов, словаков, украинцев Закарпатья, русин Воеводины, есть и у сербов. Ее частота максимальна на противоположных отрезках территории — у словенцев и закарпатских украинцев она охватывает по 7—8%. Фамилии этой модели не единичны у лучижан (Каменьц, Трубаньц и др.), характерно сходство со словенцами (по сонорному согласному и выпадению *-e*) и македонцами (Беличанец, Курец). Ареал фамилий на *-eu* образует на карте почти замкнутое кольцо, охватывающее территорию венгров, пришедших на Дунай в IX в. Распространяющаяся модель фамилий на *-eu* могла обойти Венгрию, но не вполне исключено, что *-eu* в фамилиях Закарпатья обязано южнославянскому влиянию. Наиболее вероятно, что не только до возникновения фамилий, а еще до прихода венгров, разорвавших сплошное славянское население былой Паннонии, сложились в славянских языках те одинаковые словообразующие компоненты, которые спустя столетия образовали модель фамилий на *-eu*.

С региональными русскими фамилиями в форме родительного падежа множественного числа на *-их, -ых* соотносятся такие же фамилии у силезских поляков (Скрыньских, Шиманьских)³⁷, у чехов (Башковых, Странских)³⁸. Исследователи знали их только по регионам и не имели возможности сопоставить, поэтому трудно утверждать Ст. Роспонда, принявшего силезские фамилии на *-их* за кальку немецкой модели в форме родительного падежа (Дидерихс, Арнольдс)³⁹. Наличие такой формы у ряда славянских народов (у русских таких фамилий тысячи) опровергает гипотезу; славянское происхождение модели фамилий на *-их, -ых* несомненно.

Нечастые чешские, польские, украинские фамилии на *-хно* (Михно, Стехно, Яхно) — это средневековых именованных, известных и у южных славян.

Иной тип фамилий — нарицательное имя, ставшее фамилией без каких-либо изменений (Сметана), хотя бы и с видимыми суффиксами, но образовавшими не фамилию, а еще ее основу (Мельник). Фамилии этого типа, господствующие в неславянских языках Европы, у славянских народов наиболее часто встречаются у чехов и словенцев, меньше — у поляков, украинцев, белорусов.

Выглядевшие беспорядочными фамилии из двух основ в славянском мире разделены не по языкам. Напротив, они объединены в межъязыковые группы по грамматическим отношениям между составляющими элементами. Вот две из групп: 1) определение+определяемое: чеш. Златоглавек, укр. Рябоконь, рус. Кривонос, хорват. Белобрайдич. Разновидность этой группы — числительное вместо прилагательного: рус. Семibrатов, укр. Тригуб, хорват. Стокуча, чеш. Шестилетай. 2) объект действия + основа глагола: пол. Домославски, словен. Водопивец, хорват. Букодер, рус. Грибоедов. Разновидность — императив + объект действия: хорват. Деривкрава; особенно часты укр. Перебийнос, Забейворота, Подопригра, Покиньборода (эта фамилия документирована еще в 1649 г. и бытует поныне). Есть прямые двойники — чешская и хорватская фамилия Златоглавек, болгарская Въртигора и украинская Вернигора, хорватская Кривошия и русская Кривошеев, хорватская Водопия, словенская Водопивец, украинская Водопьян и русская Водопьянов, украинская и чешская Капинос, украинская Отченаш и чешская Отченашек и т. д. — это лишь малая часть из множества таких параллелей. Во многих случаях характерно сохранение архаичной формы существительного-дополнения в форме не косвенного, а прямого падежа (Убейкобыла).

Ареалы фамилий или их формы не совпадают с границами языков (не говоря уж о диалектах). Яркий пример — единый массив фамилий на *-енко*, идущий поперек языковых рубежей, объединяющий восточную часть Украины с восточной полосой Белоруссии. «Наперекор» границам языков размещены и формы фамилий на *-eu, -ак, -ук* и др. Фамилия Хорват в самой Хорватии очень часта на севере, но полностью отсутствует на всей территории республики вне этой зоны. Зато вдаль, на юго-западе Словакии, фамилия Хорват занимает второе место по частоте, а с производными (Хорватич и др.) в столице Братиславе, как отметил В. Бланар, — даже первое. Что связь эта не случайна, доказывают свидетельства хорватских антропонимов с юго-запада Словакии в докумен-

те 1569 г.⁴⁰ До сих пор не была отмечена параллель, открывающая эту главу: фамилия Попов, самая частая на русском Севере (Архангельская обл.) и почти отсутствующая на огромных пространствах расселения славян южнее, преобладает на противоположном рубеже славянского мира.

Одни из общеславянских черт фамилий генетичны — следы бывшего языкового единства славян, другие обязаны прямому взаимообмену фамилиями (а с ними и их формами) между славянскими народами, например русско-украинскому, русско-белорусскому, польско-украинскому, польско-белорусскому, чешско-польскому и т. д. Многовековое общение славян с неславянскими народами втянуло в состав славян множество неславян по происхождению, которые принесли с собой свои иноязычные фамилии. У чехов немало немецких фамилий, у поляков — немецких и литовских, у болгар — турецких, у русских — тюркских, финно-угорских, иберо-кавказских и др.

Исследователей радовало совпадение ономастической карты с диалектной. Это оправданно, пока молодая отрасль знания еще не встала прочно на ноги и искала опору в смежных науках. Но совпадения лишь частный и не слишком частый случай. Несовпадения чаще. И лучше радоваться несовпадению: совпадение только подтверждает уже известное, открытое смежными науками, а несовпадение открывает еще неоткрытое, оказавшееся недоступным другим наукам.

¹ Опубликовано в: Zpravodaj miestopisné komise ČSAV. Pr., 1980. N 2/5. S. 499–512.

² Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России // Этимология: Проблемы лингвогеографии. М., 1968; Ващенко В. О. О морфемной структуре русских фамилий // Romanoslavica. Buc., 1968; Zareba A. Formacje odmezwowskie w dialektach południosłowiańskich // Z polskich studiów slawistycznych. W-wa, 1963. T. 1. S. 2; Svoboda J. Staročeská osobná jména a naše příjmení. Pr., 1964; Smoczyński P. Polskie nazwiska patronimiczne // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 3. W-wa, 1968; Blanař V. Poravnávací slovanská antropomastica: Onomastické práce. Pr., 1970. 3.

³ Maczyński J. Nazwiska łódzian. Łódź, 1970; Rospond St. Struktura i klasyfikacja nazwiska słowiańskiego // Rozprawy Komisji językowej. Wrocław, 1965. V.

⁴ Beneš J. Jake české příjmené se vybrat? // Naše řeč. Pr. 1946. N 4–7; Vasak P. České příjmení statistický // Naše řeč. 1971. N 5.

⁵ Илчев Ст. Българските фамилии имена // Изв. на Института за български език. София, 1968. с. 16.

⁶ Редько Ю. К. Сучасні українські прізвища. Київ, 1966.

⁷ Бирилло Н. В. Белорусская антропонимия, Минск, 1969.

⁸ Никонов В. А. Формы русских фамилий // Studia językoznawcze. Wrocław, 1966.

⁹ Jakopin F. Nekaj značilnosti najfrekventnejših slavenskih priimkov // Wiener Slawistisches Jahrbuch. Wien, 1975.

¹⁰ Borek H., Szumska U. Nazwiska mieszkawców Bytomia. W-wa; Wrocław, 1976; Bubak J. Nazwiska ludności dawnego starostwa Nowotarskiego. Wrocław; W-wa; Kraków, 1970–1971. T. I–II; Kamińska M. Nazwiska i przezwiska ludności wieśnaczej w Łowickiem // Onomastica. 1958. N 6; Maczyński J. Nazwiska łódzian. Łódź, 1970; Rospond St. Słownik nazwisk śląskich. Wrocław; W-wa; Kraków, 1967–1973. T. I–II.

¹¹ Doležalova V. Retrogradni rejstrik ke knize J. Beneša. Pr., 1974; Vasenko V. Nume de familie și prenume rusește (Dicționar invers). Buc., 1975.

¹² Leksik prezimena SR Hrvatske (red. V. Putanec, P. Šimunović). Zagreb, 1976.

¹³ Svoboda J. Staročeská osobná jména...

¹⁴ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.

¹⁵ Kamińska M. Nazwiska...

¹⁶ Илчев Ст. Българските фамилии...

¹⁷ Марков Б. Типы македонских фамилий // Onoma. Leuven, 1978. XXII.

¹⁸ Илчев Ст. Българските фамилии... С. 533.

¹⁹ Саламбашев А. Български фамилии имена на помахедаңчени родопчани // Изв. на Института за български език. София, 1968. С. 16.

²⁰ Трубачев О. Н. Из материалов... С. 26.

²¹ Popović I. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960. S. 496.

²² Sekereš S. Slavonski porodični nadimci // Onomastica Jugoslavića. Zagreb, 1974. С. 3–4.

²³ Михајлович В. Војвођанска «поруѓанџа» // Прилози проучавању езика. Нови Сад, 1966. Т. II.

²⁴ Rogić P. Lična i porodična imena u jeziku // Rad Jugoslavenska Akademija. Zagreb, 1955. Kn. 303. S. 216.

²⁵ Чучка П. П. К вопросу о славянизмах в антропонимии Закарпатья // Симпозиум по проблемам Карпатского языкознания. Киев, 1973. С. 62.

²⁶ Никонов В. А. Русское словообразование // Этимология – 1967. М., 1969. С. 106.

²⁷ Smoczyński P. Untersuchungen zu polnischen Familiennamen // Magyar Nyelvtudomány. Debrecen, 1968. S. 22.

²⁸ Бирилло Н. В. Белорусская антропонимия. Минск, 1969. С. 36 (карта).

²⁹ Редько Ю. К. Сучасні українські прізвища. Київ, 1966. С. 198.

³⁰ Nitsch K. O obocznościach *-owski-oski* w nazwiskach // Język polski. 1949. S. 224–227.

³¹ Michalewski K. Polski sufiks *ak* na tle słowiańskim // Prace językoznawcze. Wrocław; W-wa; Kraków, 1977. S. 88.

³² Doležalova V. Retrogradni rejstrik... N 11.

³³ Budak J. Nazwiska ludności dawnego starostwa Nowotarskiego. Wrocław; W-wa; Kraków, 1970.

³⁴ См.: Бирилло Н. В. Белорусская антропонимия, С. 39.

³⁵ Редько Ю. К. Сучасні...

³⁶ Wolnicz-Pawłowska E. Osiemnastowieczne imienictwo ukraińskie w dawnym województwie Ruskim. Wrocław, 1978.

- ³⁷ *Blanar V.* Vyskum designativnej stranky živych osobnych mien // Studia Slovaca. Br., 1975. N 1. S. 35.
³⁸ *Smoczyński P.* Polskie nazwiska patronimiczne // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 3. W-wa, 1968. S. 255.
³⁹ *Rospond St.* Słownik nazwisk śląskich. Wrocław, 1967. S. 207–208.
⁴⁰ *Habovštiakova K.* Medzajazykové kontakty pri rodných menach v staroj slovenčine // Slavica Slovaca. Br., 1975. S. 42.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ХОРВАТСКИХ ФАМИЛИЙ *

Известны различные формы славянских фамилий. За последние десятилетия начаты исследования частотности и размещения фамилий с определенными формантами, но попыток изучить их географию и статистику совсем мало. До самых недавних лет такая задача оставалась совершенно невыполнимой, так как не было списков фамилий по регионам. Только изданный в 1976 г. полный свод всех фамилий Социалистической Республики Хорватии с указанием количества носителей каждой фамилии в каждом населенном пункте¹ полностью изменил положение. Он впервые позволяет установить абсолютную частотность фамилий хорватов (вместо материалов, которые содержали перечень семей без указания количества их членов, а чаще это были материалы адресных книг или телефонных абонентов).

По этому справочнику мной был сделан пофамильный подсчет населения в 8 котарах ** Хорватии: Прелог, Петриня, Покрац, Войнич, Огулин, Госпич, Дрниш, Ораховица. Подсчет охватил свыше 200 000 человек, кроме того, были выполнены подсчеты по нескольким специальным темам. В подсчет не включались случаи, когда фамилия представлена одним человеком на целый котар (вероятно, это поздний приезжий, а не наследник исчезающей фамилии). При рассмотрении форм приведены сопоставительные данные по другим славянским народам.

Различных форм фамилий много десятков. Конечно, даже самая редкая из них требует внимания науки, но попытка рассмотреть их все очень сложна. Необходимо поставить перед собой задачу выделить основные черты в масштабе всей Хорватии и выявить территориальные

различия. В таблице приведены 7 основных форм окончания фамилий (в % по отношению к количеству жителей данного котара):

Котар *	-ić	-h	-ah	-eh	-ar	-s	-ija	Прочие
Прелог	25	16	2	13	4	3	1	36 **
Ораховица	51	8	4	1	2	3	1	30
Покрац	57	10	4	1	3	2	1	22
Петриня	66	4	4	1	2	2	1	20
Войнич	71	1	2	—	4	—	1	20
Огулин	68	5	3	.	3	1	.	20
Госпич	65	1	7	.	2	1	2	22
Дрниш	54	5	4	.	2	1	1	33

* Все показатели округлены до 1%; знак тире означает полное отсутствие, точка — наличие меньше 0,5%.

** В том числе фамилия Хорват — 4%.

Во всей Хорватии самая частая форма фамилий на *-ić* (включая *-ović*, *-ević*, *-inić*). Максимально частые фамилии с *-ić*. Их в порядке частотности можно поставить так: Ковалевич (вторая по частоте фамилия Хорватии), Ковачич, Маркович, Петрович, Попович, Вукович. Первоначально форма диминутивна, затем патронимична. Ряд наблюдений над хорватскими фамилиями этой формы сделала В. Сплиттер-Дильберович², однако она не касалась ни частотности, ни размещения. Преобладание форм на *-ić* (рус. *-ич*) объединяет хорватов с сербами. Но у сербов *-ić* монополено; из собранных в средней полосе Сербии 1000 фамилий таких 953, а у хорватов эта форма несколько потеснена другими, нередкими у соседей с запада — словенцев и других соседних славянских народов. Преобладание форм на *-ич* в Хорватии неравномерно: в ее средней полосе такое окончание фамилий имеют более чем $\frac{2}{3}$ населения (котары Петриня, Огулин, а в котаре Войнич даже 71%), в Словении и Далмации — больше половины населения. И хотя на севере, в пограничном котаре Прелог, фамилий на *-ич* только $\frac{1}{4}$, но и здесь эта форма самая частая и ее минимальный для Хорватии процент гораздо выше, чем у соседних словенцев, где таких фамилий 15%.

Эта форма фамилий распространена у поляков; зафиксированная с XV в., она особенно участилась в

* Опубликовано в: *Onomastica Jugoslavica*. Zagreb, 1982. Vol. 9.

** В период переписи котар был административно-территориальной единицей, средней между нашим районом и округом.

XVII—XVIII вв., стал преобладающей формой фамилий у горожан (ремесленников и торговцев), в Лодзи она охватывала 20% населения.

Фамилии этой формы в некотором количестве есть и у словаков, белорусов, украинцев, редки они у чехов и болгар. У русских эта форма в фамилии не проникла, зато полностью завоевала особую антропонимическую категорию — отчества.

По мнению О. Н. Трубачева, форма на *-ич* появляется позже, чем на *-ов*. Это подтверждает его тезис о том, что новое завоевывает сначала центр региона, оттесняя архаичное на периферию, в данном случае — в Черногорию и Воеводину³. Но может быть, лучше искать периферию не в территориальном смысле, а в сопоставлении антропонимических категорий. У хорватов и сербов удержалось множество неофициальных фамилий — это прежние родовые имена (*porodični nadimci*), среди которых преобладают формы на *-ов*. На некоторых территориях каждая хорватская семья имеет по две фамилии, например в Баранье⁴.

Вторая по частоте группа фамилий — с окончанием *-к*.

-ак (включая *-сак*, *-скак*) — Босняк, Дробняк, Долиншак, Дворжак (среди них Новак по частоте четвертая фамилия Хорватии, она же самая частая у словенцев и чехов, шестая — у поляков Варшавы, нередкая и у словаков). Эта форма фамилий в Хорватии повсеместна. Ее образуют многие суффиксы, характеризующие носителя по какому-либо признаку (внешность, особенности характера, этническая принадлежность, место происхождения, занятие, положение в обществе, порядковый номер ребенка в семье и др.). Форма часта в фамилиях на юге Польши, в Словакии и на западе Украины.

-ек (включая *-сек*, *-сек* *-ček*). Фамилии с такими окончаниями имеют те же значения, что и фамилии на *-ак* (внешность и пр.); нередки также уменьшительные, например от личного имени отца (Юрек, Михалек). Эта форма фамилий почти отсутствует в Далмации, но успешно конкурирует с *-ак* в Славонии, часта в Прелог (почти 7% жителей), хотя несколько реже, чем *-ак*. В «перевёрнутом» словаре сербскохорватского языка (не по инициалам, а по финалям) апеллятивы с окончанием *-ак* в 11 раз чаще, чем с *-ек*⁵. Наибольшая частота фамилий на *-ек* свойственна словенцам — 6% (вдвое больше, чем с *-ак*), чехам — 12% (вчетверо чаще, чем *-ак*).

-ик (*-ник*). Значения те же, что и фамилий с *-ек*, сходно и размещение: в Далмации и средней части страны очень редки, есть в Славонии и в Прелог.

-ук. Форма встречается реже, чем с *-ак* и *-ик*, но представлена многими десятками фамилий, среди которых есть и частые: Тарбук — 513 человек, Цафук — 340, Бийук — 302 человека и др., хотя В. Сплиттер-Дильберович ограничилась приговором «непродуктивно» и случайным примером редкой фамилии. На обширной территории Правобережной Украины (Волинь, Подолия) и юго-западе Белоруссии фамилии на *-ук* (*-чук*) занимают первое место, есть они и на юго-востоке Польши.

Фамилии группы *-к* составляют в котаре Прелог 15% населения, в остальных охваченных подсчетом котарах — по 4–8%, снижаясь в Войниче и Госпиче до 1%. С ними связаны и формы *-ко*, *-ка*, представляющие по своему происхождению их вариант, отличающийся лишь фонетически⁶. На хорватской территории фамилии на *-ко*, *-ка* только в Славонии встречаются чаще 1%. Зона их абсолютного максимума — на Украине и частично в Белоруссии.

Исследователи славянских фамилий дробили эту группу на десятки мелких — по суффиксам. Правомерен и иной подход — рассматривать их в целом. Они объединены не только общим стержнем *-к*, но и географическим единством, образуя единый массив, раскинувшийся на карте Европы грандиозной изогнутой дугой от Адриатики до Азовского моря. Фамилии этой группы занимают первое место по частоте у словенцев (чаще, чем *-ic*), у чехов (28%), очень часты в Польше (в Силезии достигали 31%, в Лодзи — 30%), абсолютно преобладают у украинцев.

Очень характерно размежевание *-ас* и *-ес* (рус. *-ац*, *-ец*). Фамилии с финальным *-ас* распространены во всей южной части страны и в Славонии, нередки в средней полосе и гораздо реже на севере, а *-ес*, напротив, единичны в Далмации и Истрии, нечасты в средней полосе и в Славонии, но максимальны северней линии Карловац—Сисак — Бьеловар, т. е. на территории кайкавского диалекта (по выборочному подсчету, почти 90% носителей фамилий на *-ес* обитают там). Фамилия Вараждинец в штокавском котаре Петриня указывает на кайкавский город Вараждин. Таковы и показания «парных» фамилий: фамилию Novoselac носят в Хорватии 833 человека, из них 757 на кайкавской территории, 76 в Славонии, а из 529 носите-

лей фамилии Novoselec 471 человек живет в Славонии, 14 в Далмации и 44 в кайкавских котарах. Аналогично размежевание пар Посавац — Пасавец, Брезовац — Брезовец, Стимац — Стимец и др. Эти примеры создают впечатление, что налицо диалектное фонетическое различие. Но решение не так просто. Хотя статистико-географическое размежевание фамилий на *-ац/-ец* выражает ту же тенденцию, как и размежевание с *-ак/-ек*, но несколько иначе и в иной мере; с двумя несовпадающими границами не совпадает и граница между преобладанием топонимов *-ас/-ес*, хотя при той же основной тенденции. Собственно фонетика непосредственно не диктовала этих границ, действовала посредством формантов. Исторические судьбы формантов оказались различны, да и суффиксов *-ек* несколько, само *е* в них различно по происхождению (так и с *-ец*)⁷.

К этой группе следует добавить фамилии с окончанием консонант (почти всегда сонорный) + *с*, т. е. с выпавшим гласным: Жворц, Новинц. В отличие от соседней Словении они не составляют заметной величины — даже на северо-западе и западе Хорватии не достигают 1%.

Четыре названные группы фамилий охватывают всюду, даже в Прелоге, абсолютное большинство населения, в остальных котарах, в которых велся подсчет, — от 2/3 до 3/4. Если же брать только собственно хорват, то процент еще более повысится.

Из остальных форм фамилий только совсем немногие охватывают больше 1% населения.

Фамилии на *-ар* (рус. *-ар*) — преимущественно *nomina agentis*, т. е. именованья по занятиям: Рибар, Лончар, Цигляр; некоторые из них тождественны со словенскими и чешскими (Крамаг — Корчмар). Фамилии с этим формантом не ограничены этим значением, а образованы также и от иных основ (Мадьяр), есть немецкие фамилии с тем же окончанием.

-иса (рус. *-ица*) — уменьшительно-ласкательная форма, иногда ироничная. По Хорватии в целом ее частотность едва превышает 0,5% — 22 000 человек, из них более половины сосредоточены в Далмации, там в некоторых котарах они составляют более 3% населения; севернее частотность этой формы ниже, а на кайкавском севере совсем ничтожна.

Среди фамилий с финальным *-ш* бесспорны венгерские, например Ченкаш в Прелоге (от венгер. «лодочник»), Вереш (Veres) по всему северо-восточному погра-

ничью Хорватии (от венгр. «кровоавый»). На это указывает и повышенная частотность финального *-ш* в котарах Прелог и Ораховица (именно эти два из охваченных подсчетом восьми котар имели наибольшее венгерское влияние). Но то же окончание свойственно множеству польских фамилий. Ст. Роспонд называет его «наипродуктивнейшим»⁸. Хорватские Илеш, Иванеш, Маркош, Матияш, Микулаш вместе с Брадаш, Драгаш, Пунаш, Радош и др. подтверждают, что эта форма не заимствована. Она обычна и вне антропонимии: обратный словарь сербскохорватского языка приводит 735 слов с финальным *-ш*, и невозможно сомневаться в собственно славянском происхождении таких слов, как, например, голиш («голый, голыш»). Аналогично обстоит дело с фамилиями с окончанием *-ийа*, хотя есть много фамилий от турецких именованьяй занятий⁹ и с *-иа*, связанных с церковью.

Ни одна из всех остальных форм фамилий не охватывает 1% населения, а таких форм множество: Т. Маретич перечислил 219, В. Путанец — 434. Но и в список Путанца не вошли некоторые важные формы, например с окончаниями *-ник*, *-анин*, (*-чанин*), *-ски*. Около 5000 хорватов носят фамилии на *-анин* (с рус. *-анин*): Бищанин, Цетиньянин, Цветчанин, Грачанин, Янянин, Орешанин, Редичанин и др.; они наиболее часты на обоих склонах Капелы и в прилегающих долинах, нередки на соседних территориях (Вргинмост) и в Славонии, но не проникли на север и запад. Несколько фамилий польского происхождения с окончанием на *-ски* не могут заслужить хорватских фамилий той же формы: Зрински — 636 человек, Слюньски — 870, Дворски — 560 человек, произошедших от названий городов Зрин, Слунь, Двор, и других подобных фамилий. С ними перекликаются сотни тысяч македонских фамилий — в западных районах Македонии господство этой формы фамилий абсолютно.

Конечно, предлагаемый путь ничуть не умаляет ценности исследования лексических основ фамилий, которое тоже необходимо вооружить статистико-географическим методом. Самая частая фамилия в Хорватии — Хорват. Размещение этой фамилии удивительно. Перепись зафиксировала 21 тыс. ее носителей. Из них 15 тыс. — в меньшей части Хорватии, севернее линии Карловац — Бьеловар (в том числе лишь в трех самых северных котарах — Прелог, Чаковец, Вараждин и свыше 2 тыс. в Загребе). Более 4 тыс. живут в Славонии. На всей остальной обширной территории Хорватии (Средняя Хорватия, Дал-

мация и острова, Истрия) оказалось всего лишь 149 человек, носящих фамилию Хорват. Она распространена там, где в период становления фамилий именование *хорват* отличало коренных обитателей от властвовавших над ними немцев и венгров, которых не было в южной части.

Для сравнения можно привести фамилии с совсем иными ареалами. Например, из 1652 носителей фамилии Салопек 1326 живут в трех смежных котарах Средней Хорватии — Огулин, Слунь, Сень (где оказался единственный человек с фамилией Хорват) — и 217 — в Славонии; фамилию Бралич носит 781 хорват, из которых 605 в Далмации и 65 в Славонии. На тех же территориях сосредоточены $\frac{4}{5}$ всех хорватских Поповых и Поповичей. Положенные на карту ареалы фамилий указывают на еще не прочитанные странички истории народа.

Полученные данные важно сопоставить с картами диалектологическими, этнографическими, историческими, например с картами Ст. Поповича в его историко-географических работах по заселению территорий Хорватии и с опубликованными пробными листами этнографического атласа Югославии. Чересполосица заселения на картах Славонии XVI—XVIII вв.¹⁰ перекликается с такой же пестротой форм фамилий современной Славонии. На картах размещения земледельческих орудий в бассейне р. Купа одни признаки связывают сельскохозяйственный инвентарь с севером, другие — с югом¹¹, и ту же двойственность показывают формы фамилий. Если на одних участках антропонимической и диалектной карт линии во многих пунктах образуют пучок совпадающих границ, а на других участках разбегаются одна от другой, то здесь самая трудная, но и самая многообещающая загадка и датировки явления, и миграций населения.

Итоги наблюдений можно представить по следующим зонам:

Кайкавские котары. Минимальная для Хорватии частота преобладающей формы на *-ичь*. Наибольший для Хорватии процент фамилий на *-к*. Огромное преобладание форм на *-ец* над *-ац* и почти равное с *-ак* и *-ек*. Максимум фамилий Хорват (14 753 человека из общего количества, 20 147 человек по всей Хорватии). Отсутствуют фамилии на *-анин* и почти отсутствуют на *-ица*. Повышенный процент окончаний фамилий на *-ш*.

Славония. Преобладающая форма на *-ичь* охватывает больше половины населения. Соперничество фамилий на

-ак и *-ек* с переменным перевесом тех и других и преобладание *-ац* (34%) над *-ец* (0,5%). Минимальное количество форм *-ица*. Значительный вес фамилии Хорват (4185 человек), особенно в пограничной северной полосе.

Далмация. Преобладающая форма *-ичь* охватывает от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ населения. Наивысшая в Хорватии частотность фамилий на *-ац* при почти полном отсутствии на *-ец*. Наибольшая в Хорватии частота форманта *-ица*. Отсутствие фамилии Хорват.

Средняя полоса. Преобладающая форма *-ичь* охватывает больше $\frac{2}{3}$ населения. Большое преобладание фамилий на *-ац* над *-ец*. Нечаста фамилия Хорват.

Отдельную зону составляет Загреб. Столица всегда вбирает в себя черты всех зон. Однако показатели Загреба не вполне совпадают со среднеарифметическими — в них еще заметно, что город возник на кайкавской территории, к тому же административно сюда включены окрестные кайкавские селения.

Первая попытка зональных характеристик лишь предварительна. Она очень неполная. Вне подсчета остался запад (Истрия, Дельнице, Риека, Кварнеры). Неясны границы между зонами и неизвестен сам характер границ — где они резки, а где размыты.

Недостаточен не только территориальный охват сделанного подсчета. В переходных зонах нужна его детализация: не котар в целом, а его части. Например, противоречивы данные по крупному котару Бьеловар, взятому в целом. Подсчет по меньшим делениям показал бы, на всей ли его территории переплелись разные черты, отражающие потоки заселения, или котар разделен четкой линией, разграничивающей зоны; подсчет скрыл ее, суммировав данные территорий, лежащих по обе стороны ее.

При анализе фамилий во многих случаях неясно, что перед нами: аффикс или нет? Еще чаще неясны границы аффикса и основы. Автор многих ценных работ по хорватской антропонимии Ст. Секереш поместил фамилию Дреновац в группу фамилий, образованных «от растений и плодов», ошибочно производя ее от *dren*¹², а она означала «приезжий из города Дренов», т. е. *Drenovac* членится не как *dren/ovac*, а как *drenov-ac*. *-ov* было суффиксом, который образовал еще не фамилию, а ее основу — топоним.

Словообразовательное членение многих фамилий ненадежно. Мало того! Оно непостоянно, находится в дви-

жении, подвергаясь перераспределению, перемещающему границу между основой и аффиксом (поглощение, отрыв и т. п.). Могуча сила «втягивания в ряд», превращающая неаффикс в аффикс. Нередко аффикс без малейших внешних изменений перестает быть аффиксом. Во многих случаях целесообразно говорить не о суффиксе, а об окончании.

Однако чрезвычайный скептицизм в отношении словообразовательного анализа напрасен. В обратном словаре сербскохорватского языка 0,7% всех нарицательных имеют окончание *-ić*. А почти 70% жителей Хорватии носят фамилии с окончанием *-ić*. Разница в 100 раз! С первого же взгляда получаем не только самую главную, но и количественно выраженную характеристику специфики хорватских фамилий по сравнению с фамилиями других народов. В русских фамилиях, включенных в их обратный словарь¹³, 15 тыс. фамилий с окончанием *-ов (-ев)*, из них нет ни одной, в которой это окончание не было бы суффиксом, некогда образовавшим ее, т. е. во всех без исключения фамилиях окончание тождественно суффиксу. Эти примеры не зачеркивают предостережения: нельзя смешивать окончание и формант. Но в вопросе: «Изучать формант или окончание?» — противопоставительное *или* указывает, что изучать надо и то и другое. Инвентаризация окончаний принимает на себя трудоемкую, грубую, черную работу первичной сортировки материала, тем самым облегчая последующую стадию более тонкого анализа — суффиксального.

Вопреки пережиточному мнению ономастика — наука не о происхождении собственных имен. Их этимология — не единственная и совсем не главная ее задача. Среди многих ее задач наиболее важны исследования массовых явлений, а для этого важен статистико-географический метод. Изучение окончаний — один из объектов его применения, наиболее наглядный. Статистико-географический метод не отменяет никакого другого, но в некоторых случаях окажется незаменимым. Конечно, и его возможности ограничены, как и всех других: метод — ключ, а не отмычка. Ономастика не настолько избалована обилием методов, чтобы пренебрегать поиском новых.

¹ Leksik prezimena Socialisticke Republike Hrvatske (urednici V. Putanec, P. Šimunović). Zagreb, 1976. 776 s.

² Splitter-Dilberovic V. Beiträge zur Bildung der serbokroatischen Personennamen. Wiesenheim am Glan, 1966.

³ Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России // Этимология: Проблемы лингвогеографии. М., 1968.

⁴ Sekereš S. Slavenski porodični nadimci // Onomastica Jugoslavica. Zagreb, 1973—1974. С. 3—4.

⁵ Matešić J. Rücklaufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. Wiesbaden, 1965. II.

⁶ Smoczyński P. Untersuchungen zu polskischen Familiennamen // Magyar Nyelvjarasek. Debrecen, 1968. Т. 14.

⁷ Ilesić Fr. Neke kajkavske jezicke pojave, narocito u prezimenu // Јужнословенски филолог. Београд, 1937. Т. 16.

⁸ Rospond St. Struktura i klasifikacija nazwiska slowiańskiego // Rozprawy Komisji językowej. Wrocław, 1965. Т. 5. S. 29.

⁹ Patanec V. Dva naša sufiksa turskog poriekla // Ivšičev zbornik, Zagreb, 1963.

¹⁰ Porović St. Podrietlo naselja i govora u Slavonji. Zagreb, 1953.

¹¹ Etnološki atlas Jugoslavii. Zagreb, 1963.

¹² Sekereš St. Slavonska prezimena // Onomastica Jugoslavica. Ljubljana, 1970. N 2. S. 186.

¹³ Vaschenko V. Nume da familie și prenume rusești: Dicționar invers. Buc., 1975.

ИЗ ГЕОГРАФИИ МОРДОВСКИХ ФАМИЛИЙ

Фамилии у мордвы, как и у русских крестьян, появились поздно. В старинных документах немало примеров, когда даже историки принимали отчества за фамилии. В документе 1614 г. по д. Баево (теперь Теньгушевского р-на Мордовской АССР) записаны: Лопай Парушев, Ходяк Парушев, Богданко Орземасов. Казалось бы, фамилии? Но в следующей переписи там же вместо них записаны их сыновья: Воргудя Лопает, Кошай Худяков, Курдюш Богданов¹ — ясно, что фамилий еще нет, налицо только скользящие отчества: «чей сын» — «лопаев», т. е. сын Лопая. Образованы они по русскому народному образцу формантами притяжательных прилагательных *-ов (-ев)* от основ на твердый согласный и *-ин* от основ с финальным *-а*: Кудаш — Кудашев, Кудашка — Кудашкин. В г. Темникове в 1692 г. записан стрелецкий сотник мордвин Иван Тимофеев, а в том же самом документе значится его отец Тимофей Борисов. Спустя много поколений отчество закрепится и станет фамилией. Но еще долгое время только привилегированная кучка мордвы (мордовские мурзы) носила фамилии; простому народу фамилий не полагалось. Уличные фамилии возникали, но официального признания не получали. В листах переписи 1858 г., хранящейся в республиканском архиве Мордов-

ской АССР, все население с. Мордовские Юнки (ныне в Торбеевском р-не) записано без фамилий.

Почти все мордовские фамилии возникали из отчеств. Ошибочно объяснять фамилию непосредственно из нарицательного слова, которое слышится в ее основе. Фамилия Пиняев не из *пине* — «собака», а из мордовского мужского имени Пиняй; в основах фамилий Кирдябин, Кирдяев, Кирдяшкин лежит не *кирди* — «терпеливый», а формы мордовского мужского личного имени Кирдяпа, Кирдяй, Кирдяшка. От возникновения личного имени до оформления фамилии прошли века, нельзя смешивать эти совершенно разные процессы.

Ко времени распространения фамилий у мордвы состав личных имен был очень пестр. Отчество образовывали от той формы, в какой употребляли имя. А формы были еще пестрее. Отчества, из которых возникали фамилии мордвы, можно свести к 4 группам.

1. Из мордовских дохристианских личных имен: Аржаев от Аржай (из эрз. *аржо*, мокш. *арка* — «шрам, зазубрина»), Вечканов от Вечкан (из *вечкелс* — «любить, уважать»). Фамилии с основами из мордовских языков охватывают приблизительно 40% мордвы (количественные колебания велики — от 30 до 50%).

2. Из канонических личных имен, принесенных православной церковью (их называют и «календарными»). Церковное имя не часто употребляли в его полной форме. В повседневной речи оно принимало всевозможные производные формы, от которых и образованы отчества, а из них фамилии: лишь редко Федоров, чаще Федькин, Федюнин и т. п., почти никогда Афанасьев, но Афонькин. Нередко в фамилии трудно узнать имя, которому она обязана своим происхождением, например Ларькин — из Илларион. Фамилии с основами из канонических имен охватывают больше $\frac{1}{4}$ мордвы.

3. Из русских нарицательных слов (Кузнецов, Третьяков, Кочетков и пр., конечно, тоже через отчества от личных именовании; кузнец → Кузнец → кузнецов сын → Кузнецов). Распространена даже фамилия Французов — в с. Алово Атяшевского р-на и в нескольких селениях Зубово-Полянского р-на. Фамилии этой группы носит приблизительно $\frac{1}{3}$ мордвы. Сюда неправомочно относить такие фамилии, как Бояркин и подобные ей, хотя слово *бояр* заимствовано некогда из русского языка, но еще задолго до рождения фамилий стало мордовским (*бояр* — «помещик, барин», *боярова* — «барыня», *бояронь* — «гос-

подский») и основой отчества-фамилии стало как мордовское (т. е. относится к группе 1).

4. Из именовании тюркоязычного происхождения, а также мусульманских личных имен из других языков, например арабского или иранских: Булаткин, Карабаев, Исламкин, Арасланкин. В зависимости от расселения татар количество таких фамилий у мордвы колеблется от единичных до 5—6%.

До сих пор никем не отмечено, что сам выбор заимствованного имени (русского, тюркского или иного) в значительной мере зависел от степени его внешнего сходства с привычно мордовскими чертами: Исайкины и Агейкины чаще, чем Ивановы и Васильевы, хотя у русских частота этих пар имен противоположна — формант *-ай* — самый частый в именах мордвы. Перемятые от русских основы фамилий Ерошкин, Тараскин легко вошли в именник мордвы благодаря обилию мордовских личных имен, образованных суффиксами *-ш-*, *-с-*; имя Алексей с одним из самых частых мордовских сочетаний согласных *к/с* перекликалось с эрзянским *локсей* — «лебедь». Заимствовав имя, его «одевали» в мордовский наряд: от очень обычных у русских имен или нарицательных не было фамилий, а у мордвы они нередки — Петрайкин, Степайкин, Десяткин, Дурнайкин.

В России с XVI в. установилась строгая обязательная социальная форма именовании: нижестоящему на лестнице сословий именоваться с уничижительным суффиксом *-ка*. К мордве эту форму применяли и позже. Из нее — множество мордовских фамилий с окончанием *-кин* (Кудашкин, Пиняйкин и др.). В мокшанском с. Вертелим (Старошайговский р-н) их носят 47% всех жителей, в с. Ст. Пичуры (Торбеевский р-н) — 57%. У эрзи — в с. Семилей (Кочкуровский р-н) — 60%. В целом такие фамилии охватывают более трети всей мордвы. Для сравнения можно привести распространение суффикса *-ка* у русских Фатежского р-на Курской обл. — 4%, Переяславского р-на Ярославской обл. — 7,5%. Суффикс, конечно, не виновен — уничижительное значение ему придать строй неравенства и угнетения. В мордовских языках существовал финно-угорский суффикс *-ка* из *-кка* в значении ограниченности, принадлежности к определенной группе (на него указал Б. А. Серебrenников)², с ним смешался заимствованный русский суффикс *-ка*.

Этимология многих мордовских фамилий неясна либо спорна. В одних случаях язык утратил то слово, из ко-

торого в прошлом образована фамилия (вернее, еще ее основа), в других случаях фамилия подвергалась таким изменениям, которые сделали ее неузнаваемой (особенности местных говоров, нечеткость произношения, ошибки писцов).

И у русских этимология очень многих фамилий неизвестна, хотя этимологические исследования достигли высокого уровня, мордовская же этимология делает лишь первые шаги. Да и сама лексика мордовских языков еще мало изучена, а старше XVI в. — почти неизвестна. Именно фамилии тают в себе забытые старинные мордовские слова.

Очень важно собрать и изучить мордовские фамилии вне Мордовии: 72% всей мордвы живут за пределами Мордовской АССР.

Географический аспект изучения фамилий вовсе не в том, что основа фамилии называет географический пункт. Конечно, ценно, что документ 1902 г. зафиксировал в заволжском селе Шиланский Ключ мордовские фамилии Киржеманский и Пилесевский³. По одним этим фамилиям, ничего не зная об их носителях, видно, что это переселенцы из селений Киржеманы и Пилесево (ныне Атяшевский р-н Мордовской АССР). Но таких фамилий меньшинство. Гораздо важнее пространственное размещение любой основы фамилий, форм словообразования и даже фонетических черт.

Основной источник — фонд переписи 1969 г., сохраненный в Научно-исследовательском институте Мордовской АССР. Из него взяты фамилии более 200 тыс. человек мордовского сельского населения. Все данные, приводимые без указания источника, почерпнуты из этого фонда. В Пензенском областном архиве С. Г. Кузнецов указал мне фонд земской переписи 1917 г., откуда выписаны фамилии 50 тыс. человек мордвы Городищенского и Чембарского уездов. К сожалению, отрывочны данные из архивов Ульяновской, Горьковской, Саратовской, Куйбышевской, Тамбовской областей. Автор благодарен работникам этих архивов, сотрудникам Республиканского архива Мордовской АССР и НИИ Мордовской АССР, а также многим помогавшим советами или возражениями: М. Н. Коляденкову, И. Д. Воронину (ныне покойным), Д. В. Цыганкову, М. В. Мосину, Д. Т. Надькину, Т. П. Федянович, Т. А. Исаевой, М. В. Биленко, Н. Ф. Мокшину, И. К. Инжеватову, В. Н. Мартыанову, а также участникам пяти конференций по ономастике

Карта 6. Географическое размещение наиболее распространенных мордовских фамилий

А — Алявин, В — Валиев; К — Коляденков (единственное гисздо); П — Пьянзин; С — Сульдин; Т — Тазин; Ш — Шумбасов

Поволяжя и студентам Мордовского университета — слушателям моего курса ономастики, чьи сообщения и вопросы дали много интересного материала.

Сначала география нескольких мордовских фамилий.

В восточных (присурских) районах республики многочисленны Сульдины. Наибольшим скоплением их был Дубенский р-н: с. Ардатово — 103 человека, Налитово (ныне Цукарево) — 56 человек, Турдаково — 43 человека, несколько семей встречаем в селах Поводимово и Морга. Больше сотни Сульдиных записаны в смежном Большеберезниковском р-не (села Косогоры и Старые Найманы); юго-западнее Сульдины проживают в Кочкуровском р-не (села Напольная Тавла и Семилей). Севернее Дубенки эта фамилия нередка в Атяшевском р-не (села Тарасово, Батушева, Селищи), в селах Баево и Канаклейка Ардатовского р-на. Три семьи Сульдиных живут в с. Парадеево на границе Ичалковского и Атяшевского районов. Вне Мордовской АССР та же фамилия нередка в соседней Ульяновской обл. (Инзенский и Карсунский районы), в с. Великий Враг Шатковского р-на Горьковской обл.; 40 носителей этой фамилии в 1932 г. документированы в с. Планское на северо-востоке Пензенской обл.³ Фамилию можно назвать среднесурской. Общее количество ее носителей превышает 1 тыс. человек.

Фамилия образована из отчества от личного имени Сульда, которое удалось найти в документах XVI в. В дзорной книге Нижегородского у. 1588 г. указан в д. Ватцкой на р. Вад мордвин Сульда Алексеев⁶. Из какого слова возникло имя? Д. В. Цыганкин предположил, что из эрзянского слова *сулей* — «тень», семантически это оправданно: у многих народов ребенок получал имя, означающее «замена», т. е. заменяющий отца. Но не менее вероятно иная основа — от татарского *сульда* — «левша». Однако не вполне исключен и возможный принос тюркоязычными волнами монгольского слова *сюлда*, что значит «знамя, символ».

На юго-западе республики сосредоточены мокшанские фамилии Тазин и Шумбасов, ареал их сходен — в основном это Zubovo-Полянский р-н. Тазины особенно часты в с. Промзино — 137 человек, 89 человек живут в с. Романовка, есть они в селях Умет, Явас, Васильевка, Анаево, Подлясово, в поселках Парца, Имерка, Вячка, Тарвас и многочисленны в с. Барашево соседнего Атюрьевского р-на. Всех Тазиных больше 400. В с. Умет фамилия документирована в форме Танзин. Случайность или фонетический факт? Трудно предположить возникновение назализации, но не легче видеть след назализации былой: налицо мокш. *таза* — «здоровый», точно так же и в марийском и удмуртском языках, следовательно, и до распада волго-пермских языков (более 2 тыс. лет назад) в этом слове не было *-н-*.

В том же районе около 100 человек носят фамилию Шумбасов (села Журавлевка, Анаевка, Пичевка, Каргашино, Даниловка, Новая Потьма, Казеевка), рядом, в Торбеевском р-не, в с. Савва, встречаем еще 34 человека с этой фамилией. Основа фамилии — отчество от личного имени из мокш. *шумбаз* — «заяц» (эрз. *нумоло* с тем же значением дало фамилию Нумолов, но она единична). Вместо звонкого согласного в финале слова возникает глухой (*с* вместо *з*), но перед гласным (или звонким согласным) он звонок; произносят *шумбас*, но *шумбазонь*. Стало быть, фамилия должна бы звучать Шумбазов, но имена собственные составляют в языке автономную систему; слово, став личным именем, оторвалось от породившего его нарицательного и живет самостоятельно, закрепив форму Шумбас и при морфологических изменениях позиции, и в написании; в этой форме оно стало и отчеством (а из него — фамилией), не восстановив звонкого согласного, несмотря на интервокальную позицию!

Поучительный пример того, как специфична ономастика.

Небольшой ареал фамилии Васляев расположен северо-восточнее фамилий Тазин и Шумбасов — на стыке трех районов: 89 человек в с. Малое Плукусо Темниковского р-на, 61 человек в с. Большой Уркат Ельниковского р-на, 25 человек в с. Барашево Атюрьевского р-на. Основа — отчество от личного имени Васляй из мокш. *васля* — «легкий, мягкий».

Совсем иначе распространена фамилия Пьянзин. Она разбросана не очень широкой полосой через всю Мордовию от юго-западных границ до северо-восточных. В Zubovo-Полянском р-не Пьянзины живут в с. Умет на границе с Рязанской обл. и в с. Ширингуши у границы с Пензенской обл. (документированы в форме Пеназины), восточнее — в районном центре Атюрьево (25 Пьянзиных, двое Пензинных). Крупное скопление этих фамилий в Старошайговском р-не: 256 человек — в с. Сарга, меньше — в с. Старая Теризморга, несколько семей — в самом Старом Шайгово; 25 человек живут в с. Перхляй севернее Рузаевки и ряд семей в поселках. Нередки Пьянзины и у эрзи, живущих вблизи реки Суры — в селях Шугурово и Старые Найманы (Большеберезниковский р-н), в селях Поводимово (Дубенский р-н), Батушево (Атяшевский р-н — здесь они записаны как Пиянзины), в д. Ужалейка (Чамзинский р-н), в пос. Калыш (Ичалковский р-н), наконец, в с. Аржадево у границ Горьковской обл. (Большеигнатовский р-н). Общее количество носителей этой фамилии в Мордовии превышает 500 человек; разбросанность их гнезд привела к неустойчивости произношения и написания. Есть Пьянзины и в городах Горьком и Тамбове (в Шемышевском р-не Пензенской обл. есть Ф. Пиязнов, по сообщению П. В. Зимина). Еще в 1508 г. документирован в с. Жабино, южнее р. Пьяна (теперь Ардатовский р-н), мордвин пьянзин сын⁷, т. е. «сын Пьянзы». В конце XV в. у манси записано мужское имя Пынзей. Существовало старинное марийское мужское имя Пезей (на него указал С. Я. Черных). Слышимая близость основы этой фамилии к топонимам Пенза и Пьяна, может быть, лишь совпадение или переосмысление. Неясно, возможен ли их давний общий корень и каковы пути изменения звучания. Если следы его в языке не утрачены, то дошли до нас в неузнаваемом виде (например, с утратой внутренней йотации и упрощением сочетания согласных *нз* в *н* или в *з* и др.).

Из многих сотен носителей фамилии Алямкин 287 че-

людей сосредоточены в с. Сарга Старошайговского р-на, это самая частая фамилия села, она охватывала 40% его жителей. Многие десятки Алямкиных живут в селениях Тештелим, Старое Синдрово, Новое Синдрово и Колопино соседних Ельниковского и Краснослободского районов. В с. Салазгорь Торбеевского р-на, дальше на запад в с. Кишалы Атюрьевского р-на проживают еще 122 человека с этой фамилией. Носителей этой фамилии мы встречаем и западнее, в с. Явас, на самом севере Zubovo-Полянского р-на. Все Алямкины — от Сарги до Яваса — образуют одну полосу, вероятно обусловленную миграцией. Однако ту же фамилию на противоположном конце республики, у эрзя, носят 27 человек в Ардатовском р-не и 2 человека в Большеберезниковском.

На обширной территории от Горького до Саратова во многих селениях распространена фамилия Тремасовы. Колядниковы же, наоборот (хотя их сотни), все обитают «на пятачке» в немногих селениях небольшой части Ичалковского р-на, близ впадения Инсара в Алатырь.

Итак, представлены самые различные формы ареалов, отражающие типы расселения — фронтальный (массив), островной (гнездо), маршрутный, от широкого разброса до узкой локальности.

Рассмотрим еще одну фамилию: в Сосновском р-не Тамбовской обл. в 1979 г. записана фамилия Шиндяпин, есть она сегодня и в областном центре. В документе 1614 г. по д. Пошатова близ Темникова жил мордвин Ломака Шиндяпин (это еще отчество), в д. Каргашино ныне Zubovo-Полянского р-на записан Шиндяпа Беляев⁸. Многократно мелькали в источниках Шиндяй, Шиндяков, Шиндянов. Фамилия Шиндин в 1914 г. документирована в с. Букатовка Вольского у. Саратовской губ., ту же фамилию носит сейчас семья в с. Ключарево Рузаевского р-на. В мордовских языках не удается найти слово, от которого возникли имена Шиндяпа, Шиндя (Шиндяй). Но в ближайшем родственном ему марийском жива основа *шынд* со значением «ставить, сажать, перемежать». Но тут возникает трудность: марийскому *ши* соответствует, как правило, мордовское с. Наличие многих мордовских имен и фамилий из *шинд* указывает, что эта основа была когда-то знакомой и мордве.

В Присурье, на современной территории расселения эрзя, Всероссийская перепись 1897 г. застала в с. Морга (ныне Дубенский р-н) следующие фамилии: Туцины — мокш. *туця* — «туча» (при эрз. *пель*); Ледяевы —

мокш. *лядемс* — «косить» (при эрз. *ледемс*); Шамкины — из мокш. *шам* — «одежда» (при эрз. *оршамопель*)⁹.

Как они туда попали? По документам 1624—1721 гг. А. А. Теракитов установил, что по среднему течению Суры первоначально обитала мокша, а не эрзя, пришедшая сюда много позже из Арзамасского у.¹⁰ В начале XVII в. мокша и эрзя соседствовали в среднем Присурье. В ряде своих работ Д. В. Цыганкин¹¹ показал, что современным эрзянским говорам Присурья присущи яркие мокшанские черты, и подытожил: «В прошлом на этой территории происходило наступление эрзянского языка на мокшанский и постепенное его вытеснение... В словаре присурских говоров и их грамматическом строе в результате скрещения двух родственных языков обнаруживаются особенности, объединяющие эти говоры, с другой стороны, с говорами мокшанского языка»¹². Мокшанские фамилии эрзян с. Морга в 1897 г. показывают, что мокша-мордовский язык еще в полный голос звучал там в период становления фамилий. Эти мокшанские черты, сохранные и в 1897 г., не дошли до переписи 1959 г.: фамилия Туцин исчезла, Ледяевы стали писаться по-эрзянски Ледяевы, Шамкины с утратой этимологического значения фамилии стали Шанкины.

География лексических основ фамилий не должна заслонять географию еще более массовых и тем самым еще более ценных словообразовательных и фонетических средств мордовских фамилий. Трудности их изучения огромны, и, конечно, первая попытка не обещает богатых результатов.

Словообразование фамилий кажется простым повторением двух преобладающих русских моделей: присоединением суффиксов *-ов(-ев)* и *-ин*. Но количественное соотношение этих формантов совсем иное: *-ин* не только чаще, чем у русских, а во многих селениях даже абсолютно преобладает, чего у русского населения нет. Например, 55% всех эрзян с. Кабаево (Дубенский р-н) и 67% всех мокшан с. Каньгуши (Ельниковский р-н) носят фамилии этой модели. Немало селений, где процент носителей фамилий на *-ин* еще выше. В значительной мере это обусловлено обилием именованных с *-к-*; так, в с. Парацино (Ковылкинский р-н) пять самых частых фамилий: Чекашины — 305 человек, Купряшкины — 180, Кайкины — 157, Мелешкины — 148, Ломакины — 124 человека — с этим формантом. Однако количественное со-

отношение *-ов* и *-ин* настолько пестро и в каждом селе различно, что только будущим мордовским исследователям, может быть, удастся не ограничиться констатацией факта, а провести дальнейшее исследование мордовских фамилий*.

Фамилии мордвы — отчества от личных имен, они позволяют прочесть словообразование старинных мордовских имен, т. е. заглянуть в одну из еще не изученных сфер истории мордовских языков. Дохристианские мордовские имена изучали Н. Ф. Мокшин¹³, Д. Т. Надькин¹⁴, Д. В. Цыганкин¹⁵, В. Н. Куклин¹⁶, А. М. Дербенева¹⁷. Составлен почти полный свод всех формантов, которыми имена образованы: *-ай*, *-с*, *-ш*, *-ат*, *-ут*, *-ав*, *-ана*. Указывали и фамилии на *-мас*, *-ват*, *-дей*, но здесь мы встречаем серьезное возражение Д. Т. Надькина¹⁸, который считает, что *-м-* в этих именах (Арзамас, Коломас и т. д.) принадлежат не форманту, а основе (т. е. не арза + мас, а арзам + ас, где *м* — финал основы, *-с-* — формант, *-а* — соединяющий звук). Если согласиться с этим, то, вероятно, придется аналогично решить и в отношении *-ват* (Пороват, Инжеват и т. п.) и *-дей* (Кежедей, Суродей и т. д.).

Для словообразования интересно размещение фамилий и отчеств от личных имен, которые в разных формах обозначали девятого ребенка в семье: с формантами *-ай*, *-ка* и составным *-айка*: Девятый, Девятка, Девятайка. Девятаевы живут более чем в десяти населенных пунктах, но все они расположены в западных районах: Zubovo-Полянском, Атюрьевском и по несколько человек в с. Савва Торбеевского р-на (у его границы с Zubovo-Полянским), а также в с. Барашево Теньгушевского р-на — словом, все только в бассейне правых притоков р. Вад, их восточные соседи — Девятайкины, живущие в Торбеевском, Краснослободском, Ельниковском районах, и одна семья в с. Сарга Старошайговского р-на; 10 человек, носящие эту фамилию, обосновались в Zubовой Поляне. А в трех районах Сурского левобережья — Дубенском, Чамзин-

* Не единичны примеры ошибочного присоединения *-ин* к основам с финальным твердым согласным: Орехин, Карпин, Маркин, где следовало бы *-ов*. А в другом случае *-ов* оказалось на месте *-ин*: Шишиморов из основы *шишимора*. Возможна несверная форма основ, но вероятнее смещение формантов. Ведь у русских *-ин* и *-ов* — семантически неразличаемы больше тысячи лет. Смысл различия утрачен еще в общеславянском языке, выбор *-ов* или *-ин* зависит только пережиточно от фонетического признака основы.

ском, Атяшевском — сосредоточены Девяткины. Четкое размежевание их, однако, не дает права обобщать: фамилии от других основ, производные с теми же формантами, расположены иначе и чересполосно. Почти по всей Мордовии есть фамилии от личных имен, образованных формантами *-ай*, *-ка*, *-айка*, *-ушка*, но в том или ином селеении заметно преобладание какой-либо одной формы. В с. Старое Синдрово Краснослободского р-на 581 человек имеют фамилию на *-айкин* (21 фамилия); в д. Лепченка Ельниковского р-на всех фамилий 19, из них 9 — на *-шкин*; в д. Пичпаанда Zubovo-Полянского р-на 272 человека — на *-аев* (13 фамилий). Конечно, население сильно смешанно; в прошлом какая-нибудь форма иногда могла стать полностью монополюсной. Так, в 1858 г. все 200 жителей д. Кожбухтина Широмазовской вол. (теперь это Теньгушевский р-н) имели только три фамилии и все одинаковой формы: Титеевы, Битеевы и Биктеевы¹⁹.

Фамилии позволили подсчитать частотность формантов мордовских личных имен, от которых они образованы. Подсчет охватил 120 тыс. человек по девяти районам республики. Взятые форманты: *-ай-* (Сураев, Сурайкин; Радаев, Радайкин и т. д.), *-с-* (Вирысов, Вирысякин; Трёмасов, Трёмаскин); *-ш-* (Кудашев, Кудашкин; Пурдышев, Кирдяшкин); *-ан-* (Вечканов, Лемдянов, Кирдяшкин, Рузапкин); *-ат-* (Кижеватов, Кижеваткин; Учеватов, Учеваткин); *-ут-* (Сайгутин, Бажутов, Ишуткин, Паксуткин); *-ап-* (Волгапкин, Кижапкин, Кирдяпкин). Частотность указана в %:

	<i>-ай-</i>	<i>-с-/ш-</i>	<i>-ан-</i>	<i>-ат-</i>	<i>-ут-</i>	<i>-ап-</i>
Эрзя	18	4	1,7	1	0,3	—
Мокша	18	5	0,8	0,6	0,1	0,7

Эти старинные форманты мордовских имен охватывают меньше 1/4 всей мордвы. Различия между эрзи и мокшей не слишком велики, но некоторые из них, даже небольшие, едва ли случайны: уступая эрзе в частотности *-а-*, *-ат-*, *-ан-*, мокша чаще эрзи пользовалась *-с-*.

Формант *-ут-*, хотя и редок, но гораздо чаще встречается у эрзи. Это отзвук наибольшей частоты его у арзамаской мордвы за пределами республики. Не располагая,

к сожалению, данными по нижегородским терюханам (северная ветвь мордвы), удалось собрать фамилии нескольких тысяч человек мордвы в южных районах Горьковской обл. по переписи 1979 г. Там обильны фамилии мордвы, имеющие суффикс *-ут-*: в Лукояновском р-не — Инуткины (с. Чиргуши), Изутовы (д. Николаевка), Паруткины (с. Пичингуши); в Шатовском р-не — Ошуткины (с. Алемаво, д. Крапивка), Квакуткины (там же), Бечутковы (с. Вечкусово), Инжутовы (с. Ново-Иванцево), Баксутовы (с. Великий Враг), Изуткины (с. Кардавиль) и др. Случайность такой частотности исключена. Налицо существенная географическая черта фонетики, определенная по фамилиям арзамасской мордвы. Воздерживаясь от далеко ведущих внеантропонимических параллелей, нельзя не отметить значение указанной особенности.

Не просто различно, а резко противоположно отношение мокши и эрзи к суффиксу *-ап-*. Тысячи мокшан носят фамилии, содержащие этот формант, а у эрзи встретилась лишь единственная семья из 6 человек в с. Низовка Ардатовского р-на (1959 г.), носящая фамилию Аздрапкины (вблизи живут Аздравкины, здесь возможна подмена лабиальных согласных *в/п*). Фамилия могла остаться как след былого обитания мокши в этих местах. Встречен формант *-ап-* и у саратовской мордвы (1913 г.): Вертяпины в с. Оркино Саратовского у., Кистяпкины в с. Апалиха Хвалынского у.²⁰, где смешаны эрзя и мокша. Упомянутая тамбовская фамилия Шиндяпин образована тем же формантом. Он давен, его сохранили и топонимы, например в Мордовской АССР — Веденяпино, Волгапино, Мельцапино, Парапино. Несомненно, он звучит в фамилии декабристов братьев Веденяпиных, указывая на их происхождение. Отсутствие его у эрзи до сих пор никак не замечено. Находка очень существенна. Каждое обнаруживаемое различие между двумя мордовскими языками приближает к разгадке их возникновения. Ни одной работы о форманте *-ап-* нет. Неизвестно, как и из чего он возник у мокши или откуда заимствован.

Полностью отсутствуют работы о языке мещеры. Следы этого языка должны были отразиться в фамилиях. Мещера на протяжении тысячелетия жила на обширной территории, растворяясь постепенно среди мордвы, русских, татар (мишарей).

Только в с. Зубова Поляна и окружающих селениях

зафиксированы фамилии с сочетанием согласных *мбр*, *вбр* (непривычных русскому слуху, но обычных в мордовской речи): Учамбрин, Севамбрин, Кевбрин. Н. Ф. Мокшин предложил этимологии имен, отчества от которых стали этими фамилиями: *уча пря*, *сермав пря*, *кев пря* из *пря* — «голова»; *уча* — «овца»; *сермав* — «пестрая»; *кев* — «камень»²¹; вероятно, исследователи к этому еще вернутся.

Из других фонетических черт интересно фонетическое раздвоение фамилии, выраженное территориально: на юге и востоке Инсарского р-на фамилия Черапкины имеет *р* твердое (села Кочетовка, Тумола, Верхиссы, Яндювиши), а ниже по течению р. Исса (села Паево, Глушково, Большие Полянки) — только Черяпкины, с *р* мягким (там же Еряшкины), как в соседнем Ковылкинском р-не (с. Подгорное Алексово). Не касаюсь возможной связи с фамилией Царапкины, распространенной в бассейне среднего течения р. Мокши, а особенно частой у чембарской мордвы Пензенской обл.

Очень существенна концентрация фамилий или, наоборот, их разбросанность. В Куликовке (Рузаевский р-н), всего в 3 км от железнодорожной станции Хованщина, у 617 человек мокши 50 фамилий, из них три самые частые охватывают 24%. А в другом мокшанском селе, Сарга (Старошайговский р-н), лежащем в стороне от железной дороги, только 32 фамилии, хотя жителей даже несколько больше, чем в Куликовке, — 741 человек, из них 287 — Алямкины, 236 — Цьянзины, 92 человека — Чалдаевы. К этим трем фамилиям принадлежит 83% жителей! Налицо два противоположных типа: разбросанность и концентрация. Фамилии отражают экономическое развитие региона в прошлом: в глубинке прочнее держались пережитки натурального хозяйства с обусловленной им замкнутостью, следовательно, и фамилии были менее разнообразными, а там, где действовали оживленные связи, состав населения был более подвижным и фамилии более разнообразными.

Конечно, очень многое осталось за пределами изложенного. Достаточно сказать, что совсем не затронута масса неофициальных фамилий мордвы, а ведь на многих территориях не было почти ни одной мордовской семьи без неофициальной фамилии. Сбор их только начат Т. А. Исаевой, Т. П. Федянович, Р. С. Ширманкиной²². Скуден ономастический материал по мордве, живущей вне пределов республики.

Высказанное на этих страницах хотелось бы предложить на обсуждение, особенно вводимое впервые в поле зрения науки.

- 1 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 28. Д. 6466. Л. 19, 199.
- 2 *Серебренников Б. А.* Историческая морфология мордовских языков. М., 1967.
- 3 Архив Куйбышевской обл. Ф. 359. Оп. 1. Д. 22.
- 4 Архив Статистического управления Горьковской обл.: Фонд Всесоюзной переписи 1979 г.
- 5 Архив Пензенской обл. Ф. Р-1309. Оп. 1. Д. 30.
- 6 ЦГАДА. Ф. 1209. Д. 7514. То же имя привели там платежные книги 1608 и 1612 г. (Нижегородские платежницы. М., 1910. Л. 76, 230).
- 7 Документы и материалы по истории МАССР. Саранск, 1940. Т. 2. С. 142.
- 8 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 28. Д. 6466. Л. 39, 56.
- 9 Архив Ульяновской обл. Ф. 597. Оп. 13, 35, 36.
- 10 *Герасимов А. А.* Алатырская мордва: (По переписям 1624–1726 гг.). Саранск, 1936.
- 11 *Цыганкин Д. В.* Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1961. Т. I; *Он же.* Об одном говоре Присурья // Там же. 1963. Т. II; *Он же.* Слово в присурских говорах эрзя-мордовского языка // Там же. 1963. Т. III.
- 12 *Цыганкин Д. В.* Слово в присурских говорах эрзя-мордовского языка // Там же. Т. III. С. 83–84.
- 13 *Мокшин Н. Ф.* Старинные мордовские имена // Литературная Мордовия, Саранск, 1961. № 25; *Он же.* Мордовская дохристианская антропонимия // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. Сб. 1.
- 14 *Надькин Д. Т.* Морфологическое строение мордовских дохристианских личных имен // Там же. Горький, 1971. Сб. 2.
- 15 *Цыганкин Д. В.* Эрзень-мокшень собственной лемтне // Мокшень правда. Саранск, 1971. 29 апр.
- 16 *Куклин В. Н.* Некоторые вопросы эрзя-мордовской антропонимии // Ономастика Поволжья. Сб. 2.
- 17 *Дербенева А. М.* Тюркская именная основа некоторых фамилий мордвы // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. Сб. 3.
- 18 *Надькин Д. Т.* Мордовские дохристианские имена с суффиксом *-мас* // Там же.
- 19 Архив Тамбовской обл. Ф. 12. Оп. 82. Д. 42.
- 20 Архив загса Саратовской обл.
- 21 *Мокшин Н. Ф.* Мес тяфтамс фамилияце // Мокша. Саранск, 1972. № 5. С. 73.
- 22 *Исаева Т. А.* Морфемные типы и география неофициальных фамилий в Горьковской области // Ономастика Поволжья. Сб. 3; *Федянович Т. П.* Неофициальные фамилии и прозвища мордвы // Там же; *Ширманкина Р. С.* Неофициальные наименования у мордвы // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. Т. 4.

ФОРМЫ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ФАМИЛИЙ

Фамилии у народов Средней Азии имеют недавнее происхождение. В начале нашего столетия они были лишь у немногих, а сотню лет назад их не было ни у кого. Сегодня в библиографическом или ином указателе имена Хайям или Навои стоят в одном ряду с фамилиями. Но это не фамилии. Фамилия — имя членов семьи, переходящее на несколько поколений (в отличие от имени индивидуального и от отчества, наследуемого только одним поколением). В сочетаниях Омар Хайям, Алишер Навои нет именования семьи и их не передавали по наследству. Главным членом этих сочетаний были тогда Омар и Алишер, а Хайям и Навои — дополнительными, уточняющими.

Еще в начале столетия семейную преемственность выражали формы отчества: в тюркских языках присоединяли *оглы* — «сын» или *кыз(ы)* — «дочь» (Ахмед-оглы — «сын Ахмеда», Фатыма-кызы — «дочь Фатымы»), *заде* — «рожденный» (Турсун-заде — «рожденный от Турсуна») — в иранских.

О фамилиях в Средней Азии написано немного. Некоторые наблюдения над узбекскими фамилиями сделал Э. А. Бегматов¹, казахскими — Т. Д. Джанузаков²; довольно полный список киргизских фамилий, образованных из личных имен, привели Т. Жапаров и И. С. Колосов³. Вот почти и все опубликованное о фамилиях трех народов, составляющих 20 млн человек. А материалов по другим народам Средней Азии (таджикам, туркменам, каракалпакам, уйгурам, дунганам, корейцам) практически нет, или о фамилиях говорится попутно⁴. Наша попытка дать свод общих и различительных черт среднеазиатских фамилий⁵, конечно, остается попыткой в сравнении с огромным объемом задачи.

У народов Средней Азии не было фамилий до тесных контактов с русским населением. В 1860–1865 гг. первым казахским ученым (историком, этнографом, стиховедом), близким к русской революционно-демократической интеллигенции, дед которого носил имя Вали-хан, стал Валиханов. Позже такие примеры несколько участились, но и в начале XX в. оставались исключениями. Избирали фамилию по русскому образцу баи и торговцы, сотрудничавшие с царскими властями и русской буржуазией. Только в 1930-е годы фамилии стали присваивать населению, и тогда же они стали обязательными. Естествен-

но, что массовое формирование фамилий (у миллионов семей почти одновременно) шло по простому способу: фамилией стало имя отца + преобладающий формант русских фамилий *-ов* (с его фонетическим вариантом *-ев*). Поэтому почти у всего поколения, рожденного до середины 30-х годов, совпадают основы отчества и фамилий: Кадырбек Жаныбаевич Жаныбаев (киргиз), Ахмед Каримович Каримов (узбек).

Имена абсолютного большинства родителей были продиктованы исламом. Однородность самого состава имен и монополия одного форманта фамилий обусловили очень близкое сходство фамилий у народов Средней Азии. У всех есть Ахмедов, Ниязов, Рахимов и т. п. Различия между языками преимущественно фонетические: Абишев — Абышев, Жаныбеков — Джаныбеков, Муратов — Мурадов — Мырадов — Муродов и т. д.

В заимствовании форманта нет ничего необычного. Ведь и в русский язык прочно вошли иноязычные суффиксы, например *-аж* из французского языка (этаж, экипаж и др.), латинское *-иа* для названий стран (Туркмения, Киргизия и т. д.), ираноязычное *-стан* (не только Таджикистан, но и Казахстан). Русский формант *-ов(ев)* попал в Средней Азии на самую благоприятную почву: в тюркских языках суффиксация служит самым частым средством словообразования и словоизменения. Фамилии не вызывают трудности в повседневном употреблении — они легко «вписались» в тюркские языки. Безударность последнего слога большинства их тоже не стала помехой: ударность последнего слога в тюркских языках не абсолютна — в каждом из них, помимо фамилий, накоплен запас слов и форм с ударением не на последнем слоге. Да и обязательность ударения на последнем слоге в тюркских языках, как предполагают, не исконна (в лингвистике сильно мнение, что первоначально в тюркских языках ударение падало на первый слог).

Из того, что фамилии у народов Средней Азии использовали русский суффикс *-ов(-ев)*, обычно делают ошибочный вывод, будто система среднеазиатских фамилий тождественна системе русских фамилий. Это неверно. Несмотря на общность преобладающего суффикса, различия этих систем очень существенны.

1. У русских формирование фамилий было не одновременным актом, а длительным процессом — оно заняло несколько столетий и протекало постепенно, зачастую даже неосознанно, стихийно. Фамилии у народов Сред-

ней Азии почти все образованы от личных имен отцов в том виде, в каком застало это именование образование фамилий в 1930-х годах. Следовательно, отцы, имена которых стали основами фамилий, родились в начале нашего столетия, когда уже были редки имена домусульманские и еще не вошли в жизнь имена новые.

2. В русские фамилии превращались имена нарицательные (иванов, кузнецов, казанский), которые постепенно становились именами собственными. Совсем иначе у народов Средней Азии, где до фамилий не существовало нарицательных *мурадов, рахимов, жуманбеков*, там фамилии возникли сразу как собственное имя семьи, минуя и стадию нарицательных, и стадию отчества, — непосредственно от индивидуальных мужских имен.

3. Фамилии *, образованные формантом *-ов(-ев)*: казахские — 97%, каракалпакские — 99, киргизские — 99, таджикские — 97, туркменские — 99, узбекские — 98%. Для сравнения — русские фамилии. Возьмем Ефремовский р-н Тульской обл. Фамилии, образованные формантом *-ов(-ев)*, составляют 71%, другие формы — 29%; в бывшем Холмогорском у, Архангельской губ. — 65%. Разница весьма значительна! у народов Средней Азии все другие формы фамилий составляют лишь 1—3%, а у русских — больше четверти или даже больше трети всех фамилий, т. е. около 40 млн человек.

Количественное различие в основном произошло за счет фамилий, образованных суффиксом *-ин*; у русских он образовал от 20 до 30% фамилий, нередок он и у тюркоязычных народов Поволжья (Абдуллин, Губайдуллин), а у народов Средней Азии представлен очень слабо. На исходе XIX в. и в первые десятилетия нашего столетия такие фамилии появлялись чаще у казахов, ближайших соседей России (один из зачинателей советской казахской литературы и крупный политический деятель — Сакен Сайфуллин и др.), но массовое становление фамилий

* Для подсчетов взяты по 1 тыс. фамилий каждого из названных народов. В дальнейшем увеличение объема подсчетов внесет уточнения, но не поколеблет основных соотношений — настолько они резки. А вот этническое самоотнесение называемых не всегда надежно. В Ошской обл., на юго-западе Киргизии, узбеки, киргизы, таджики живут попеременно несколько столетий и в числе киргизов оказываются узбеки по происхождению; многие уйгуры по происхождению, живя среди узбеков Ферганы, стали считать себя узбеками.

«стандартизировало модель» с преобладающим суффиксом русских фамилий *-ов (-ев)*. Повлияло и отсутствие грамматического рода в тюркских языках. Общеизвестно, как затруднительно тюркоязычному различать грамматический род в русской речи (заурядные ошибки «она пришел», «твой рука» и т. п.).

В современном русском языке суффиксы *-ов* и *-ин* выражают одно и то же значение, выбор того или другого диктует только форма основы: *-ин* (в противоположность *-ов*) присоединяется к основе, оканчивающейся на *-а* (после гласных и мягких согласных пишут *-я*), а это окончание служит характерным показателем слов женского грамматического рода. Народы Средней Азии имели множество мужских имен с окончанием *-а* и женских с окончанием на твердый согласный. Поэтому так легко образовались фамилии Абдуллаев и другие вопреки русской модели, которая требовала бы Абдуллин.

Фамилии на *-ин*, охватывающие у русских 20—35% всего населения, у тюркоязычных народов очень редки, только у казахов они достигают 3% (Абдуллин, Валиулин, Ваймурзин, Майлин, Мустафин, Рахметуллин и др.), около 1% — у киргизов, еще реже у таджиков, туркмен, единичны у каракалпаков. В русском языке формант присоединяется к основам на гласный звук (мама → мамин).

Русский безударный гласный редуцирован в некоторых позициях до нуля, т. е. неслышен, поэтому конечный гласный перед *-ин* легко выпадает. А тюркское сильное ударение на последнем слоге сопротивляется этому.

Как образовать притяжательное прилагательное «чей сын» от личного имени Абдулла? Русское словообразование требовало *абдуллин*. Так и было вначале на русской почве. Но при массовом формировании фамилий у тюркоязычных народов восторжествовал иной способ: абсолютно господствующий формант русских фамилий *-ов, -ев* был принят как общий независимо от исторической особенности его употребления (только после согласных). Так возникли фамилии типа Абдуллаев. Может быть, повлияла и промежуточная форма личных имен с дополнительным йотом, преобладавшем в русском употреблении личных имен (Николай, Сергей)?

Можно заглянуть и внутрь группы *-ов (-ев)*. Там картина несколько разнообразнее. На 1 тыс. фамилий приходится (см. табл.):

Народ	-ов	-ев	Итого	-баев	-боев	-юев
Казахи	587	378	965	176	—	6
Киргизы	524	465	989	158	—	—
Каракалпаки	705	291	996	134	—	2
Узбеки	675	313	988	—	54	—
Туркмены	601	385	986	27	—	1*
Таджики	717	255	972	—	22	—

* Этническая принадлежность не установлена.

У киргизов на 1 тыс. фамилий приходится с окончанием *-беков* — 155, *-кулов* — 39, *-динов* — 7.

Объем подсчета недостаточен, т. е. не погашает случайностей. Но показатели таковы, что изменения на несколько единиц несущественны для выяснения основных соотношений.

Вся эта группа объединяет народы советской Средней Азии в одно целое. Различия форм среднеазиатских фамилий находятся внутри этой группы, а не вне ее. Они зависят от формы основы подобно тому, как в русском языке только от формы основы зависит выбор из двух разноязычных суффиксов притяжательных прилагательных *-ов (-ев)* или *-ин*, сегодня совершенно равнозначных, а некогда различных по происхождению. А формы основ, т. е. мужских личных имен, от которых образованы фамилии у народов Средней Азии, исторически различны. Не нагромождая цифр, можно ограничиться данными по узбекам Вабиентского р-на Бухарской обл. Узбекской ССР, взяв из актов рождения за 1940 г. в архиве загса все имена отцов в возрасте от 20 до 40 лет, — имена этого поколения стали основами фамилий. Частотность окончаний на 1 тыс. имен следующая: на твердый согласный (Мурат, Рахман, Шамсудин, Худайкул и др.) — 736, на *-й* (Худай и др.) — 6, на *-а* (Абдулла, Джума, Хамза и др.) — 162, на *-и, -ы* (Аблаберди, Наби, Рузи и др.) — 98. Эти различия форм имен и обусловили вариантность форманта фамилий. К имени, имеющему окончание на твердый согласный, формант фамилии присоединяется в форме *-ов* (Алымкул — Алымкулов), окончание личного имени на гласный звук или *-й* меняет форму суффикса на *-ев* (Муса — Мусаев, Худайберди — Худайбердиев, Орузбай — Орузбаев).

Статистическое сопоставление фамилий Средней Азии подтверждает, что антропонимия тюркоязычных народов различна не столько составом своих компонентов, сколько частотностью их. Это показано при изучении личных имен⁶. Действительно, если сам набор компонентов в фамилиях невелик (это в основном члены составных личных имен: *-Абд-, -Ай-, -Бай-*, но особенно вторых: *-бек-, -бий-, -кул-, -дин*), то частотность очень различна. Компоненты тюркоязычного происхождения *-бай-, -бек* и др. несравнимо чаще встречаются в фамилиях казахов, киргизов, каракалпаков, чем узбеков, уйгуров, туркмен, а арабоязычные *-дин-, -абд* и др., наоборот, — чаще в фамилиях узбеков и уйгуров.

В период массового формирования фамилий имена со вторым компонентом *-бай** оказались особенно частыми у казахов и киргизов, поэтому у них так часты фамилии с окончанием *-баев*. Кроме того, формант *-ай* образует в тюркских языках звательные формы имен. Окончания имен на *-и-, -ы* возникли из четырех разных источников: 1) тюркская форма прошедшего времени глагола *-берды* — «дал», *-желди* (*гелди, кельди, гельди, гелды*) — «пришел»; 2) тюркский суффикс прилагательных *-ли-, -лы* (Нурлы, из *нурлы* — «лучезарный»); 3) ираноязычный формант (таджик. Бахти — «счастливый»; Даги — «даренный»); 4) краткая форма арабоязычных составных мужских имен (Бахри и Бахриддин) и самостоятельные имена на арабского происхождения (Гани, Фавзи). В туркменском языке встретились все эти источники, и в нем очень часты фамилии на *-ыев-, -иев* (каждая четвертая туркменская фамилия), особенно от Берды, Дурды (самостоятельные имена и компоненты составных имен). Форма *-ев* следовала, кроме гласных, и за согласными *-ш-, -ж-, -ч-* в фамилиях всех рассматриваемых языков: Аби(и)шев, Баишев, Ж(Дж)умашев, Карми(ы)шев, Мукашев, Тожев, Эргашев, Юлдашев, Сирожев, Карачев, Клычев (Килчев) и др.; особенно часты они у киргизов. Однако наряду с этим встречаем и Абышов, Аллашов, Дайышов, Гылышов, Жунышов, Молдашов, Эргашов — варианты не только написания, но и произношения.

* К тому времени его старое лексическое значение стерлось, он стал выражать очень абстрактное пожелание ребенку хорошей судьбы или даже превратился в служебный формант, означая лишь, что это мужское имя.

Среди огромной массы фамилий на *-ов* особо интересны немногочисленные фамилии на *-уов* (из личных имен с окончанием *-у*). В собранных 6000 фамилиях встретилось 9 фамилий с этим окончанием, из них шесть — у казахов (Конжауов, Кёптелиуов, Теллиуов и др.) в Гурьевской, Мангышлакской, Актюбинской областях и в Тюлькюбасском р-не Чимкентской обл., две фамилии — у каракалпаков (Тлеуов — однофамильцы казахских носителей Телиуов, Алауов), одна — у туркмен Красноводска (Танауов), но в этом случае этническая принадлежность ее неясна. Размещены почти все они, кроме тюлькюбасских, только на западе Средней Азии. Это подталкивает к мысли об историко-географической особенности, но такой вывод неосторожен без специального исследования — материал слишком мал, а из 9 случаев две фамилии принадлежат механизаторам и одна партийному работнику — людям наиболее подвижным, так что география размещения фамилий данного типа еще ожидает исследователей. Факт интересен для истории тюркских языков и истории тюркоязычных народов.

Вне огромной группы на *-ов-, -ев*, (с *-иев-, -аев* и др.), охватывающей у каждого рассмотренного народа от 97 до 99% всех фамилий, и частично сопутствующей ей группы на *-ин* (не превышающей 1%, кроме казахов) находятся лишь немногие разрозненные формы, даже вместе взятые составляющие у таджиков 2% всех фамилий, у остальных четырех народов — меньше чем по 1%. Среди этих форм финальное *-ы* (казахские Караманулы, Кыдыберкулы, туркменские — Насырлы, Азады, Ниязберды и др.), ираноязычное финальное *-и*, продолжение традиции дофамильных средневековых именовании (ср.: Айни, Лахути, сегодня Едгори, Токири, Исхоки, Пулоди), иранский компонент *-за(о)да-, -заде* (таджикские Семехзода, Шохзода, Ширифзода, в Узбекистане семья с таджикской фамилией, Вализода, как в Киргизии — Рахимада), наконец, безаффиксные распространены почти исключительно у таджиков (Адхат, Кирум, Хошим, Аскар, Сафар, Джалил, Ибод, Дониш, Содик) и узбеков (Матчон, Рахим и др.). Любопытно, что многие из них — псевдонимы поэтов, служащие «цеховым знаком», связывающим авторов с именами прославленных акынов — народных певцов.

Таковы сегодня формы фамилий у крупных народов Средней Азии. К сожалению, не закончен сбор материала по уйгурам; предварительные данные связывают их с опи-

санной системой фамилий других тюркоязычных народов Средней Азии. Хотя абсолютное большинство советских уйгуров, предки которых переселялись в Россию со второй половины XVIII в., сосредоточено в Казахстане, Киргизии, частью — в Узбекистане, антропонимически они ближе к узбекам, чем к казахам, среди которых живут. Это след исторической уйгуро-узбекской близости. Уйгуры, поселившиеся среди узбеков, почти слились с ними. Пожалуй, заметнее других особенностей — некоторое количество фамилий с финальным *-и*: Гайрати, Закири и др. Близки к среднеазиатским формы фамилий и у народов Северного Кавказа.

Резко отличимы фамилии иноязычных поздних переселенцев в Среднюю Азию с востока — дунган и корейцев. Дунгане (хуэй) пришли в Россию одновременно с уйгурами из Китая. В сущности, только на русской почве у них установились фамилии в современном смысле, прежде вновь создаваемая семья образовывала себе новую фамилию, производную от прежней. Самой частой была фамилия Ма (из основы со значением «лошадь»). А. Калимов привел поговорку «Из 10 дунган девять — Ма, один — Ха», весьма гиперболичную в прошлом, сегодня далекую от действительности. Модели современных фамилий дунган довольно разнообразны: все они трехсловные. Наиболее употребительны образования с *-ло* — «старший, почтенный» (Сушанло, Диншонло, Машонло и др.), с суффиксом уменьшительности *-зы* (Шивазы, Гасызы, Пунвазы, Зазазы, Давузы) и некоторые другие (Болонда, Вонлода, Бийлоэр, Вонмаза, Хахаза, Лючин, Мачин, Янсанин, Маахун, Саахун и др.). Но теперь обычны и такие фамилии, как Хавизов, Имазов, Маахунов, Адилов, Ганиев.

По фамилии легко узнать корейца. У всех многомиллионных корейцев всего лишь около 200 фамилий. В СССР корейцев 400 тыс., и у них несколько десятков фамилий, чаще всего Цой (из корейского Чхве) и Ким, реже Пак, Ли⁷.

* * *

Различия одной и той же (по происхождению) фамилии между среднеазиатскими народами часты, но в каждом случае невелики, почти не выходят за пределы фонетики. И не только между языками, а внутри одного языка. «Словарь киргизских личных имен» приводит мно-

жество примеров разновидностей одного имени, не имея возможности разделить варианты произношения от вариантов написания: Абдуракман—Абдурахман—Абуракман—Абдураман. По некоторым фамилиям и больше. К сожалению, узбекский и казахский словари личных имен не смогли привести вариантов. Фамилии возникали поздно и в значительной мере организованно, поэтому они упорядоченнее. Но и в них вариантов немало. Внимательный к вариантам личных имен, киргизский словарь приводит при каждом имени образованную от него фамилию, но только в единственной форме — нормативной: в словаре дан только Абдуракманов, а в киргизских книгах, журналах, газетах за несколько лет эта фамилия встречается 28 раз (выборка случайна) в различных вариантах: Абракманов — 15, Абдырахманов — 10, Абдуракманов — 2, Абдыраманов — 1.

Еще многочисленнее затруднения при передаче фамилий с одного языка на другой, особенно на русский (или обратно). Возникающий на каждом шагу разнобой приносит немало вреда. Устранить его непросто. Главный редактор позднейшего из среднеазиатских словарей личных имен писал, что составители стремились сочетать в написании «практические удобства и научную правильность». Хотя сочетание «практических удобств» и «научной правильности» довольно туманно, но следующие слова совершенно верны: «К сожалению, не все вопросы удалось решить достаточно полно и предложить по ним практические рекомендации с утвердительным обоснованием. Это объясняется их слабой изученностью и большой сложностью, требующей многолетнего предварительного анализа огромного архивного и полевого материала».

Никакие усилия не устранят разнобоя, если решать практические вопросы вслепую, не опираясь на теоретические принципы, которые еще предстоит разработать. Работа порознь, по каждому языку изолированно, не уменьшает, а еще больше увеличивает разнобой. Эту разработку по каждому языку в отдельности необходимо тесно увязать с совместной — для всей Средней Азии. Составленные на этой основе правила для каждого языка никоим образом нельзя принимать после узкого, келейного обсуждения, необходимо до утверждения обязательно вынести их на широкое обсуждение, не замкнутое в границах своей республики.

После семинара по ономастике Средней Азии, организованного Институтом этнографии АН СССР (Самар-

канд, 1969 г.), и выхода в свет двух сборников «Ономастика Средней Азии» (Москва, 1978; Фрунзе, 1982) нет в Средней Азии ни одного народа, по которому не велась бы антропонимическая исследовательская работа. Удалось наладить содружество ученых и работников загсов Киргизии, которое принесло очень плодотворные результаты (отличный пример, требующий распространения на другие республики Средней Азии). Огромный антропонимический материал собрали Э. А. Бегматов в Узбекистане, Т. Д. Джанузаков в Казахстане и др., не говоря уж о И. С. Колосове — начальнике Управления загса Киргизской ССР. Антропонимистам Средней Азии по плечу и более трудные задачи.

¹ Бегматов Э. А. Узбек исмлари имласи. Тошкент, 1972.

² Джанузаков Т. Казахская ономастика. Алма-Ата, 1982.

³ Колосов И. С., Жапаров Т. Ш. Словарь киргизских личных имен. Фрунзе, 1979.

⁴ Калимов А. Пути развития антропонимии среднеазиатских дунган // Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980. Т. 2. С. 89–91.

⁵ Никонов В. А. Формы среднеазиатских фамилий // Там же. С. 120–127.

⁶ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. С. 108.

⁷ Джарымгасинова Р. Ш. Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. С. 142–144.

ГЕОГРАФИЯ ФАМИЛИЙ — ЭТНОИСТОРИЯ ГРУЗИН

Хотя грузинские фамилии на несколько столетий старше русских, первые из них возникли в XIII в. или даже раньше. Основная масса фамилий появилась, вероятно, когда Грузия была раздроблена на разобщенные и враждующие между собой феодальные владения. Политические, экономические, культурные процессы в них протекали различно, по-разному развивался и язык. Эти различия породили пестроту форм фамилий. Но все же языковое родство и сходные исторические черты объединяли все картвельские этнографические группы в определенные фамильные группы: они образованы присоединением второго компонента, постепенно превращающегося в суффикс (т. е. утрачивающего самостоятельное лексическое значение). Всего 7–8 таких формантов образуют фамилии 3,5 млн грузин, повторяясь в грандиозных количествах,

каждый на определенной территории. Их статистико-географические соотношения показывают историческое формирование грузинской нации. Все приводимые подсчеты выполнены автором и публикуются впервые*.

Источники: 1) полная перепись населения 1886 г., документы которой хранятся в Центральном историческом архиве Грузии¹ (находится в Тбилиси); 2) акты загсов; 3) списки избирателей; 4) телефонные и другие справочники; 5) списки фамилий в исследованиях², статьях³, диссертациях⁴. Понятно, что в единую статистическую таблицу они не все сводимы. Подсчетами охвачено полмиллиона грузин по всем районам (восточная часть Грузии — полностью, кроме городов; по западным областям материалов меньше — фонд переписи погиб в Кутаисском филиале архива) в объеме, достаточном для статистически надежных показателей.

Абсолютно преобладают и по количеству носителей, и по территориальному охвату две формы фамилий: с компонентами *-дзе* в западной части республики и *-швили* — в восточной. Первоначальное значение обоих формантов сходно: *-дзе* — «сын, потомок»; *-швили* — «ребенок», «рожденный». Они типологически тождественны фамилиям других народов: в германских языках *сен* (*сун, сон, зон*) — «сын»; в тюркских *-оглы* — «сын», *-кыз* — «дочь, девушка»; все форманты, присоединяемые к основе, означающей отца, указывают «чей сын».

Фамилии от имен канонических — Гиоргадзе, Леонидзе, Николайшвили и т. д. — охватывают лишь меньшинство, чаще фамилии идут от нецерковных имен: Мгеладзе, Мчедлишвили и т. д. Однако нельзя прямо связывать эти фамилии с нарицательными *мгели* — «волк»; *мчедли* — «кузнец». Первоноситель фамилии Мгеладзе, как и его русский «однофамилец» Волков, был сыном не волка, а Волка — носителя личного имени Мгела.

Еще одно необходимое предостережение. Фамилии с этнонимом в основе (Сванидзе, Джавахидзе, Джавахишвили) особо привлекают историка и этнографа, но опасно забывать принцип относительной негативности имен собственных: фамилии эти не могли возникнуть в среде са-

* Ценную помощь оказывали Г. С. Читая, Ш. В. Дзидзигури, А. В. Гловти, И. Н. Бахрадзе, С. А. Арутюнов, В. Т. Тоцурия, А. К. Чкадуа, Г. В. Цулая, П. А. Цхадая, а также Ш. Т. Апридонидзе, М. Чабашвили, Н. Г. Волкова, Р. Топчишвили, Р. М. Шамедашвили, М. С. Микадзе, Л. М. Чхенкели и коллектив республиканского архива загса.

мих сванов или джавахов (где сваном или джавахом был каждый), а только вне ее. Их основа могла обозначать даже не свана или джаваха, а лишь человека, чем-то похожего на них (в одежде или по иному признаку), побывавшего у них или торговавшего с ними.

Фамилии, образованные с *-дзе* (соединяемые с основой гласным *а* или *и* в зависимости от гласных основы), предполагают возникшими в XIII в. Они абсолютно преобладают в Имеретии. В районах Орджоникидзе, Тержола фамилии на *-дзе* охватывают более 70% всех жителей. По мере удаления от этого ядра их частота убывает. На юго-западном рубеже Имеретии, в районе Вани, к ним принадлежит более $\frac{2}{3}$ населения (1961 г.), западнее, в Гурии (районы Махарадзе, Ланчхути), — более половины. На противоположном северо-восточном фланге, в Лечхуми, их носит почти половина населения, как и дальше — в Раче (ныне район Они). Только на северо-западе, в Верхней Мегрелии, формант *-дзе* нечаст: в районе Гегечкори — только 7%; в меньшинстве он и на северо-западном побережье. В Сванетии фамилии с формантом *-дзе* составляют меньше $\frac{1}{10}$. Где пролегла черта, западнее которой преобладает *-дзе*, восточнее — *-швили*?

Границей между западной и восточной Грузией принято считать Сурамский (Лихский) хребет, поперечный хребтам Большого и Малого Кавказа, он пересекает Грузию в самом узком месте. Но диалектологам пришлось внести поправку, обнаружив, что на юге восточные говоры звучат значительно западнее Боржоми. А собранные мной фамилии показали, что преобладание западного *-дзе* севернее Куры продвинуто «навстречу», восточнее Сурами. По югу данные 1886 г. скудны, в Боржоми, Бакуриани грузин тогда было мало. В Чобисхеви всего 573 грузина, из них 435 — с «западными» фамилиями на *-дзе*. Еще юго-западнее, в Ахалкалакском р-не, по документам 1970—1971 гг. (в Баралети, Вачиани, Гогешени, Дилиска, Чунчхе), фамилии на *-дзе* охватывают даже $\frac{3}{4}$ грузинского населения. В полосе, вытянутой вдоль среднего течения Куры (в прошлом часть Картли), формант *-дзе* преобладает только на западе — в Хашурском р-не — и далее врезается глубоким заостренным клином на восток через район Карели (они и в 1886 г. преобладали в селах Абиси, Арабулани, Арехети и др.) в Горийский р-н (села Шертли и Арашенда), где фамилия с этим формантом и обрывается (в с. Арасхеви жили 93 носителя фамилий на *-дзе* и 91 — на *-швили*).

Разместив на карте по современному административному делению данные 1886 г., получаем поразительно четкий профиль этой полосы с запада на восток (в скобках приведены подсчеты по документам загсов 1970—1971 гг.), в %:

Район	-дзе	-швили	прочие
Хашури	76 (60)	24 (34)	—
Карели	40 (34)	59 (61)	1
Гори	28	66	6
Каспи	10	85	5
Мцхета	17 (17)	72 (74)	11 (9)

Акты загсов в отличие от переписи охватывают только часть населения, но отчетливо единая тенденция при достаточно крупном объеме подсчета позволяет предположить, что количественное выражение «соперничества» *-дзе* и *-швили* уловлено в основном верно: граница восточной и западной Грузии по формам фамилий проходит восточнее Сурамского хребта.

Таким образом, о зоне статистической вибрации *-дзе/-швили* можно говорить языком цифр, но предстоит провести сопоставление диахроническое.

Восточнее Сурамского хребта *-дзе* встречается гораздо реже: в Кахетии — только 3—7%. Несколько чаще они между Тианети и Телави. В северо-восточной Грузии фамилии на *-дзе* составляли лишь отдельные гнезда; несколько таких гнезд тяготели к Военно-Грузинской дороге, между Казбеги и Мцхета.

Но два крупных «острова» фамилий с формантом *-дзе* надо рассмотреть особо. На крайнем северо-востоке Грузии, в ущельях Главного Кавказского хребта у границ с Чечено-Ингушетией и Дагестаном, на территории, совершенно отрезанной от всей зоны преобладания форманта *-дзе* (бывш. р-н Омало, позже включенный в Ахметский), живут тушины. Почти $\frac{2}{3}$ их (1886 г.) имели фамилии с формантом *-дзе*, только 23% — *-швили* и 10% — *-ули*, *ури*. Многовековая оторванность Тушетии, все связи с которой ежегодно прерывались на 6 месяцев⁵, сказывалась во всем, и обособленность понятна. Проникновение форманта *-швили* из соседней Кахетии

тоже естественно: тушины, основой жизни которых было овцеводство, не могли существовать без летнего отгона овец в долины Алазани и ее притоков, поставляя за это царю Кахетии ежегодно 500 войнов и 600 овец. Но откуда, как и когда мог стать преобладающим западногрузинский формант *-дзе*? Пришли тушины с запада. Модель фамилий на *-дзе* не картлийская, а имеретинская, однако такого отдаленного очага тушин исследователи не знают. Некоторые дореволюционные исследователи высказывали даже догадку, что тушины возникли вне Грузии, но оснований для этого у науки нет⁶. Трудна и датировка: возникновение фамилий нельзя отнести в глубь веков, а поэтому и дальнейшему переселению целого народа трудно было ускользнуть от историков. Тушины на свою современную территорию могли привести с собой еще не фамилии, а их будущую основу *-дзе*.

Осталась не только не объясненной, но и незамеченной характерная деталь: в противоположность разной частоте соединительных гласных (*и*, *а*) в фамилиях тушин фигурировало только *и*. Например, в с. Гогрулти таковы все восемь фамилий (81 человек — Букурдидзе, Джохаридзе и т. д.), в с. Дано — 82 человека с *-идзе* (Татаридзе, Чернеидзе и т. д.) и ни одной фамилии с *-адзе*. В 1886 г. 2660 тушин носили фамилии с *-идзе* и только 162 — с *-адзе*. Такое соотношение, исключая случайность, требует внимания исследователей — оно существенно для истории тушин и их языка. Не связано ли оно с мегрельско-имеретинским законом появления *и* после основ с финальным *-а* (тушинские фамилии Бгардаидзе, Цайдзе, Гочилаидзе и др.). Или причины иные? Может быть, эта особенность поможет исследователям в поисках древнего очага тушин. Но все же большинство тушинских фамилий — без соединительного *-а-*: Бахоридзе, Хутидзе и др. И еще одна деталь, на которую никто не указал: сочетание *-аи-* (часто записано *-ай-*: Омайдзе, Идайдзе, Цайдзе и др. — переписные листы написаны по-русски) — тушинские фамилии сохранили древнегрузинскую форму. Заметила это Л. М. Чхенкели, которой автор благодарен.

Другой «остров» фамилий на *-дзе* — Тбилиси! Хотя город находится на территории преобладания фамилий на *-швили*, но каждая столица вбирает в себя черты всех частей страны. Любопытен парадокс: в Тбилиси фамилий на *-дзе* меньше, чем на *-швили*, а количество их носителей противоположно: *-дзе* около 45% при 30% *-швили*. Самые частые фамилии столицы: Джапаридзе (их

там больше 4 тыс.), Долидзе, Каландадзе, Лордкипанидзе.

На большей части восточной Грузии преобладают фамилии, образованные формантом *-швили*. Он тоже древен, известен с XIV в. (Бурдиасшвили в «Памятнике эриставов», но неизвестно, фамилия это или скользящее дедичество). В фамилиях Кахетии, по переписи 1886 г., он монополен: в бывшем Телавском у. формант *-швили* охватывал более $\frac{9}{10}$ всех жителей. В северо-восточной Грузии (бывшие Душетский и Тианетский уезды), кроме склонов Главного Кавказского хребта, к фамилиям со *-швили* принадлежало $\frac{2}{3}$ населения, как и западнее, в Карталинии (Мцхетский и Горийский уезды). В западной части Грузии фамилии со *-швили* тоже не единичны, в Раче и Лечхуме они лишь немного реже, чем с *-дзе*. Даже в самом центре преобладания *-дзе* фамилии с *-швили* сегодня охватывают почти $\frac{1}{4}$ населения, а на юго-западе (Гурия) — около $\frac{1}{5}$. Но на северо-западе они редки: в Мегрелии — около 5%, а в Сванетии не достигают и 1%.

Формантом *-швили* образованы несколько фамилий от женских имен: Тамарашвили, Шушанашвили, Жужанашвили, Дареджанишвили, Суликашвили. Нельзя связывать все эти фамилии с внебрачными детьми; возможно, они возникали, когда вдова на своих плечах вынесла воспитание детей и тяготы хозяйства⁷. Видимо, региональная повышенность частоты фамилий от женских основ обязана историко-бытовой особенности края (у французов она, по А. Дозе, характерна в Нормандии).

На западе Грузии заметную величину составляют фамилии на *-иа*, *-иа*: Цхакаиа, Читаиа (стечение гласных, избегаемое русским языком, в русском произношение йотировано, орфографически Цхакаия, Читаия). Формант происходит из мегрельского языка, ближайше родственного грузинскому. Исследователи видят в этой форме более раннюю форму *-иани* с последующим усечением финальной части. Первоначально такие именовании, видимо, служили определениями, по значению близкими к русским прилагательным⁸. В основах фамилий немало слов, собственно мегрельских (Чкониа из мегрел. *чкони* — «дуб», или Топуриа из мегрел. *топури* — «мед»).

На территории между Черным морем, Абхазией, Сванетией и нижними течениями рек Риони и ее правого притока Цхенис-Цкали фамилии на *-иа*, *-иа* охватывают большинство населения: в районе Гегечкори, по документам 1970—1971 гг., они охватывают 61%, в районе Хо-

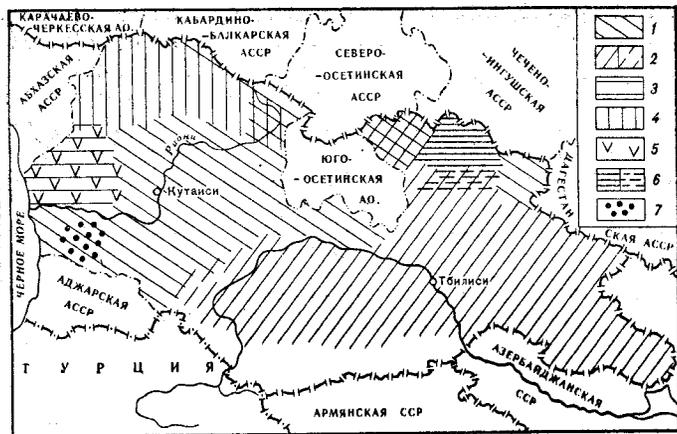
би — 52%; среди них фамилии на *-иа* (Жвания, Цхадая) встречаются в несколько раз чаще, чем на *-иа* (Дондуа, Стгура). Есть они в Сванетии (Цхадау) и в соседней Абхазии. А к югу от Риони частотность их резко падает: в Гурии они не превышают $\frac{1}{10}$, восточнее, в Имеретии, еще меньше — 3%, дальше они лишь единичны (кроме Тбилиси, где они занимают третье место после *-дзе* и *-швили* — около 9%, т. е. более 100 тыс. человек).

Значительно меньше (и количественно и территориально) распространены фамилии на *-ава*, также мегрельского происхождения: Папава, Лежава, Чикобава и др. Этимологии многих фамилий с *-ава* неясны. Слова, из которых они возникли, утрачены и восстановимы лишь путем исторической реконструкции (в частности, с помощью словаря А. С. Чикобава)⁹. На Черноморском побережье, севернее устья Риони, фамилии с *-ава* занимают второе место, уступая только фамилиям на *-иа*, *-иа*; например, в районе Хоби они охватывают около $\frac{1}{3}$ всего грузинского населения (особенно их много в с. Патара-Поти на Риони, но ареал их невелик). Даже рядом, в Гурии, им принадлежит только около 3%, восточнее, по всей Имеретии, они не везде достигают даже 1%, а дальше представлены лишь одиночными семьями, за исключением Тбилиси, где они составляют 3—4%.

Формант *-ава* казался Н. Я. Марру измененным абхазским *-ба*. Но такая связь (видимо, навеянная территориальной близостью), иллюзорна. Ее убедительно отверг С. Джанашиа, он предположил происхождение *-ава* из мегрельского *-ван* с усечением финального *-н*. Это поддержал Г. В. Робава¹⁰. Однако позже выдвинуто иное объяснение: мегрельское *-ава* происходит из грузинско-сванского *эл-а*, переход *л* в полугласный звук *е* — результат лабиализации (огубления) *л*¹¹. За скудостью аргументов спор рано признать решенным.

В живой речи мегрелов интервокальное *е* нередко выпадает и *-ава* произносится как долгое *а*¹², но на письме это не отражается.

В Сванетии более $\frac{4}{5}$ населения носят фамилии, образованные грузинским и сванским формантами *-ани*, *-иани*. Он развил различные оттенки значений от «принадлежащий кому» до «обладающий чем», а также собирательность — *лелиани* — «камьши». Этот формант образовал много грузинских слов (*марилиани* — «соленый» из *марили* — «соль»; *цолиани* из *цоли* — «жена» и т. д.). В инверсионном («обратном») словаре грузин-

Карта 7. Зоны распространения грузинских фамилий с окончаниями на:

1 — *-дзе*; 2 — *-швили*; 3 — *-иа*, *-иа*; 4 — *-ани(-иани)*; 5 — *-ава*; 6 — *-ули*, *-ури*; 7 — *-(н)ти*
Сплошные линии означают преобладающую форму, прерывистые — форму менее частую

ского языка приведено 4197 слов на *-ани*, из них 3272 — на *-иани*¹³. Первоначальные значения образованных им фамилий: Зурабиани — «принадлежащий Зурабу» (т. е. потомок Зураба); Орбелиани — «принадлежащий к роду Орбели»; Ониани — «прибывший из Они» (Они — центр смежного со Сванетией района).

Самая частая фамилия сванов — Липартелиани. Она широко распространена в Нижней Сванетии (села Лентехи, Хеледи, Хопури, Чалури и др.). Ее основа — *липарителли* (выпадение среднего *и* закономерно из-за редукции в сванской речи), в которой *-ели* — «суффикс происхождения» (ср. фамилию Кутатели из нарицательного *кутатели* — «кутаец», т. е. прибывший из г. Кутаиси). Но значения суффикса не ограничены указанием на место, а значительно шире, он присоединяется и к личным именам, и к нарицательным. Отчленив его, находим основу *липарит*. У грузин давно известно мужское личное имя *Липарит* и патроним от него — *Липаритет*. Старейший пример — Липаритет при дворе царицы Тамары (1036 г.). В 1615 г. известен Липартиан — правитель Мегрелии. Впервые об именовании с *-ет* писал в 1849 г. грузиновед Броссе: «Форма Давидет, фамилия, очень архаична и не более двух-трех раз встречается в грузинских памятни-

как: Липаритет, сын Липарита»¹⁴. Это наблюдение проскользнуло незамеченным. Спустя сто лет С. Джанашиа вскользь упомянул: «Форма Липаритет является одной из форм грузинских фамилий»¹⁵. Но только позже В. Дондуа посвятил ей содержательную заметку, собрав многочисленные примеры из документов, преимущественно XIII в. (Кононет, Ноносет, Павлеет и др.), справедливо указав, что их «не замечают или трактуют неверно»¹⁶. Он видит в форманте *-ет* показатель множественности (с чем связан и формант *-эти*, обычный в грузинских названиях стран — Осети, «страна осов», т. е. осетин). Но сомнительно признавать эти примеры фамилиями: возможно, это еще родовые имена, так сказать, «прафамилии», в лучшем случае «протофамилии». Но вероятнее всего возникновение имени на почве сванского языка, в котором префикс *ли-* чрезвычайно част, образуя существительные и прилагательные.

Фамилии, образованные с *-ани*, *-иани*, очень часты и в Лечхуми — в горных долинах южных склонов Главного Кавказского хребта у границ Сванетии. Там фамилии с *-ани* охватывают 38% всего населения (уступая только фамилиям с *-дзе*). Конечно, это не путь сванов из долины в горы, напротив, они пришли из Колхиды. Но сваны не принесли фамилии с собой, с юго-запада, а приобрели их уже на своей современной родине, юго-восточным флангом которой была и территория Лечхуми.

Формант *-ани* — общий для грузин. Он нередок в фамилиях вне Сванетии (Абастиани, Мибчуани и др.), но только в Тбилиси и в Раче (соседней с Лечхуми и Сванетией) достигает 4%; по всей западной Грузии таких фамилий 1—3%, а в восточной Грузии — менее 0,1%.

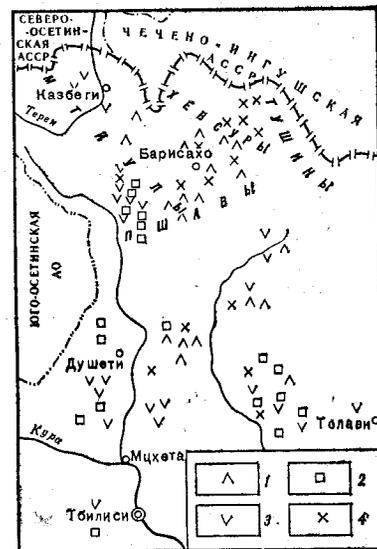
Иные фамилии звучат в горах и предгорьях на севере восточной Грузии. У населяющих ее хевсуров, пшавов, мтиулов преобладают фамилии, образованные формантом *-ули* (*-ури*), древнегрузинским, но живым и поныне (*русули* — «русский»). Основы фамилий Алудаури, Цискариули, Чинчараули и др. — старинные хевсурские церковные мужские имена, значения некоторых утрачены, некоторые ясны: хевсур. *чинчара* — «крапива». Возможно фамилия навеяна формулой, еще недавно произносимой жрецом на мтиульской свадьбе: «Чтоб потомство размножилось, как крапива»¹⁷. Среди основ всех фамилий с *-ули*, *-ури* нет ни одного церковного имени, хотя христианство у горцев Центрального Кавказа на несколько столетий старше фамилий. Это существенное

противоречие не замечено исследователями. Конечно, церковное имя получал каждый, но в повседневной жизни господствовало привычное, родное, точно так же, как устойчиво сохранялись обычаи или одежда.

Время возникновения горских фамилий неизвестно, но есть относительная дата «не позже»: герой народных сказаний *Апциаури* поднимал народ на борьбу с феодалами в начале XVII в. Выбор *р/л* в этих фамилиях фонетически диссимилятивен по отношению к основе: если в основе есть *л*, то в суффиксе появляется *р* (Циклаури), а если в основе *р*, то в суффиксе — наоборот *л* (Арабули).

У хевсур эта форма фамилий почти монопольна. В самых северных горных селениях Гудани, Гули, Шатели она охватывала 95%: из 2600 человек только 130 носили другие фамилии. В зоне хевсурского центра Барисахо семь селений (800 человек) составляли только носители фамилий на *-ури* (*-ули*), а в трех меньших селениях обитали 202 носителя фамилии *Ликокели*. На Черной Арагве (ущелье Гудамакари) фамилии с *-ури* составляли 85% (все данные 1886 г.).

Южнее, у пшавов, связанных с кахетинцами теснее, чем изолированные высокими хребтами хевсур, модель фамилий с *-ули*, *-ури* менее часта, чем в Хевсуретии; она охватывала треть пшавов, как и у мтиулов на р. Белая Арагва. Вдоль Военно-Грузинской дороги от Душети до Казбеги нередки фамилии на *-швили* и даже *-дзе*, но и в душетских низовьях Арагвы фамилии на *-ули* все же составляли 20%. Они распространялись и юго-западнее — на Куру: в с. Шубати (ныне в южной части района Каспи) перепись 1886 г. зарегистрировала Бекаури, Циклаури, Апциаури, совсем как на Черной Арагве, т. е. фамилии

Карта 8. Миграция частейших пшавских и хевсурских фамилий (по данным 1886 г.)

1 — Арабули; 2 — Апуиаури; 3 — Циклаури; 4 — Чинчараули

прямо указывают, откуда и куда шла миграция горцев.

Возвращение горцев в долины из высокогорных ущелей, куда отгеснили их бывшие нашествия, началось давно. Документы сообщают о неоднократных переселениях во второй половине минувшего столетия. Совершались они и постепенно, на близкие расстояния, но были и дальние переходы. Немалый материал о них собрал в своей диссертации Р. А. Топчишвили, указав и литературу вопроса¹⁸. Но даже не будь ни одного документа, достаточно нанести на карту распространение фамилий, чтобы получить картину миграции в низовьях Арагвы, Иори, Алазани, а местами и дальше — вверх и вниз по Куре. Рассказ обо всем этом потоке занял бы десятки страниц, но приходится ограничиться примером двух фамилий, опускаая названия сел и количество носителей. Фамилия Циклаури записана в 35 селениях — от Казбека вдоль Арагвы и Иори на юг почти до Мцхета, на юго-восток почти до Телави; фамилия Чинчараули — в 17 селениях — от Шатили (у границ с Чечено-Ингушетией) на юг до Душети и за Тианети. В Тианетском у. и северо-западной части Телавского у. носители фамилий с формантом *-ули*, *-ури* в 1886 г. составляли от 20 до 30% населения, у Телави и дальше они едва достигали 2%. Некоторые оседали и в Тбилиси.

В противоположность равнинной Грузии, где селения многофамильны, на северо-востоке характерна чрезвычайно высокая концентрация: иногда не только целые селения, но и группы их заселены однофамильцами. По переписи 1886 г. в селениях Гвелети, Датвиси, Охерхеви, Чирдили все 73 двора с 314 жителями носили фамилию Арабули, в с. Гуро все 220 жителей были Гогочури, в с. Бло все 192 жителя — Гигаури. Это не исключение. Неудивительно, что нередко название села тождественно с фамилией жителей. В горах смешение населения затруднено, приток извне там слабее. Аналогичное явление в Верхней Мегрелии отметил П. А. Цхадая¹⁹. Но вероятно, еще сильнее действовал другой фактор: давление общинного уклада, в силу которого селились и переселялись не отдельными семьями, а целыми группами их — патронимиями. Фамилии образуют огромные массивы: Арабули встречены в 20 селениях — 1158 человек, Чинчараули — в 17 селениях — 885 человек (1886 г.) и т. д.

Семьи были чрезвычайно крупны. В материалах переписи 1886 г. семьи в 20—30 человек нередки. У горцев

Гудамкарского ущелья еще в 20-е годы нашего столетия сохранялись семьи в 30—40 человек²⁰. Процесс распада больших семей протекал уже в XIX в. — в переписных листах 1886 г. постоянны пометки: «семь лет живут раздельно без приговора общества» (в с. Миделаури, где 49 жителей носили фамилию Миделаури), т. е. семья выделилась самовольно; община много лет отказывалась узаконить раздел.

Соотношения компонентов фамилий исторически изменчивы. Так, у пшавов за последние столетия новые фамилии, возникая при дроблении больших семей, образованы формантом *-швили*, а не *-ур* или *-ул* (сообщили Г. Джавахишвили и Р. Топчишвили).

По счастливому совпадению из этнографической экспедиции с Черной Арагвы этнограф Академии наук ГССР Т. Ш. Цагарейшвили привезла материал о современных фамилиях на Черной Арагве, и мы смогли положить рядом наши данные по каждому селу. За 100 лет произошли немалые перемены в жизни горцев: ликвидация эксплуататорских классов, сдвиг населения из высокогорных ущелей в долины, исчезновение мелких поселений. Но соотношения форм фамилий все же еще близки: в Китохи и окружающих пунктах сегодня те же фамилии (Бекаури, Циклаури), как и сто лет назад, однако ушли фамилии на *-швили*, которые и 100 лет назад были наносными.

В целом же повсюду заметно убывает замкнутость фамилий. Для сопоставления рассмотрим соотношение носителей фамилий на *-ули*, *-ури* в названных областях и на смежных территориях (в приведении к современному административному делению) по отношению ко всему населению, в %:

	1886 г. (перепись)	1970—1971 гг. (агс)
Район Казбеги	42	26
Север Душетского р-на	95	85

То есть в эти местности к коренному населению приливают приезжие из разных концов Грузии. Местное население также не остается неподвижным — по всей Грузии можно встретить фамилии с формантом *-ули*, *-ури*. Общее количество их носителей — несколько десятков ты-

сяч, из них приблизительно 15 тыс. — в Тбилиси (1% жителей города).

Не очень многочисленны носители фамилий, образованных формантом *-ели* (Мехатели, Церетели), о котором уже шла речь, а самих этих фамилий лишь несколько десятков. Они разбросаны гнездами по многим местам Грузии. В основе этих фамилий — топонимы (Мтацминдели от Мтацминда — «святая гора» над Тбилиси), этнонимы (Ишавели), антропоним (Баратели) или нарицательные. Самое крупное гнездо фамилий на *-ели* встречаем на крайнем севере восточной Грузии, в центре Хевсуретии. Там посреди сплошной массы фамилий с формантом *-ули* перепись 1886 г. зафиксировала 202 человека по фамилии Ликокели (в селениях Чана, Карцаульта и др., где не было ни одного человека с другой фамилией). Другие гнезда форманта *-ели* находим в районах Они, Мцхета, Тианети, Телави; в Тбилиси носители фамилий на *-ели* составляют более 2% — Церетели, Амашукели, Вешапели, Гамрекели и др. Нелишне предостеречь, что не единичны фамилии, в которых окончание *-ели* не суффикс, образующий их. Например, фамилия Амаглобели отглагольна — причастие «возвышающий», а Гвардцители из *цители* — «красный». Многие фамилии с этим формантом дооформлены другим формантом (Гогелиани, Кварацхелиа и др.).

Совсем мало фамилий на *-(н)ти*, но они очень часто повторяемы: Жгенти, Глонти. Очаг их строго очерчен территориально — Гурия на юго-западе Грузии (районы Ланчхути, Махарадзе, Чохатури). Но и здесь они составляют около 1%, кроме отдельных селений, как Акети в районе Ланчхути, где особенно много Глонти. Этот формант — занского (лазского) языкового происхождения, в нем *-н* — соединительный компонент. Предполагаемая связь *-(н)ти* с общегрузинским *-мт-*²¹ не проясняет его возникновения и первоначального значения.

Лазский язык господствовал в Колхиде античной эпохи. Еще в XIX в. лазы там были многочисленны; большинство их оказалось в Турции, некоторая часть в начале нашего столетия обитала севернее — в Имеретии и Абхазии. И. Р. Мегрелидзе привел 23 лазских фамилии, опубликованных в лазской газете «Мчита Мурцхули», выходившей в 1929 г. в Сухуми²², — все с окончанием *-ши*. В основном лазы слились с близкородственными им мегрелами. Из их языка и дошел формант *-ши*, которым в Гурии образованы фамилии Тугуши, Халваши, Цулуши,

Кутуши, Накаши и др. (если основа оканчивалась сонорными согласными *р, л, н, м*, то вместо *-ши* звучало *-чи*). У мегрел эти фамилии оканчиваются на *-шиа* (фамилия Джанашиа). В лазском языке этот формант образовывал прилагательные со значением принадлежности. Полвека назад эти окончания уже не воспринимались как суффикс, полностью слившись с основой. Фамилий этих гораздо больше, чем с *-(н)ти*, но по количеству носителей соотношение обратно. Они сегодня нередки в Ланчхутском и Махарадзевском районах.

Единичны у грузин заимствованные фамилии с *-ба* (абхаз. *ба* — «дита»), единственная — со старинным адыгейским *-ква* (редкая фамилия Ингороква, она же псевдоним известного писателя И. Ингороква), армянские с *-ян* (из *-яну*).

В западной Грузии были характерны формы именования женщин. В своей работе «Женские фамильные именованья в южнокавказских языках и фольклоре» И. В. Мегрелидзе привел ценные, но, увы, очень фрагментарные сведения о них²³. В 30-х годах нашего века старики Гурии еще помнили, что замужних женщин раньше называли их девичьей фамилией; при обращении к родственникам или упоминая их заочно заменяли окончания *-дзе, -швили, -иа, -уа* и др. на *-пхе*. В далеком прошлом существовали видные лазские роды Журданипхе, Контипхе, Почупхе и др.²⁴, т. е. *-пхе* служило когда-то признаком не пола, а знатности с последующим упрощением в *-хе* (Лолухе из фамилии Лолуа, Кацрихе от Кацарава), а значение его стерлось и даже превратилось в противоположное. Исследователь отметил, что в 30-х годах нашего столетия *-пхе* имело уже немного пребрежительный оттенок. Замужних женщин обычно называли по фамилии мужа, употребляя впереди девичью фамилию, т. е. имя отца в родительном падеже — с показателем *-ис*: Долидзис асули Беридзе — «дочь Долидзе, по мужу Беридзе» (*асаули* или *кали* — «дочь»). Налицо яркие социальные и языковые процессы, пока еще ускользнувшие от научного изучения. Их значительность ясна из широких параллелей: самую яркую героиню древнерусской поэзии именуют лишь по отчеству — Ярослава; спустя столетия зафиксированы в Новгороде именованья жен по мужу — Павлиха, Иваниха (подобное известно и у южных славян). Исторически менялось положение женщины, менялось и ее именование.

По частотному соотношению форм фамилий в Грузии можно выделить 12 территорий:

1. *Гурия*. Юго-западная Грузия между Аджарской АССР, Черным морем и нижним течением Риони. Административные районы: Ланчхути, Махарадзе, Чохатаури. Преобладает формант *-дзе* (больше половины жителей; 20% — *-швили*), нередки фамилии на *-иа* (больше 12%), *-ава* (3%), единственный в мире очаг *-(н)ти* (Жгенти, Глонти), хотя они составляют только 1%; есть *-ши*.

2. *Мегрелия*. Северо-западная Грузия, между Абхазской АССР, Черным морем и нижнем течением Риони. Районы: Хоби, Миха Цхакая, Потги, Зугдиди, Гегечкори, Чхороцку, Цаленджиха. Абсолютно преобладают фамилии на *-иа*, *-иа*, охватывая от 50 до 60%; на *-ава* — 24%, *-дзе* — от 10 до 16%; реже — на *-швили* (4–6%), заметны *-ани* (2%).

3. *Сванетия*. Районы: Местия и Лентехи. Абсолютно преобладают фамилии на *-ани*, *-иани* — свыше 80%; есть на *-дзе* (9%), *-иа*, *-иа* (до 5%).

4. *Лечхуми и Нижняя Рача*. К югу от Сванети, в основном районы Цагери и Амбролаури. Преобладают фамилии с формантом *-дзе* (46%), очень много с *-ани* (38%), есть *-швили* (8%), *-иа*, *-иа* (3%), *-ава*, *-ели* (по 2%).

5. *Рача*. Район Они. Фланг «зоны вибрации» фамилий на *-дзе* (48%) и на *-швили* (42%), нередки с *-ели* (6%) и *-ани* (4%).

6. *Имеретия*. Остальные районы западной Грузии от Самтредиа до Орджоникидзе включительно. Абсолютно преобладают фамилии с формантом *-дзе* (свыше 70%); со *-швили* охватывают около 1/4 населения; с *-ава* (западнее) и *-ани* (севернее) — по 1%.

7. *Картлия*. Полоса южнее Юго-Осетинской АО вдоль среднего течения Куры. Районы: Хашури, Карели, Гори, Каспи, Мцхета. «Зона вибрации» формантов *-дзе* (на западе охватывают 3/4 всех жителей, на востоке — 1/10) и *-швили* (от 1/4 на западе до 2/3 на востоке).

8. *Северо-Восток*. Районы: Душети и Тианети. В северной части, заселенной издавна пшавами и хевсурами, преобладают фамилии с формантом *-ули*, *-ури*; в южной части они охватывали 20–30% жителей; напротив, *-швили* при небольшом количестве их на севере составляют до 2/3 на юге.

9. *Хевс*. Район Казбеги, граничащий с Северо-Осетинской АССР и Юго-Осетинской АО. Больше 40% фамилий со *-швили*, больше 25% — с *-ули*, *-ури*; в 1886 г. много с *-идзе*.

10. *Тушетия*. У границ с Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР, бывший район Омало, ныне северная часть Ахметского р-на. Абсолютно преобладали *-идзе* (почти 2/3), остальные со *-швили*, *-ули*, *-ури*.

11. *Кахетия*. Вся юго-восточная Грузия. Районы: Телави, Сигнахи, Кварели, Гурджаани и др. Почти монопольны фамилии со *-швили*: на большей части они преобладают 90%, местами вкрапления фамилий со *-дзе* (3–4%), *-ули*, *-ури* (1–2%).

12. *Тбилиси*. Как в каждой столице, представлены черты всех частей Грузии. Преобладают фамилии на *-дзе* (больше 40%) и *-швили* (около 30%), а также *-иа*, *-иа* (меньше 10%), *-ани* (4%), *-ули*, *-ури* еще реже; небольшое количество на *-нти*.

Соотношения частотностей форм фамилий следующие:

Территория	<i>-идзе</i>	<i>-швили</i>	<i>-ани</i>	<i>-иа</i> , <i>-иа</i>	<i>-ава</i>	<i>-ули</i> , <i>-ури</i>	<i>-(н)ти</i>	Прочие
Гурия	58	20	3	13	3	—*	1	2
Мегрелия	9	5	2	59	24	—	—	1
Сванетия	9	1	84	5	—	—	—	1
Лечхуми	46	8	39	3	2	—	—	2
Нижняя Имеретия	72	24	1	1	1	—	—	1
Рача	49	41	4	—	—	—	—	6
Мцхета	16	72	—	—	—	7	7	5
Душети и Тианети	14	43	—	—	—	37	—	6
Казбеги	15	57	—	—	—	26	—	2
Тушетия	76	11	—	—	—	13	—	—
Кахетия	8	90	—	—	—	1	—	1
Тбилиси	45	30	4	9	4	2	—	6

* Тире означает отсутствие фамилии, точка — наличие меньше 0,5%.

Вне рассмотрения оставлена вся южная полоса Грузии. В XVII в. ее полностью опустошили шахские и султанские полчища. Грузины туда стали возвращаться пос-

ле присоединения к России, но даже в конце XIX в. там их было мало. Позже они переселялись туда из разных частей Грузии, и фамилии их представляют собой пеструю картину, для анализа которой нужен слишком большой материал, каким автор еще не располагает. Другой минус материала — отсутствие данных о высоте местностей. В такой горной стране, как Закавказье, вертикальная зональность в любом отношении играет такую же роль, что и горизонтальная. В моих работах это показано на примере топонимии²⁵.

Конечно, большая часть сказанного по отношению к распространению фамилий относится к уходящему прошлому. С былой разобщенностью и враждой покончено навсегда. В современной советской Грузии сваны, пшавы, мегрелы трудятся, учатся, отдыхают рука об руку в цехах Рустави и аудиториях Тбилисского университета, на шахтах Ткибули и пляжах Колхиды. Между ними нет былых границ. Сегодня обычны семьи, в которых сван женат на кахетинке или мегрелка замужем за хевсуром. Их ребенок растет членом единой грузинской социалистической нации. Как и из каких этнических общностей и этнографических групп она сложилась, рассказывают фамилии, отражающие историю народа и его языка.

- ¹ Исторический архив Грузии (Тбилиси). Ф. 254.
- ² *Глонти А. А.* Картвельские собственные имена. Тбилиси, 1967 (груз. яз.); *Он же.* Топонимические разыскания. Тбилиси, 1971—1982. Вып. 1—4 (На груз. яз.); *Макалагия С. И.* Хевсурети. Тбилиси, 1940; *Чарквиани А.* Сванети. Тбилиси, 1967. (На груз. яз.).
- ³ *Алавидзе М.* Лечхумские топонимы // Тр. Кутаис. пед. ин-та. Кутаиси, 1958. Т. 18. На груз. яз.
- ⁴ *Махароблишвили Э. Г.* Диалектология и ономастика Кварельского района. Тбилиси, 1974. На груз. яз.; находится в библиотеке тбилисского университета.
- ⁵ Материалы для этнографического изучения Тушетии. Тбилиси, 1967. На груз. яз.
- ⁶ *Лагазидзе В. А.* Историко-этнографическое прошлое Тушетии. Тбилиси, 1967.
- ⁷ *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974. С. 199.
- ⁸ Иначе, по мнению Н. Я. Марра: *-иа* — уменьшительная форма мегрельского слова со значением «дитя» с древним фонетическим двойным *-уа* (*Март Н. Я.* Языковая политика яфетической теории. М.; Л., 1931 (гипотеза эта не получила поддержки).
- ⁹ *Чикобава А. С.* Чанско-мегрельско-грузинский словарь. Тбилиси, 1938. С. 94.
- ¹⁰ *Рогава Г. В.* К суффиксации некоторых грузинских фамилий // Тр. Кутаисского пед. ин-та. Кутаиси, 1955. Т. 13. На груз. яз.
- ¹¹ *Калдани М. М.* К вопросу о суффиксе *-эл/-ав* в картвельских фамильных именах // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1960. Т. 22. На груз. яз.

- ¹² *Мегрелидзе И. В.* Лазский и мегрельский слои в грузинском. М.; Л., 1938. С. 147.
- ¹³ *Почхуа Б.* Инверсионный словарь грузинского языка. Тбилиси, 1967. С. 357—370. На груз. яз.
- ¹⁴ *Brosset M.* Reports sur un voyages archéologique. СПб., 1851. XII. С. 77.
- ¹⁵ *Джанашиа С.* Тубал-Табал // Тр. Ин-та языка и истории материальной культуры. Тбилиси, 1937. Т. 1. С. 214.
- ¹⁶ *Дондуа В.* «Липаритет» — формы грузинских фамилий в источниках // Тр. Тбилис. ун-та. Тбилиси, 1948. Т. 33-В. На груз. яз.
- ¹⁷ *Панек Л.* Мтиулы. Тбилиси, 1928. С. 10.
- ¹⁸ *Топчишвили Р. А.* Культурно-исторические вопросы миграции горского населения Восточной Грузии. Тбилиси, 1961.
- ¹⁹ *Цадаиа П. А.* Топонимия горной Мегрелии. Тбилиси, 1975; *Цадаиа П. А.* О функции префикса на в антропонимах Горной Мегрелии // Машне. Тбилиси, 1974. № 1. На груз. яз.
- ²⁰ *Панек Л.* Мтиулы. С. 11.
- ²¹ *Мегрелидзе И. Р.* Лазский и мегрельский слои в гурийском. Л., 1938. С. 141.
- ²² Там же. С. 140.
- ²³ Памяти акад. Н. Я. Марра. М.; Л., 1938. С. 152—181.
- ²⁴ Там же. С. 176.
- ²⁵ *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1964. С. 103—104.

МНОГОЛИКОЕ ЕДИНСТВО

Установление фамилий как распространенной по всему миру антропонимической категории, главной в системе личных именовании, совсем не означает их унификации. Историко-этнографические различия народов и различия языков, а также и неодинаковые пути формирования фамилий, переплетаясь, обусловили пестрое многообразие их у разных народов мира. Здесь можно рассмотреть лишь немногие из многих различий.

Даже беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть самое резкое различие, сразу бросающееся в глаза: в германских языках преобладают необычные для русских фамилии, состоящие из двух основ. В немецких фамилиях, кроме «сын» — *Sohn*, бесчисленны *-mann* — «человек, мужчина» (Кауфман, Гофман), нередки другие компоненты. В английских встречаем *-ton* (из *town* — «город» — фамилии по названию места, которым ее носитель владел или из которого он прибыл). Все 30 самых частых фамилий Швеции (первые по частотности) без исключения двусловны: Андерсен, Иоханссон, Карлссон, Нилссон, Эрикссон, Ларссон, Олесон, Петерссон, Свенссон, Перссон и т. д.¹ Кроме компонента *-son* — «сын», часты *-berg* — «гора»:

более 500 разных фамилий — Линдберг, Лундберг, Сандберг и пр.; *-ström* — Линдстрем, Берстрем; *-kvist* — «ветвь, ответвление» — Алмквист, Блумквист; *-lund* — «долина» — Берглунд, Эклунд и др. Двусосновые фамилии охватывают 85% всех шведов. У русских двусосновые фамилии (Белоглазов, Пивоваров) охватывают только 0,5% населения.

В словообразовании германских языков (немецкий, все скандинавские, английский, голландский, фризский, идиш и ряд мелких) господствует словосложение; каждый, учась немецкому или английскому, запомнил с детства обилие составных слов в них (компози́ты). В словообразовании славянских языков, напротив, абсолютно преобладает аффиксация, для имен — суффиксация; еще во времена общности индоевропейских языков (к которому принадлежат и славянские наряду с балтийскими, романскими, иранскими и др.) произошло разделение: префикс образовывал преимущественно глагол, а суффикс — имя. У 1/10 всех русских фамилии состоят из основы и суффикса: Кузнец-ов, Ван-ин, Гор-ский. У болгар монополюны фамилии с *-ов*, *-ев* (Живков, Тодоров, Ботев, Дельчев, 80% населения), у сербов — с *-ич* (больше 1/10), у поляков — со *-ски* (*-цки*) (Ковальский) и *-овач*, *-евич* (Мицкевич), у украинцев — с *-енко*, *-ук*, *-чук*, *-ак*. На лицо два прямо противоположных типа.

Германским языкам суффиксация тоже не чужда, и соответственно там доля суффиксальных фамилий заметна, например немецкие с *-er* (Мюллер, Фишер). Этот формант образовал *nominae agentis* — «имена деятелей», т. е. именованья человека по его занятию, и восходит к лат. *-ar*. Сравните русские: столяр, писарь и т. п. Но в русских фамилиях формант как бы прикрыт суффиксом фамилии (Столяров, Гончаров, Писарев), а в немецких он отчетлив: Мюллер — «мельник», Фишер — «рыбак», Беккер — «булочник, пекарь», хотя это суффикс не фамилий, а еще самих основ их.

Есть еще группа фамилий, которые ошибочно причисляют к суффиксальным: именованья, образованные косвенным падежом существительного. Таковы немецкие фамилии с *-s*: Маркс, Энгельс. В них *-s* не суффикс словообразования, а грамматический морфологический (т. е. словоизменяемый) показатель родительного падежа — «сын кого» — Энгеля, Марка. В английском языке, где падежи отмерли, пережиточно уцелел реликтивный «генитив» Джонс, т. е. сын или работник Джона. Отсюда двойные

ss и *Nik-s-son*, *Ler-s-son* (из Ник — краткая форма имени Николай, Лар — краткая форма имени Лаврентий). Интересны несколько десятков чешских фамилий в глагольной форме 3-го лица прошедшего времени (привожу в буквальной транскрипции — значения тождественны русским): Выскочил, Проскочил, Заблудил, Недопил, Закурил, Зазвонил, Строил.

В русском языке грамматически образованы фамилии в форме родительного падежа множественного числа — Долгих, Босых, а также две редких группы фамилий в форме родительного падежа единственного числа: одни в написании, соответствующем живому произношению, — Хитрово, Дурново; другие, наоборот, в архаичной, отброшенной орфографии. Примеры таких фамилий почти исчерпаны в юмористических стихах А. К. Толстого (кроме них, известно только еще 5 подобных фамилий):

- Кто ж Живаго? — Я Дурнаго,
- Ты — Живаго? — Нет, Мертваго!
- Я — Петраго-Соловаго!

Четвертая форма фамилий характерна для французского (слабее — для других романских) и кельтских языков — ирландского и шотландского. В них повторяемые компоненты не постпозиционные, а, наоборот, препозиционные, т. е. не следуют за основой, а предшествуют ей. Таковы шотл. *мак-* (из гэл. *мас* — «сын»). Макадам — «сын Адама», Макартур, Макдональд — первоначально были индивидуальным личным именем; Макбет — «сын живого». Написание различно: MacAdam, McAdam, M'Adam, Махадем; ирл. *О'* (предполагают из предлога со значением «от», т. е. означающего потомка, или из *auas* — «сын»): О'Брайен, О'Нейл, О'Коннел.

Французское *de-* (*d'*, *de la*, *du*) — артикль, предшествующий основе, означает «от, из», указывая на местность, которой владел или в которой жил именуемый: Демулен — «с мельницы», Дюма — «с хутора», Дюпон — «от моста». Эта форма вошла и в другие романские языки — итальянский, испанский. Французский определенный член *la*, *le* также представлен в фамилиях (Лафонтен — *la fontaine* — «родник», слово женского рода).

Пятая форма фамилий, свойственная и романским, и германским, и многим другим языкам индоевропейской семьи, очень часта — основа без каких-либо аффиксов, «чистая» или, как по-немецки ее называют, *bloss* — «голая». К ним принадлежит самая частая немецкая фами-

лия Шмидт и самая частая английская — Смит, значение обеих — «кузнец»; нередки фамилии Берг — «гора», Бах — «ручей», Шварц — «черный» или из неизменных личных имен — Адам, Арнольд, Пауль. При всей распространенности у народов Западной и Средней Европы этот тип фамилий перешагнуть границу русского языка не смог, но нередок у белорусов и украинцев.

Очерчено грандиозное здание — сложная система фамилий, нечто подобное системе мирового времени. Но тут возникает коренное возражение, часто игнорируемое исследователями: а можно ли признать все эти фамилии образованными действительно словосложением, аффиксацией и т. д.? Ведь именованья Мюллер, Беккер существовали в немецком языке еще за много веков до фамилий, как и русские отчества *иванов, кузнецов, рыбин*. Фамилиями они стали в этой готовой форме, в них *-ов, -ин* еще дофамильны, а не возникли в некий момент превращения отчества в фамилию. Таким образом, приходится признать, что каждая фамилия возникла в форме чистой («голой») основы — таковой для нее было все богатство предыдущих этапов истории данного слова.

Как могли исследователи не заметить этого? Лингвистов прошлого собственное имя интересовало не само по себе, а единственно как свидетельство, что в таком-то языке некогда существовало данное слово. Но при изучении словообразования ценны два подхода, которые можно назвать актуальным и накопительным. Актуальный учитывает последний, заключительный этап (для фамилий — внешне нулевой, когда или именование профессии предка (*шмидт* — «кузнец»), или отчество (*кузнецов*) совершает смысловой прыжок, переходя в иное качество — фамилию, при этом без каких-либо видимых изменений), а накопительный — суммирует все предыдущие этапы истории данного слова. Приведем сравнительно простой случай — [(*За/бег*)-ал]ов. Такая методика позволяет в любом масштабе сопоставлять по обоим осям — и языков, и типов словообразования.

При этом языки влияли один на другой, а бесчисленные миграции населения непосредственно разносили фамилии до самых дальних стран. В США собраны фамилии со всей Европы, в Канаде — множество украинских фамилий. Но понятно, что языковые связи тем теснее, чем народы территориально ближе. А. Доза отметил, что составные фамилии (композицы), не очень изобильные у французов, характернее для Лотарингии и Франш-Кон-

те, где нередки Жандидье, Жанруа и др.², но именно эти территории всего сильнее подверглись в прошлом воздействию германских народов и присоединены к Франции только в XVIII в. В славянском мире фамилии в форме «чистой» основы чаще всего встречаются на западе — у чехов, несколько столетий угнетенных немецкими феодалами, а также у словенцев, реже у поляков и словаков; с запада они заметно вошли в употребление украинцев и белорусов; с востока к западу убывает у славян абсолютное преобладание суффиксации в фамилиях.

* * *

Семантика (т. е. значения) русских фамилий Волков, Мухин казалась простой и ясной — ведь в них такие понятные каждому слова — волк, муха. Но обе фамилии патронимичны (отчества!).

Подлинные значения фамилий, как и все понятия, нечислимы. Можно привести некоторые основные группы системы фамилий, предупредив, что семантика фамилий далеко не всегда выводима из них самих.

А. Патронимичные. Они выражают связь с предками: Вильсон — «сын Вильяма»; Клаусон — «сын Клауса», т. е. Николая, со всеми фонетическими вариантами слова «сын» *-son, -sen, -zon*; в иранских языках — *-заде* — «ребенок» (тадж. Турсун-заде); в тюркских — *-оглы, -оглу* — «сын» (тур. Джафароглы); в грузинских — *-швили* — «рожденный», *-дзе* — «сын» (Бакрадзе, Гелашвили); в абхазских — *-ба* (Бгажба); в шотландских *мак* (Макмагон); в ирландских — *О'* (О'Брайен).

Русские документы XV—XVII вв. полны записями: «петрушка иванов сын», «федка петров сын» (фамилии еще нет, налицо отчество). Реформы Петра I отбросили «сын» как избыточное — его заменял формант притяжательного прилагательного *-ов(-ев)* — «чей сын»? Понятие «сын» стало выражено имплицитно, т. е. подразумеваемо, подобно выражению «купи полкило белого» (имплицитно — хлеба). Иванов, Кузнецов, Сорокин — дальние потомки Ивана, Кузнеца, Сороки.

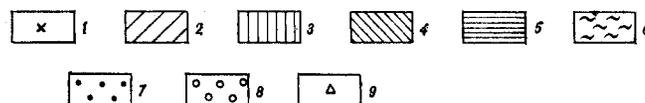
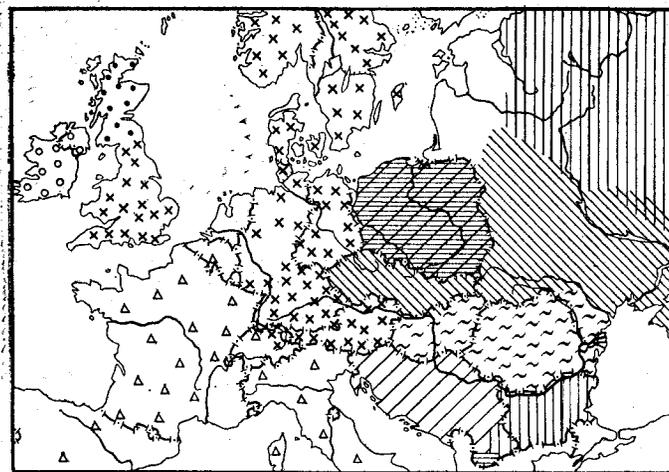
Б. Принадлежностные. В д. Ильинка Уметского р-на Тамбовской обл. 19 семей носят фамилию Сенаторовы (материалы студентов Тамбовского пединститута). В до-революционной России сенатор — член сената, высшего юридического органа страны. Сенаторы — правящая знать; Сенаторовы не могли быть потомками сенатора,

а только его крепостными. Понятно, что и Князев или Графов не дети князя или графа (которые имели собственные фамилии), а потомки крепостных князя или графа. Принадлежна фамилия Владыкин (крепостной архиерейского дома, принадлежавший хозяйству главы духовенства в епархии). Сюда же относятся фамилии по зависимости не юридической, а экономической: «чей работник». Эти фамилии часты в Центральной и Западной Европе, внешне они неотличимы от патронимичных. По самим фамилиям нельзя решить, были ли у нас первые Писаревы и Поповы работниками или сыновьями священника и писаря?

В. Владельческие. Дворянские фамилии, во всех странах Европы указывающие на местность, которой владел именуемый, например: французские *de-*, немецкие *von-* или и без этих показателей, польские шляхетские *so-ski, -cki, -sky, -sku*.

Г. Оттерриториальные. Внешне они могли и совпадать со владельческими, но семантически противоположны им, обозначая не владельца местности, а прибывшего оттуда. Они более поздние. За рубежом их частотность огромна. У англичан они без каких-либо изменений повторяют топоним: Ньютон — «новый город», Гринвуд — «зеленая роща», Колдуэлл — «холодный ручей» и т. д. Этого невозможно представить у русских (немислима фамилия Новгород, возможны Новгородов, Новгородцев, Новгородский). Оттерриториальные фамилии у русских не были часты. Ранние обозначали священника по названию села, в церкви которого он служил. Только после падения крепостного права вырывающиеся из общины крестьяне переезжали в города или торговые села, там их фамилиями нередко становилось название села или деревни, из которых они приехали: в Симбирске (ныне Ульяновск) таковы фамилия Ташлинский, Криушинский — из названий пригородных селений Ташла, Криуши; в крупном заводском с. Досчатое на Средней Оке — Мотмосков, Решенский (из селений Мотмос, Решное).

Д. Профессиональные, указывающие на занятие. Таковы немецкие Шмидт — «кузнец», Мюллер — «мельник», Кауфман — «купец» или английский Смит — «кузнец», Ширмен — «человек ножиц», т. е. парикмахер (*shear* — «ножицы», *man* — «человек»). Эти фамилии — типичные метонимии, обычнейшее явление в языке — перенос по смежности («причесать голову» вместо «волосы»; «съел две тарелки», т. е. съел содержимое тарелки дважд-

Карта 9. Преобладающие формы фамилий в Европе

1 — составные фамилии (из слияния двух основ) и фамилии из одной основы. Суффиксальные фамилии: 2 — *-ич, -евич*; 3 — *-ов(-ев)*; 4 — *-к(-ак, -ук, -ек, -ко, -енко)*; 5 — *-ски(-ский, -чки)*; 6 — прочие суффиксальные. Префиксальные: 7 — *Мак-*; 8 — *О'-*; 9 — *дэ-*

ды; противоположно метафоре — переносу по сходству). Сами носители — не кузнецы, не мельники. К фамилиям по занятиям не принадлежат Кузнецовы, Столяровы — они патронимичны, прямо указывая, что говорят о профессии не носителя фамилии, а его предков.

Е. Трудно дать название очень смешанной группе фамилий по личным особенностям носителя — его внешним чертам (Хромой, Кривой), внутренним свойствам (Благой) или всевозможным бытовым признакам (Босой, Сухоед) и т. д. В сущности, они содержат некую оценку, хотя бы неявную; пожалуй, их можно назвать оценочными, в большинстве же они патронимичны.

Ж. Этнические. Обозначения по этническому происхождению: часта у венгров и словаков фамилия Хорват. У русских только пережиточны или иноязычны (украинские, белорусские) — Литвин, Немец (не Немцев, которая патронимична, при этом чаще обязана не этнониму, а прозвищу).

Вне этих групп, конечно, остается множество фамилий, для которых не следует придумывать группы. Например, смешно искать, куда бы затолкать фамилии Дело или Передбогов.

Когда фамилии стали общепринятой обязательной категорией, новая возникает не стихийно, как прежде, а сознательно, целенаправленно. Тут возможны группы специальные, ограниченные, например, определенным составом носителей. Такими были фамилии сословия православного духовенства в России (с четким тематическим отбором). Возможны и искусственные выдумки при глухоте к языку или недостатке вкуса — Орхидея (в Симбирске 1918 г.). Электринцев — такую фамилию выбрал себе колхозник Подбельского р-на Куйбышевской обл. (от несуществующей бессмысленной основы электринец), Некто выбрал себе фамилию Авроров (по-русски возможно только Аврорин, присоединение *-ов* к основе на *-а* безграмотно).

* * *

Лексические разряды слов, послуживших основами фамилий, тоже интересны, но при обязательном условии: никоим образом не смешивать с семантикой фамилий. В противоположность семантике фамилий, которая географически менее различна, лексика их несравнимо богаче.

Самый частый лексический разряд — имена личные. Лучший пример — самое распространенное имя Иоанн. Оно принято многими религиями. Но имя — одно, а языковой облик его совершенно несхож. При исходном древнееврейском Иоханнан русская каноническая форма — Иоанн, обиходная — Иван (всех производных форм насчитано полтораста, от них происходят фамилии Ива́нов, Ива́нов, Ванин, Ванечкин, Ванькин, Вантеев, Ванютин, Ванюшин, Ванюшкин, Ванягин, Иванютин, Иванушкин, Иванушин, Иванчиков, Иванченко, Иванцов, Ивашев, Ивашкин и т. д.). В справочнике немецких фамилий приведены 350 фамилий от этого имени (Иоханнес, Иоханнисман, Гроссиоханн, Люттйоханн, Иохансон, Ганс, Гансен, Гансов, Альтханс, Гроссханс, Гутханс, Ионе, Ионсен, Клейнханс, Гудериян, Хансманн, Хензель, Хензелинг, Янсен и проч.)³. Во Франции — это Жан со всеми производными; у испанцев — Хуан (у русских через французскую передачу встречается Жуан), бразильский Жоан, ан-

лийский Джон (фамилии Джонс, Джонсон), итальянский Джиованни, польский Ян (Яновский, Янчевский, Янчук и др.), армянский Ованесян (отсюда рус. Аванесов) — это лишь малая выборка. Немало производных и от других имен (Томас — Тома — Фома — Хома, Федор — Теодор — Тодор — Тудор), из латинского Лавр, Лавренций (Лаврентий) — Лавров, Лаврецкий, Лаврухин, Лоуренс, Лоренц, Лоренцо, Ларсен, Вавринец и пр.

Из нарицательных, как уже говорилось, широко отражены в фамилиях наименования профессий, чаще всего — кузнец, который у каждого народа был самым нужным и приметным: не случайно самая частая фамилия в Англии и США — Смит, у немцев — Шмидт (плюс производные Шмидтс, Шмитсон, Вальдшмидт, Клейншмидт, Купфершмидт, Мессершмидт, Хаммершмидт, Хуффшмидт, Эйзеншмидт и пр.); от шведской основной формы Смед больше сотни производных — Смедберг, Смедфорс, Смедхальм, Смедквист, Смедстрем...⁴ Во Франции фамилии, производные от «кузнец», лексически разошлись: на севере и в центре — Фабр (Февр, Лефебр), Форжерон, а, например, в Гасконии — диалектные Хор, Хорийон (там «кузнец» Naure, с инициальным *h* на месте литературного *f*). Соответственно — португальская и бразильская фамилия Феррейра. Русская фамилия Кузнецов оспаривает первое место у фамилии Иванов, а на огромной среднерусской территории Кузнецовы встречаются многократно чаще, чем Ивановы. Самая частая фамилия поляков Варшавы — Ковальский, у хорватов — Ковачичек, Коварик, Коварич и пр.⁵, у чехов — Коварж (Kovar), Коварик, Коварчик, Коваль, Ковалик, Ковальчик и др.⁶ У венгров фамилия Ковач, славянского происхождения, вторая по частоте. Широко представлен кузнец и в фамилиях у других народов: латышская Калейс и (позитивное) Кальвиньш, румынская Феррару, грузинские Мчедели и Мчедлешвили, армянская Дарбинян, тюркоязычные Темирчи, Демирчи, Демирджи. Характерно, что фамилий с лексикой именовании по занятиям, т. е. включая и Кузнецовых, совсем не было у русских бояр, у крестьян — 4–6% фамилий, у купцов — 14–18%, а у венгров позднего средневековья — 25% фамилий — «этот тип характерен прежде всего для слуг и горожан», как заметил Б. Кальман⁷. К этой группе лексики следует добавить обозначения социального положения должностей.

Чрезвычайно характерны лексические источники фин-

ских фамилий. Все 10 самых частых фамилий финской столицы Хельсинки* содержат слова, указывающие на местную природу: Коскинен — *koski* — «водопад»; Лайне — *laine* — «волна»; Лехтинен — *lehti* — «лист»; Мякинен — *mäki* — «горка», «холм»; Хямяляйнен — Хямяля — местность в Финляндии; Виртанен — *virta* — «исток»; Ярвинен — *järvi* — «озеро»; Сальминен — *salmi* — «пролив»; Лехтонен — *lehto* — «роща»; Сааринен — *saari* — «остров» и т. д., ни одного исключения. Подобного набора нет ни у одного народа (не исключено отчасти шведское влияние, где такие элементы налицо, но несравнимо слабее); *-inen* — формант, образующий прилагательное. Ничего даже отдаленно похожего нет, например, в фамилиях мордвы, принадлежащей к той же финно-угорской семье языков, — они возникали в иное время и в иных исторических условиях.

Еще в полемике с В. Р. Кипарским о фамилиях, лексические источники которых связаны с миром пернатых, мной обнаружено, что такие фамилии вдвое чаще встречаются в Северном Поволжье, чем в Средней России («Имя и общество», табл. 26). Теперь могу привлечь новейший материал — перепись населения СССР 1979 г. В Медвенском р-не Курской обл. их носят только 2,1%, а в Даниловском р-не Ярославского Заволжья — 7,6% (среди них лидирует Соколов, отсюда эта фамилия распространилась на Среднее Поволжье). Не предположить ли, что такая частота обязана финно-угорскому субстрату? Следы, конечно, не прямые. Там обитали финноязычные весь и меря, тесное и длительное общение с русскими превратили их в русских. Это влияние могло сильно участить употребление личных нецерковных имен, удержанное и в XVI—XVII вв., отчества от них затем стали фамилиями. Предположение еще ждет проверки.

* * *

Сама система частотности фамилий резко различна у разных народов. Это различие не внешнее и не второстепенное, а очень существенное. Утверждают, что у 57 млн корейцев всего несколько сот фамилий. Такие самые частые, как Пак, Ким, Ли, по числу их носителей,

* Подсчет выполнен по опубликованному списку более 200 тыс. жителей Хельсинки (за вычетом шведских фамилий), которым любезно снабдила меня А. Лескинен.

очевидно, фамилии «миллионщицы». Для европейских народов характерна не концентрация фамилий, а, наоборот, огромный разброс их (в противоположность именам индивидуальным). В России носителей фамилий Иванов и Кузнецов гораздо больше чем по миллиону человек, но количество фамилий с небольшим числом носителей настолько грандиозно, что общая сумма фамилий у русских практически неисчислима — во всяком случае сотни тысяч! В Хорватии на 4,5 млн населения около 100 000 фамилий, из них самая частая — Хорват, ее носят 20 714 человек (1958 г.), а несколько тысяч фамилий ограничены каждая единственной семьей или даже единственным носителем.

Общее количество фамилий в Швеции как будто достаточно — в списке 1965 г. их более 150 тыс.; если отбросить устарелые, иноязычные и фамилии одиночек, все же остается 120 тыс. на 8 млн шведов. Но подсчет показал, что фамилию Андерсон носят 380 тыс. человек, Иохансон — 334 тыс., Карлсон — 334 тыс. человек; всего десяток самых частых фамилий охватили четверть всех шведов*. Такая масса однофамильцев создала в стране нестерпимую путаницу, стала государственным бедствием. Правительство и парламент оказались вынуждены принять законодательные меры, для разработки которых создан специальный научный аппарат. В 1963 г. риксдаг (парламент Швеции) принял закон, регулирующий фамилии. Опубликован список полутораста самых частых фамилий и обращение к их носителям с приглашением заменять на рекомендуемые, выработанные... электронно-вычислительной машиной, которой специалисты задали указания и ограничения. Из 900 тыс. фамилий, которые она выдала, отобрана и опубликована первая партия — около 56 тыс. фамилий.

В других странах до этого не дошло, но обилие самых частых повторяющихся фамилий (нелишнее напомнить: в Москве 90 тыс. Ивановых, из них 1 тыс. — Ивановы Ивановичи) изрядно затрудняет и учреждения, и население.

Таким образом, у народов Европы господствует резкий контраст: минимум фамилий максимальных по числу носителей каждой и максимум малолюдных фамилий.

* * *

У многих народов фамилии женщин тождественны мужским, и, если надо узнать, что речь идет о женщине, это приходится выражать лексически: фрау Шмидт, фрейлен Шмидт. У 95% русских женщин фамилии отличимы по полу: мужчины — Кузнецов, Сорокин, Ильинский; женщины — Кузнецова, Сорокина, Ильинская. Русским странно встречать в западноевропейской печати «переодетую мужчиной» русскую Vera Ivanov. Исключения составляют фамилии, неизменяемые по грамматическому роду с формантом *-их*, а также иноязычные (в том числе украинские и белорусские на *-ко, -ка*).

Фамилии литовок, частью и полек указывают не только на пол, но и на семейное положение, отличая замужних от незамужних. У них 3 различные формы:

	Мужчины	Женщины	Девушки
Литовские	Корсакас	Корсакиене	Корсакайте
Польские	Мицкевич	Мицкевичова	Мицкевичувна

Однако за последние десятилетия в Польше усилилась тенденция к отходу от дифференциации форм фамилий по полу и к переходу на общую форму. Исследовательница польских фамилий публиковала свои работы (1955—1957 гг.) с подписью М. Карплюковна, а в последующие годы — М. Карплюк.

Венгерский язык употребляет дополнительное *-не*, присоединяемое к фамилии мужа для обозначения жены: он Кишне (сложнее, если именовать от фамилии и личного имени мужа).

В ряде языков, не имеющих женских форм фамилий, они известны в прошлом. Примеры из нескольких областей Франции привел А. Доза: на юге — Фабресса из мужской фамилии Фабр; пережиточно уцелели — муж Pradin, жена la Pradino. Говоры Перигора в XIX в. удерживали суффикс *-ilho* для обозначения дочери по отцу — la Chalainho⁹. С ними перекликаются реликтовые западногрузинские формы женских фамилий на *-нхе*, о которых рассказано в главе о грузинских фамилиях. Форма оживающая приобретала оценочный негативный оттенок.

* * *

Длину фамилии до сих пор никто не выяснял, не говоря уже о межязыковом сопоставлении.

В китайской фамилии один слог, редко два. Английская фамилия несколько длиннее китайской, но короче украинской, а та короче русской. Абсолютное большинство русских носит фамилию длиной в 3 слога, если брать мужскую форму. Но ведь у 95% русских женщин фамилия на один слог длиннее, чем у мужчин (кроме носительниц неизменяемых фамилий). С учетом женских форм частотность длины фамилий распределена так (в подсчете — количество не фамилий, а их носителей), в %.

Народ	Слог							Средняя длина
	1	2	3	4	5	6	7	
Шведы	11*	66	19	4	—	—	—	2,16
Украинцы **	2	26	44	25	3	.	—	3,01
Русские:								
Ярославское Заволжье ***	—	17	45	32	6	.	—	3,22
Горьковское правобережье ****	—	14	46	35	5	.	—	3,31
Курская обл. *****	—	12	39	41	8	.	—	3,45
Грузины Кахети *****	—	—	1	35	54	10	.	4,73

* Показатели округлены до 1%; точна соответствует менее 0,5%; тире означает отсутствие.

** Славянский и Тельмановский районы Донецкой обл. УССР (1974 г.).

*** Даниловский и Пошехонский районы Ярославской обл. (1979 г.).

**** Гагинский и Лукояновский районы Горьковской обл. (1979 г.).

***** Льговский и Фатежский районы Курской обл. (1979 г.).

***** Села Карданах и Икалто Телавского у. (1889 г., ныне в Гурджаанском р-не ГССР) — Исторический архив ГССР. Ф. 254.

Приведем примеры некоторых фамилий европейских народов (см. стр. 180).

Кол-во слогов	Шведские	Украинские	Русские	Грузинские
1	Хольм	Кныш	—	—
2	Карлсон	Бондарь	Волков	—
3	Андерсон	Гриценко	Кузнецов	Цхикадзе
4	Кристиансон	Бондаренко	Николаев	Мchedlishvili
5	—	Мирошниченко	Николаевский	Турмашвили
6 и 7	—	Малаховецкая	Николаевская	Татаргеоргишвили

Различия отчетливы. У русских нет однослоговых фамилий, охватывающих у шведов $\frac{1}{10}$ всего населения. Наиболее часты у русских фамилии в три слога, у $\frac{2}{3}$ шведов фамилии двуслоговые. Отсутствующие у шведов фамилии в пять и более слогов нечасты у русских, а у грузин-кахетинцев преобладают; фамилии в один-два слога в Кახетии отсутствовали, а в три слога — единичны, и все принадлежали приезжим с запада Грузии. Даже у одного народа длина фамилий не всюду одинакова. Фамилии русских из Курской обл. несколько длиннее, чем русских из Ярославской, возможно, за счет притока украинцев с формантом *-енков(а)*; у грузин Гурии фамилии короче, чем у грузин Кახетии.

В основном длина фамилии обусловлена языком, а длина слова в каждом языке — своя. Но внутри каждого языка она связана с определенными разрядами слов (русские фамилии по своему происхождению — краткие формы притяжательных прилагательных). В моей работе «Длина слова»¹⁰ сделана попытка выявить длину слова по видам речи и указана литература вопроса. Но фамилия — автономный раздел лексики в каждом языке, и приведенные примеры только начало исследования.

* * *

Каждая фамилия выражена средствами определенного языка, а средства языков мира различны.

В действительности каждый язык употребляет и гласные и согласные, но в различном соотношении; моими подсчетами обнаружен эмпирический предел: двойное преобладание тех или других — в ительменском языке на Камчатке вдвое преобладают согласные, а в полинезийских языках Океании, наоборот, — гласные¹¹. В отдельных же словах различие может достигать крайностей, отраженных в фамилиях: русскому равно непривычно слышать и трудно произнести армянскую фамилию Мкртчян и тихоокеанскую (с о-ва Науру) Эоаса. Фонетические своеобразия сказываются во всем: и в составе звуков (например, тюркский сингармонизм), и в характере ударения (тоновое или силовое) и месте его (финальное во французском, на предпоследнем слоге в польском) и т. д.

Немало различий и общностей добавляет письменность. Китайскую фамилию, написанную иероглифами, по-разному прочтут в Пекине и Гуанчжоу, только написание позволяет установить, что она одна и та же. Примеры на японском материале привел Н. П. Капул¹².

Далеко от произношения и буквенное письмо: пишем *Орлов*, а произносим *арлоф*. Белорусы и грузины утверждают: «Пишем, как говорим», но это самообман. Их орфография хотя ближе русской к произношению, но все же не совсем совпадает с ним. Очень далека от произношения французская орфография: Rousseau (увы, по-русски передать эту фамилию невозможно, любое написание чудовищно исказит ее: Руссо, Руссе и т. п.). Вспомним, что Пушкин, строжайше точный в рифмах, рифмовал ее со словом «всё». Крайним несоответствием произношению знаменита английская орфография. Ее жертвами стали Э. Золя и О. Уайльд. Они читали друг друга, но не встречались. Увидев Золя в театре, Уайльд поспешил к нему, но Золя по визитной карточке не понял, кто это (пишут *вилд*, а произносят *уайльд*), и не принял его, и только потом выяснилась ошибка.

Различия обильны не только между языками, но и внутри них. В части Ганновера, близкой к Дании, в фамилиях звучит *-sen* вместо общенемецкого *-son*; литературному *von* соответствует нижнерейнское *van*. Фамилии верхненемецкого (юго-запад Германии) и нижнене-

мецкого (северо-запад Германии) происхождения и фонетически, и словообразовательно, и лексически различны. Огромный материал на этот счет приведен в словаре немецких фамилий, научно обработанном крупнейшим знатоком их Адольфом Бахом¹³.

А. Доза широко показал географию фамилий Франции. В Лангедоке (юго-восток Франции) преобладают Delpart, Debosk, Rey, Tardie, а вне его — Durgé, Dubois, Roy, Tardif; в Бургонии, Франш-Конте, Оверни обильны фамилии с формантом *-ot*; на западе и в Пуату — с *-equ*, *-ic*, а в Иль-де-Франсе — с уменьшительным *-in*¹⁴. Подобный материал есть по итальянским¹⁵ и по шотландским фамилиям¹⁶.

В Польше и ряде других стран многочисленны региональные словари фамилий, как двухтомник Ст. Роспонда по Силезии¹⁷.

Соответствующие русские примеры — на глазах у каждого читателя: Астахов—Остахов—Остапов — из единого канонического имени Евстафий; четкая география фамилий на *-их*, лексический «антагонизм» Кузнецов—Ковалев, Петухов—Кочетов и обратно. Фамилия Гамзин трудна: глагол *гамзить* означал на Псковщине «портить», в Лукояновском у. Нижегородской губ. — «торопить», а в Кинешемском у. Костромской губ. — «бранить». Это не исключения, такие ловушки в фамилиях многочисленны. Географически каждая фамилия имеет свой ареал. Сегодня изучать фамилии вне географии не только не научно, но и невозможно. К сожалению, именно по русским фамилиям это не усвоено, сибирские работы В. В. Палагиной¹⁸ остались почти единственным примером (немного сделали по фамилиям Приуралья Е. Н. Полякова, А. С. Кривошекова-Гантман, Г. А. Архипов, П. Т. Поротников). Зато многое сделали именно в географическом аспекте исследователи фамилий Украины — Ю. К. Редько¹⁹, Белоруссии — М. Н. Бирилло²⁰, Латвии — В. Э. Сталтмане²¹.

* * *

Как возникали и развивались все эти общности фамилий или, напротив, их различия? Есть три пути: генетический, контактный, типологический.

Генетический. Фамилии исторически оформились поздно, в них не могло непосредственно отразиться единство языковых семей или хотя бы их ветвей, из которых

позже сложились отдельные языки. От германской или славянской общности до первых фамилий прошли века и века. Но языки унаследовали и сохранили много черт, общих для былой их семьи или ветви, они и отражены в фамилиях, которые во многом одинаковы у всех славянских народов или всех германоязычных. Генетичны во всех германских языках *-son* (Вильсон, Никсон), фонетически различающиеся по языкам: *-sen* — у датчан, норвежцев (Ибсен, Нансен, Ларсен); *-zon* — в идиш; архаичное восточногерманское *-sun* — у готов (его по националистическим соображениям включил в свой псевдоним К. Гамсун). Генетичны общеславянские *-ич*, *-ович*, *-евич*, монополюбно преобладающие в фамилиях сербов, в меньшей мере — у поляков, хорватов, словенцев, ушедшие в отчества у русских. Генетичны и многие различия, отражающие исторический разрыв общности, например разница латышских и литовских фамилий (оба языка принадлежат к балтийской семье), своеобразии украинских фамилий, отличаемых от русских в силу сложившихся разных исторических судеб в XIV—XVII вв.

Контактный — Фамилии обязаны своим появлением не происхождению народов, а их общению. Таково само внедрение категории фамилий в развивающихся странах нашего столетия. Таково заимствование христианских и мусульманских имен, ставших основами фамилий у сотен миллионов людей. Таково массовое распространение основного форманта русских фамилий *-ов* (*-ев*) у народов нашей страны. В фамилиях мордвы, марийцев, удмуртов ощутимы следы их длительного контакта с татарами. Очень важно напомнить, что легко перенимают какое-нибудь явление от соседей, когда перенимающий народ в нем нуждается, т. е. когда развиты условия, требующие принять это новое; иначе заимствованное останется лишь достоянием ничтожной кучки и исчезнет без следа.

Типологический. Эти фамилии не унаследованы и не заимствованы, а возникали там или тут каждый раз независимо, как одинаковое следствие в силу одинаковых условий. Таково преобладание отчеств как главного источника фамилий. Типологично отличие форм женских фамилий от мужских. Из явлений менее важных, но любопытных, очевидно, типологичны «счетные» фамилии у самых разных народов. Одни из них — отчества от порядкового «номера» ребенка (или только сыновей) в семье: Второв, Третьяков, Шестаков, мордовская фамилия Девятайки; частая хорватская — Шестак (только в

кайкавской части и в Славонии). От основы *семь*, у многих народов означающей не семерку, а «много» (ср. рус. «у семи нянек», «семитаборная»), может быть, возникли фамилии Семибратов, Семиколенов, Семидомов. Немецкая фамилия Зибенхаузен означала не владельца 7 домов, а приезжего из деревни с этим названием. Немецкая фамилия Зибенлист понятна в свете другой: Таузендлист — «тысяча хитростей», «множество коварств». Безусловно, это не заимствования, а понятные параллели русских и зарубежных фамилий: Пекарев, Булочников, Хлебников и немецкой Беккер — «пекарь», французской Буланже — «булочник» и т. п. Дворянская фамилия Вострая Сабля (рязанский помещик 1610 г., повторена там же в 1722 г., позже — Востросаблин*), перекликается с французским фехтовальным Longuée — «длинная сабля» и Sacqué-rée — «вытянутая сабля».

Генетические, контактные, типологические общности и различия, переплетаясь, образовали современную систему фамилий в каждом языке.

Необходимо, однако, учитывать существенную разницу; одни общности и различия принадлежат только фамилиям, а другие — языку в целом. Так, фамилии, в которых слиты два слова, почти все образованы не словосложением — их основой стало готовое составное слово, существовавшее задолго до фамилии (Водовозов из водовоз). То же относится не только к происхождению фамилий, но и к их дальнейшей судьбе. Формант *-ов* создан не для фамилий и даже не для отчеств, из которых они возникли. Он существовал за много веков до первых фамилий, служа средством выразить притяжательность, с этой функцией и вошел в отчества, а из них — в фамилии. Но процесс не закончился на этом. Став преобладающим средством образования фамилий (а нередко и топонимов), формант *-ов* одновременно перестал употребляться вне их, в именах нарицательных, вытесненный в последних иными средствами; теперь несравнимо чаще слышим «пиджак отца», чем «отцов пиджак». Следовательно, надо сопоставлять частотность той или иной черты в фамилиях с ее частотностью в языке вне их. Формант *-их* в обратных словарях русского языка отсутствует совсем, а в русских фамилиях он нередок, хотя и регионален, охватывая местами 4–5% русских. Если же

* И сегодня там живут Остросаблины — в д. Рудино Захаровского р-на (перепись 1979 г.).

составить обратный словарь русского языка не по словам, где слова представлены в их «парадной» форме (её так и называют словарной), а во всех подлинных формах, то формы родительного падежа множественного числа прилагательных заняли бы в нем заметное место — они не региональны, а всеобщие. Частотность любого явления в фамилиях не копия его частотности вне их, она характеризует отбор фамилиями нужных для них языковых средств.

- ¹ Svensk namnbook. Statens offentliga utredningar. Stockholm, 1964. N 14. S. 212–213.
- ² Dauzat A. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénom. P., 1979. P. XIX.
- ³ Heintze A., Gascorbi P. Die deutschen Familiennamen. Halle, 1925. 6 Aufl. S. 281–283.
- ⁴ Statens offentliga utredningar. Stockholm, 1960. N 5.
- ⁵ Léksik prezimena SR Hrvatske. Zagreb, 1976. S. 322–326.
- ⁶ Beneš J. O českých příjmeních. Pr., 1962. S. 217.
- ⁷ Kalman B. L'Origine et l'évolution des noms de famille hongrois // Analele stiintifice ale Universitátei Al. I. Cuza. Iasi, 1953. Sec. III, t. IX.
- ⁸ Svensk namnbook.
- ⁹ Dauzat A. Les noms de famille de France. 2-e ed. P., 1949. P. 365.
- ¹⁰ Никонов В. А. Длина слова // Вopr. языкознания. М., 1978. № 6.
- ¹¹ Никонов В. А. Этногенез и фонетика // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 49.
- ¹² Капул Н. П. Японские имена и фамилии как явление языка и письменности // Фолькман Е. А. Словарь японских имен и фамилий. М., 1953. С. 1049.
- ¹³ Bach A. Deutsche Namenkunde. Heidelberg, 1978. B. 1, H. 1, 2, Aufl. 3.
- ¹⁴ Dauzat A. Dictionnaire étymologique... P. XVIII–XIX.
- ¹⁵ de Felice E. Dizzionario dei cognomi italiani. Milano, 1979. P. 135–136.
- ¹⁶ Black G. F. Surnams of Scotland. N. Y., 1946.
- ¹⁷ Rospond St. Słownik nazwisk śląskich. Wrocław, 1967–1973. I–II.
- ¹⁸ Палагина В. В. Неканонические антропонимы русского населения Томска // Вopr. ономастики. Свердловск, 1974. № 8–9; Она же. Русские антропонимы как источник информации о диалектном составе населения // Вopr. изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.
- ¹⁹ Редько Ю. К. Сучасні українські прізвища. Київ, 1966.
- ²⁰ Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія. Мінск, 1969–1970. Т. I–II.
- ²¹ Сталтмане В. Э. Латвийская антропонимия: Фамилия. М., 1981.

ФАМИЛИИ И НЕФАМИЛИИ

Фамилии распространены по всему земному шару — до самых крайних точек расселения человечества. Однако процесс их становления еще далеко не завершен. Даже в Европе целое государство не имеет фамилий — Исландия (237 тыс. человек). Предложения об установлении фамилий поднимали и там, но общее обсуждение не только отвергло это, но и постановило запретить кому-либо принимать их¹. Встретив именование исландского политического деятеля, ученого, писателя или спортсмена, не ищите фамилию — ее нет, только индивидуальное имя и отчество: Сигурд Гуннарсон, Эйнар Каутсон. Сын Сигурда Гуннарсона будет не Гуннарсон, а Сигурдсон, но во всех международных документах, в заглавиях книг, в библиографических перечнях, в каталогах выставок, на афишах концертов, в отчетах олимпиад — всюду, где должна быть фамилия, встречаем вместо нее отчество. Оно выступает взамен фамилии, без которой исландцы обходятся.

Нет фамилий и у сотен миллионов индийцев. «Очень часто по аналогии с западными системами антропониимии третью часть имени индийцев принимают за фамилию. Но это ошибочно»². Первый компонент имени продиктован гороскопом — расположением звезд на день рождения, второй — избирают родители, третий — название касты, но его теперь часто отбрасывают; вместо него некоторые берут фамилию, но пока меньшинство. Бесфамильны и многие другие народы.

В регионе, опоясывающем Индийский океан, характерна особенность именовании, господствующая в нескольких странах. В Индонезии встречаем инициальный компонент *Су* — Сукарно, Сухарто, Субандрио и др. Его первоначальное значение утрачено, теперь это знак уважения, почета. В обиходе имена употребляемы и без *Су*: Карно, Харто, Бандрио. В Бирме точно такое значение имеет первый компонент *У* — У Тан, У Нан и др. На Мадагаскаре ту же самую функцию несет первый член имени *Ра* — Рацирака, Рабеманандзара, Рабсаривелу и др. Эту общность, до сих пор, кажется, не отмеченную никем, нельзя считать случайной. Она существенна. По сути — это не фамилии. Они подобны принятым у европейцев словам *господин*, *монсиньор*, *государь*, *гражданин*, *мадам*, *мадмуазель*, обычно сокращенных (*г-н*,

мсье, *сударь* и т. п.). Лексическое значение они утратили и превратились лишь в знак уважения. Но в международном употреблении *Су*-, *У*-, *Ра*- заняли место в ряду фамилий. Они исполняют обязанности фамилий и устно и письменно. Стали ли они фамилиями? Вопрос не так прост. Фамилии ли Бесфамильный, Непомнящий (частые у сибиряков)? Полиция записывала их в соответствующую графу документа при отсутствии или сокрытии фамилии; т. е. слова «бесфамильный», «непомнящий родства» прямо указывали, что фамилии нет. Но это потом перешло в паспорт, заменяя фамилию, как и псевдоним Безымянный. Кому придет в голову отбросить современный документ с ними?

Дело самих народов решать, как им поступить. Ввести ли фамилию по образцу наиболее развитых стран, заместить ли ее какой-либо наличной формой привычных именовании или сохранить существующую систему. Никто не вправе решать этот вопрос за народы. Во всех же международных отношениях всевозможные «нефамилии» или «и. о. фамилий» служат фамилиями наряду с английской и русской, как равные среди равных. Так как во многих языках (например, китайский, японский, бирманский, индонезийский, малагасийский и др.) все именование уместается в двух-трех, пусть в четырех слогах, его употребляют полностью: У Тан или Сунь Ятсен, иногда берут первый компонент. Это относится и к частым юридическим вопросам, нередким, например, в делах об иностранном наследстве, где закон строго требует указать фамилию. И в любом перечне книг, списке участников международного научного конгресса, членов интернациональной политической организации, соревнующихся на фестивале или Олимпиаде «нефамилии» выступают полноправными в ряду фамилий.

* * *

Многими и разными путями складывалось современное состояние антропониимии во всем мире. Магистраль ее развития — глобальное торжество фамилии при ряде национальных различий фамилий и нефамилий. Как и любой синхронный срез из всех последующих периодов, современное состояние не нечто монолитное и неподвижное, а лишь момент непрерывно продолжающегося движения, в котором сталкиваются различные процессы — и параллельные и противоречивые. Наивно думать, что

вечное движение остановится на нас и антропонимическая система нашего дня вдруг окаменеет навеки.

Нельзя ли заглянуть в завтра?

Кодекс законов о браке и семье СССР разрешает внутрисемейную разнофамильность. Такие случаи нередки. Есть даже семьи из 4 человек, в которых у всех разные фамилии: у жены — ее девичья фамилия (по отцу), у сына — по отцу (ее первому мужу), у ее матери — фамилия ее второго мужа — отчима дочери и т. д. Ряд примеров внутрисемейной разнофамильности привела В. А. Флоровская, констатируя, что «отсутствует полная устойчивость в фамилиях»³. Некоторые усматривают в этом серьезную угрозу будущему фамилий, могущих утратить смысл, перестав символизировать единство семьи. Экономические же интересы у нас защищены не фамилией, а законом, да и по сравнению с прошлым вес их не слишком велик. Едва ли опасения верны. Государственные мероприятия по укреплению семьи могут приостановить и рост разнофамильности внутри ее. Но даже если этого не произойдет, семья еще надолго останется однофамильной в абсолютном большинстве. Пока в сельской местности разнофамильность затронула 5% семей, по городам данных нет. Возможно, что там разнофамильность выражена резче, но всеобщая внутрисемейная разнофамильность пока нам не грозит.

Но представим, что однофамильность семьи исчезнет. Сгинет ли фамилия? Современные индивидуальные имена Сергей, Юлия не имеют никакого иного значения, кроме единственного — «вот этот», «вот эта» и некоторых положительных ассоциаций с носителями тех же имен (при ассоциациях отрицательных имя выходит из употребления). Так и с топонимами. Ни Москва, ни Волга не сохранили исходного значения основ, но оба топонима приобрели могучие семантические связи с ролью называемых объектов. Имя собственное развивает свои, уже от-ономастические, значения. Фамилия может даже пережить семью вообще и все же остаться повторяющимся именованием пережиточно, как существуют и личные имена, и топонимы. Конечно, это вопрос слишком отдаленного будущего.

Нет ли опасностей в концентрации фамилий? Пример Швеции, единственной страны, где возникла такая ситуация, показывает, что эта угроза устранима.

Если что и грозит фамилиям, то лишь более удачливые их конкуренты.

И писатели-фантасты, и ученые-футурологи не раз предлагали модели будущей антропониимии. Персонажи романа И. Ефремова «Туманность Андромеды», действие которого происходит в не близком грядущем, носят имена Дар Ветер, Веда Конг и т. п., созданные по любому понравившемуся созвучию. Советский ученый И. В. Бестужев-Лада считает, что этого катастрофически не хватит для стремительно разрастающегося человечества. По его мнению, будущее имя включит номер личного видеофона, место жительства и т. д. Имя «в коммунистическом обществе, насчитывающем миллиарды человек, скорее всего, выглядело бы так: для узкого круга друзей Дар, для более широкого круга коллег и знакомых — Дар Ветер, а для мировой общественности — Дар Ветер, Гром Эрг Ноор из коммуны Новая Аврора федерации Северная Таврия 124 С — 212 В 9753 АК 674 596»⁴.

Наверно, зерна антропониимии будущего лучше искать в настоящем. Самые знакомые и дорогие всему человечеству имена Ленин (В. И. Ульянов), Горький (А. М. Пешков) просты, емки, легко запоминаемы. Они не отменяют наследственных фамилий, связывающих с семьей, которая социалистическому обществу не антагонистична, а составляет первичную его ячейку. Будут ли они сосуществовать с фамилией или заменят ее — вопрос другой, но второстепенный и не актуальный. Сосуществование именованных разных категорий вполне обычно и всеобщее. Ведь родственника или друга у нас обычно не называют по фамилии — для этого есть другие, параллельные именованья; жена называет мужа иначе, чем дети, и т. д. У многих народов принято носить не одиночное индивидуальное имя, а двойное или даже тройное (Анна-Мария-Терезия или Эрих-Мария-Ричард — где смешан пол), широко распространены и двойные фамилии: в СССР, например, сдваивать при браке фамилию жениха и невесты разрешают кодексы 6 союзных республик — Азербайджанской, Белорусской, Грузинской, Молдавской, Таджикской и Украинской (при условии, если ни та ни другая фамилия не двойная), в остальных союзных республиках двойная фамилия допускается лишь существующая, а не возникающая вновь.

Псевдонимы давни. Как и другие имена, принимаемые во взрослом возрасте, они обычно выражали смену социальной среды, хотя бы «вступление в цех» писателей или артистов. К сожалению, псевдонимы артистов в большинстве претенциозны и шаблонны. Тонко и так-

тично передал это, близко зная актерскую среду, А. Н. Островский⁵ (достаточно привести пару Счастливых и Несчастливых из пьесы «Лес»). Талант и труд могли полностью заслонить и претенциозность и шаблонность псевдонима — каждое именование, «говорящее» только при первом знакомстве, затем приобретает окраску по заслугам его носителя. Литература о псевдонимах велика, но пока только описательная, а нацеленную на перспективу еще предстоит создать.

Возможен иной путь: общество будет называть человека за сделанное им. Выдающегося деятеля Индии, который возглавил борьбу за ее освобождение, — Ганди — народ назвал Махатма — «великая душа».

Едва ли кто сегодня угадает антропонимическую систему будущего. Да гадать и преждевременно, и необоснованно. В обозримой перспективе торжество фамилий в мировом масштабе несомненно.

¹ Анохин Г. И. Судьба гренландских норманнов // Сов. этнография. 1967. № 3. С. 113—124.

² Зубков А. Н. Общие вопросы индийской антропонимии // Учен. зап. Ин-та международных отношений. М., 1971. Вып. 7. С. 126—127.

³ Флоровская В. А. О личных именах и говорах // Вопросы современного русского языка. Краснодар, 1968. С. 281.

⁴ Лада И. Дар Ветер или Ральф 124 С 41+? // Наш современник. 1965. № 11. С. 115—117.

⁵ Марков П. А. Морализм Островского // Памяти Островского. М.; Пб., 1923. С. 149.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ЗАГАДКИ ФАМИЛИЙ	5
ФЛАГ СЕМЬИ	18
ГЕОГРАФИЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ	33
СЕВЕРНЫЕ РУССКИЕ ФАМИЛИИ	56
ВОЛОГОДСКИЕ ФАМИЛИИ	77
ОРЛОВСКИЕ ФАМИЛИИ	92
РУССКОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ ЗАУРАЛЬЯ В СВЕТЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ФАМИЛИЙ	98
ФОРМЫ СЛАВЯНСКИХ ФАМИЛИЙ И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ	106
СТАТИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ХОРВАТСКИХ ФАМИЛИЙ	118
ИЗ ГЕОГРАФИИ МОРДОВСКИХ ФАМИЛИЙ	127
ФОРМЫ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ФАМИЛИЙ	141
ГЕОГРАФИЯ ФАМИЛИЙ — ЭТНОИСТОРИЯ ГРУЗИН	150
МНОГОЛИКОЕ ЕДИНСТВО	167
ФАМИЛИИ И НЕФАМИЛИИ	186